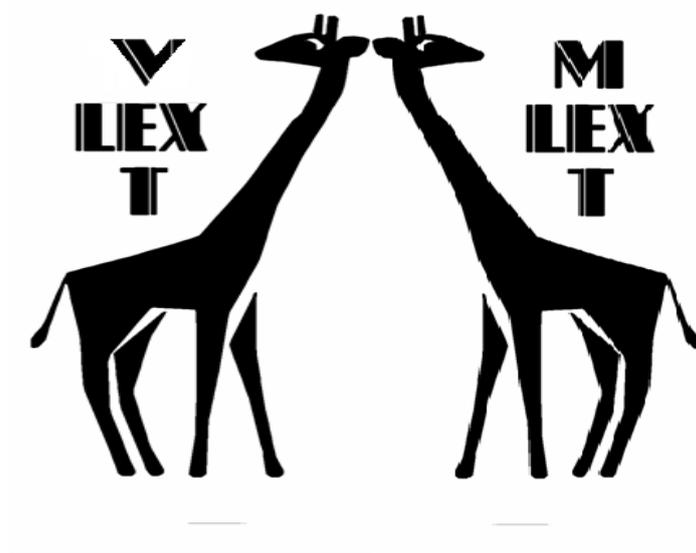

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ РОМАНО-GERMANСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ПО КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

**ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ
ТИПОЛОГИИ**

Выпуск 3

Воронеж – 2016

УДК 81'1
ББК 81
П 78

Проблемы лексико-семантической типологии: Сборник научных трудов / под ред. А.А. Кретьова. – Вып. 3. – Воронеж, 2016. – 156 с.

ISBN 978-5-00044-490-0

Сборник составлен по материалам Третьей Международной научной конференции «Проблемы лексико-семантической типологии», организованной и проведенной Отделением теоретической и прикладной лингвистики факультета романо-германской филологии и Научно-методическим центром по компьютерной лингвистике Воронежского государственного университета 18-19 марта 2016 года.

Для лингвистов, филологов - специалистов по типологии лексико-семантических систем.

ISBN 978-5-00044-490-0

© Воронежский государственный педагогический университет,
редакционно-издательская обработка, 2016

Содержание

К.А. Багдасарян (<i>Москва</i>) ГЛАГОЛЫ ИЗВЛЕЧЕНИЯ ОБЪЕКТА В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	5
О.М. Воевудская (<i>Воронеж</i>) СИСТЕМА БАЗОВЫХ ПОНЯТИЙ НОСИТЕЛЕЙ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ.....	19
Е.А. Дзедзич (<i>Москва</i>) ГЛАГОЛЫ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ВЕЩЕСТВ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	28
О.В. Доница (<i>Воронеж</i>) О КАТЕГОРИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ В ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	32
Д.О. Жорник, А.Д. Кожемякина (<i>Москва</i>) ГЛАГОЛЫ ПАДЕНИЯ В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ	45
Д.С. Демкина, В.А. Жукова (<i>Москва</i>) «ШКУРНЫЙ ВОПРОС»: НАЗВАНИЯ ОБОЛОЧЕК ПРЕДМЕТОВ (КОЖА, ШКУРА, СКОРЛУПА...) В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	58
М. С. Зарифян, А. А. Мельник, Л. М. Полянская (<i>Москва</i>) ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА <i>ДАЛЕКИЙ</i> НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ.....	62
В. А. Иванов (<i>Москва</i>) ФАКТОР МОТИВИРОВАННОСТИ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МЕТАФОРЫ	68
Е.И. Ивтушок (<i>Москва</i>) К ТИПОЛОГИИ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «БРОСАТЬ»	72
Е. В. Кашкин (<i>Москва</i>) СЕМАНТИКА ХАНТЫЙСКИХ ПОЗИЦИОННЫХ ПРЕДИКАТОВ	78
А.Д. Кожемякина, А.Э. Костюк (<i>Москва</i>) О СТРУКТУРЕ ЛОКАТИВНОЙ ПРЕДИКАЦИИ В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ	89

А.А.Кретов, О.М.Воевудская, И.А.Меркулова, В.Т.Титов (<i>Воронеж</i>) КАРТА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЯЗЫКОВ ЕВРОПЫ	98
М.А. Объедкова (<i>Москва</i>) ЛЕКСИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО «ХРУПКИЙ».....	115
А.С. Панина (<i>Москва</i>) ОТБОР ЛЕКСИКИ ДЛЯ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА	118
Г.Т. Поленова (<i>Таганрог</i>) ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ СЕМАНТИКИ –СЯ/-СЬ.....	122
Н.С. Попова (<i>Воронеж</i>) МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСЕМ ВЕСНА / FRÜHLING	128
М. А. Сидорова (<i>Москва</i>) СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ ЧИСТЫЙ / ГРЯЗНЫЙ И ПРОЗРАЧНЫЙ / МУТНЫЙ В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ	135
А.Ю. Фомин (<i>Павловск</i>) ЛЕКСИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ.....	147

ГЛАГОЛЫ ИЗВЛЕЧЕНИЯ ОБЪЕКТА В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

1. Введение

Настоящая работа посвящена лексико-типологическому анализу одного из типов каузированного перемещения – глаголам извлечения объекта (ср. в русском *доставать, вынимать, извлекать* и под.) Материалом для исследования послужили данные шести языков: русского, английского, немецкого, французского, армянского и китайского (путунхуа).

При этом объектом описания в данной статье будут как исходные значения глаголов изучаемого семантического поля, так и их переносные употребления.

Итак, в центре нашего внимания – сопоставление лексических значений. Это относительно новая и активно развивающаяся в последнее время область типологических исследований (см. Плунгян, Рахилина 2007, Kortjevskaja-Tamm 2008, Рахилина, Резникова 2013). Объектами лексико-типологического анализа уже становились достаточно разные семантические зоны, ср. глаголы перемещения в воде (Майсак, Рахилина (ред.) 2007), разрушения (Majid, Bowerman (eds.) 2007), предикаты боли (Брицын и др. (ред.) 2009). Особо следует отметить работы, посвященные глаголам каузированного перемещения и тем самым ближе всего подходящие к тематике настоящего проекта, а именно ‘давать’ (Newman (ed.) 1998) и ‘класть’ и ‘брать’ (Корецка, Narasimhan (eds.) 2012). Вместе с тем, семантический класс, который был выбран в качестве предмета исследования в настоящей работе, – глаголы извлечения объекта – еще не обращал на себя внимания специалистов по лексической типологии. Таким образом, цель настоящей работы – выявить различия между языками в способах лексикализации ситуации извлечения объекта и тем самым создать базу для ее изучения в широкой типологической перспективе.

Методология, выбранная для нашего исследования, основана на опыте работы Московской лексико-типологической группы и известна как «фреймовый подход» к лексической типологии (см. Рахилина, Резникова 2013). В соответствии с этой методикой, основанием для межъязыкового сравнения являются прототипические ситуации (фреймы), характерные для исследуемого поля. Для их выявления проводится анализ корпусных данных и классификация ситуаций, в которых могут употребляться слова интересующего нас поля. Удобнее при этом начинать с родного языка исследователя (соответственно, в нашем случае анализ проводился на основе данных НКРЯ).

Параллельно с этим осуществляется предварительная обработка данных других языков. На первом этапе она основана на материале переводных и толковых словарей: из них можно почерпнуть информацию о лексемах, которые относятся к рассматриваемому полю, их основных семантических особенностях и наиболее характерной сочетаемости.

На следующем этапе мы обращаемся к корпусам, доступным для данного языка, и инструментарий для исследования сочетаемости, предоставляемому на базе ресурса SketchEngine (<https://www.sketchengine.co.uk/>). С помощью корпусов мы можем получить интересующие нас примеры употребления лексем в современном языке и определить типы ситуаций, соответствующие каждой лексеме. Эти ситуации затем использовались при составлении анкеты.

На третьем этапе мы работали с носителями с помощью созданной ранее анкеты. Опрашивая информантов, мы проверяли, какие из ситуаций, вынесенных в анкету, покрываются в данном языке одной лексемой, а какие – лексически

противопоставляются. На этом основании мы определяли, какие параметры являются существенными для лексикализации исследуемого поля в том или ином языке.

Далее основные ситуации, которые могут лексически обособляться в каком-либо из рассмотренных языков, мы отображали на семантической карте.

Карта позволяет визуализировать типологические различия между лексическими системами. Метод семантических карт был заимствован в лексическую типологию из типологии грамматической (см. van der Auwera, Plungian 1998, Haspelmath 2003, Татевосов 2004). Ее принцип состоит в расположении значений, которые часто выражаются одними и теми же средствами, близко друг к другу, и напротив, редко объединяемых – в отдалении друг от друга.

Семантическая карта показывает, какие фреймы являются центральными, а какие – периферийными для данного поля, а также, какие поля тесно связаны с исследуемым (т.е. являются для него пограничными). Сопоставление карт для разных языков позволяет выявить, какие объединения фреймов являются частотными в языках, а какие – встречаются типологически редко.

2. Фреймы семантического поля извлечения объекта

В качестве прототипической для нашего поля ситуации мы рассматривали доставание объекта из контейнера. Однако в ходе исследования материала выяснилось, что во многих языках лексемы, которые используются для описания подобных ситуаций (например, ‘достать ручку из сумки’, ‘достать платок из кармана’), также выступают в контекстах, характеризующих отделение некоторого объекта, прикрепленного к другому объекту (например, ‘выдергивать зуб’, ‘выдергивать сорняки’). Это происходит, по-видимому, потому, что подобные объекты (зубы, сорняки и др.) могут осмысляться как содержимое контейнера: действительно, и зуб, и растения своей небольшой частью находятся внутри другого объекта. Поскольку лексическое объединение этих ситуаций с прототипическими случаями извлечения объекта имеет место довольно часто, то мы включили в наше семантическое поле также и ситуации типа ‘выдергивания’.

Для исследуемых действий характерны три основных участника: X перемещает наружу Y из Z. Факультативно в ситуации может присутствовать и специальный инструмент Instr. Лексическая вариативность поля достигается за счет варьирования различных параметров, связанных прежде всего с Y и Z (как, например, количество Y – множественный или единичный объект, вес и размер Y, конкретные выделенные типы <люди, плоды и т.д.>, положение Z относительно X <далеко или близко> и др.) В отношении Y существенной оказывается также функциональность. С одной стороны, объектом может быть предмет, который будет нужен для дальнейшего использования (ср. ‘извлечь флешку’), с другой – объект может доставаться, потому что он мешает и от него надо избавиться (ср. ‘вынуть косточку из вишни’). Специальный инструмент Instr для извлечения Y может отсутствовать – так, нитки из платья вытаскивают исключительно руками, а не с помощью какого-либо особого инструмента.

Ниже приводится список фреймов, которые выделялись на 6 языках, а потом полученную фреймовую структуру подтвердили данные последующих 9 языков. Впоследствии фреймф на семантическую карту. Для каждого фрейма в выборке есть хотя бы один язык, который лексически противопоставляет его соседним.

ОБЪЕКТ БЛИЗКО [СУМКА]. Этот фрейм является центральным для исследуемой зоны. Речь идет об извлечении объекта из контейнера, расположенного близко от субъекта (мы условно называем этот фрейм «сумкой», поскольку прототипической ситуацией, покрываемой этим фреймом, является извлечение объекта из сумки, расположенной на коленях у субъекта). Важно при этом, что объект находится в свободном, широком контейнере (ср. *сумка, чемодан*).

ОБЪЕКТ ДАЛЕКО [ПОЛКА]. В данном случае объекты находятся на расстоянии или вне непосредственного доступа субъекта (высоко, глубоко). Прототипическим примером является доставание книги с высокой полки (отсюда название фрейма). Аналогичную ситуацию представляет извлечение объектов из холодильника (если субъект предварительно должен подойти к холодильнику).

ПЛОТНЫЙ КОНТАКТ С КОНТЕЙНЕРОМ [КАРМАН]. Главная характеристика этого фрейма – тесное пространство, из которого извлекается объект (этим он отличается от фрейма «сумка», где мы обращали внимание на относительно широкий контейнер). В эту группу входят такие ситуации, как извлечение сигареты из пачки, платка из кармана и тому подобное.

РУКИ ИЗ КАРМАНОВ. Этот фрейм отчасти похож на предыдущий, поскольку объект находится в тесном контакте с контейнером. Однако объект в данном случае весьма специфичен: это часть тела субъекта – именно поэтому такое действие нередко лексически противопоставляется другим типам извлечения объекта из тесного контейнера. В частности, оно может маркироваться глаголом более общей семантики, ср. в английском, *take your hands out of your pockets* букв. ‘брать руки из карманов’.

МНОГО ОБЪЕКТОВ В КОНТЕЙНЕРЕ. Фрейм характеризуется обязательным наличием в контейнере множества маленьких объектов, среди которого нужно *найти* и *вытащить* конкретный предмет. Например, речь может идти об извлечении билета из сумки, ручки из кармана, зонта из чемодана – в тех случаях, когда наряду с искомым в сумке, кармане или чемодане находится масса других объектов (ср. рус. *выудить*).

ЧАСТЬ ОБЪЕКТА ВИДНА. Особенностью фрейма является особое расположение объекта относительно контейнера: часть объекта выступает за границы контейнера – и именно за эту часть объект извлекается целиком наружу, ср. ситуации ‘вынуть сигарету изо рта’, ‘вынуть кролика из шляпы’ [за уши].

ТЯЖЕЛЫЙ ОБЪЕКТ. Существенной для данного фрейма является идея сложности осуществления действия – она может быть обусловлена как большим весом объекта, так и сопротивлением среды, в которой находится объект, ср. ситуации извлечения якоря из воды, ведра из колодца, сапог из грязи, лодки из моря и т. п.

РЫБА. Периферией исследуемого поля является ситуация ловли рыбы, которая подразумевает ее извлечение из воды. Мы включили этот фрейм в наш анализ, поскольку лексема, покрывающая эту зону, часто переносится на ситуацию доставания объекта из контейнера с множественным содержимым (фрейм «много объектов в контейнере»).

ЦЕННОСТИ ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ. Данный фрейм покрывает ситуации, которые подразумевают извлечение ценных объектов в ходе раскопок.

ЛЮДИ. Отдельный фрейм образует ситуация извлечения живых людей из-под обломков (например, после землетрясения). Здесь часто оказывается задействованной идея спасения, которая отличает этот фрейм от предыдущего.

ПЛОДЫ ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ. Этот фрейм близок к типу, названному нами «ценности из-под земли», однако в данном случае речь идет о растущих объектах, ср. извлечение картофеля или моркови из земли.

ПЛОДЫ, ЦВЕТЫ. Здесь также фигурируют растущие объекты, однако они уже не извлекаются из земли, а прикреплены к стеблю или ветке над поверхностью (ср. яблоко, сирень).

ТРАВКА. Данный фрейм сходен с предыдущим, но субъектом здесь выступают прежде всего животные (ср. щипать травку).

СОРНЯКИ, ВОЛОСЫ. В этом случае происходит также извлечение растущего объекта, отличие на сей раз касается его функциональности: доставаемый объект не нужен субъекту и удаляется.

БРОВИ. Лексически выделяться может и ситуация итеративного извлечения лишней растительности (ср. брови, усы, борода).

ЗУБ. Этот фрейм также описывает избавление от лишнего объекта. Существенной здесь может оказываться идея резкого, сильного движения, а также закреплённости объекта в «контейнере».

ИНОРОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ (ЗАНОЗА). В данном случае объектами также выступают мешающие, ненужные предметы, например, заноза, пуля, которые извлекаются из тела человека, или косточки, вынимаемые из фруктов.

ВНУТРЕННОСТИ. По сути этот фрейм является разновидностью предыдущего, но его специфика заключается в способе воздействия: данная ситуация предполагает хирургическое вмешательство (ср. удаление *почек, миндалин*).

На основе сформированных фреймов и параметров их объединения в изученных языках сначала был сконструирован каркас общей семантической карты, на который затем наносились конкретные языковые данные. Полученные схематические представления позволяют говорить о некоторых типах систем, характерных для зоны извлечения объекта.

3. Типологические особенности систем

На материале изученных языков можно условно выделить три типа систем, отличающихся семантическим потенциалом входящих в них лексических единиц:

1. Языки, характеризующиеся глаголом самой общей семантики (т.е. покрывающим наибольшее количество фреймов): немецкий, армянский.

2. Языки «среднего» типа – общий глагол здесь менее универсален, чем в языках первого класса: английский, китайский, коми-зырянский.

3. Языки с более дробной системой – здесь лексически противопоставляется ряд ситуаций, которые не различаются в языках двух первых классов: русский, французский.

Рассмотрим эти типы последовательно.

3.1. Системы с глаголом самой общей семантики

Глаголами, покрывающими наибольшее количество фреймов в поле «извлечение объекта», в нашем материале являются армянский *hanel* и немецкий *ziehen*. Эти лексемы могут описывать ситуации: ‘карман’, ‘заноза’, ‘тяжелый объект’, ‘люди’, ‘ценности из-под земли’, ‘плоды из-под земли’, ‘зуб’, ‘брови’, ‘сорняки’, кроме того, *hanel* выступает еще и во фрейме ‘руки из карманов’ (в немецком здесь используется глагол *nehmen* ‘брать’). Таким образом, общая идея, стоящая за *hanel* и *ziehen*, связана с приложением определенных усилий при извлечении объекта. Рассмотрим примеры некоторых фреймов:

(1) *Isk erb jiun verjapes durs hanec'in čah čahičic', na erkar žamanak č'ēr karoġanum arjakel nra arjēwi otk'erin kap ənkac hanguyuc'ə.* (армянский) [EANC]

‘А когда лошадь **вытащили**, наконец, из болота, он долго не мог распутать узел.’

(2) *Hier lagen die Schiffe, ans Ufer gezogen oder an Pfosten vertäut.* (немецкий) [DWDS]

‘Здесь, **вытащенные** на берег или причаленные к тумбам, стояли корабли.’

➔ Фрейм ‘тяжелый объект’

(3) *Na p'uš angam č'ēin karoġanum otk'neric' hanel.* (армянский) [EANC]

‘Даже занозу он не мог **вытащить** из ноги.’

(4) *Der Doktor zieht ihm die Kugel heraus.* (немецкий) [ИНТЕРНЕТ]

‘Доктор **извлечет** из него пулю.’

➔ Фрейм ‘заноза’

За пределами «зоны покрытия» *hanel* и *ziehen* остаются, во-первых, ситуации извлечения из просторного контейнера (близкого <сумка> или далекого <полка>), ср. *verc'nel* в армянском и *holen* в немецком:

(5) *Mayrə gradarakic'verc'rec' grk'erə*. (армянский) [EANC]

‘Мама **достала** с полки книги.’

(6) *Ich stand auf und holte die Kleider oben aus der Ablage*. (немецкий) [DWDS]

‘Я встал и **достал** платья с багажной полки над головой.’

Заметим, что *holen* в принципе может выступать в некоторых фреймах, где допустим и *ziehen*, ср. фреймы ‘карман’, ‘тяжелый объект’, ‘ценности’, ‘люди’, ‘плоды из-под земли’, однако в этом случае внимание говорящего сосредоточено на извлекаемом объекте, а не на способе его извлечения, как это имеет место при *ziehen*, ср. :

(7) *Wilke holt einen Bleistift aus seiner Tasche*. (немецкий) [DWDS]

‘Вильке **вынимает** из кармана карандаш.’

(8) *Ann lächelte und zog aus ihrer Tasche einen Kugelschreiber*. (немецкий) [Duden]

‘Анна засмеялась и **вынула** из кармана ручку’

➔ Фрейм ‘карман’

Во-вторых, отдельно маркируется идея избавления от извлекаемого объекта (фреймы ‘зуб’, ‘заноза’, ‘внутренности’), ср. армянск. *he'ac'nel*, немецк. *entfernen*):

(9) *Ravic entfernte die Fettlager, um zu dem Muskel vorzudringen*. (немецкий) [DWDS]

‘Равик стал **удалять** жировой слой, чтобы подойти к мышцам.’

(10) *Vžškə he'ac'rec' rapiki erikamə*. (армянский) [EANC]

‘Врач **удалил** дедушке почку.’

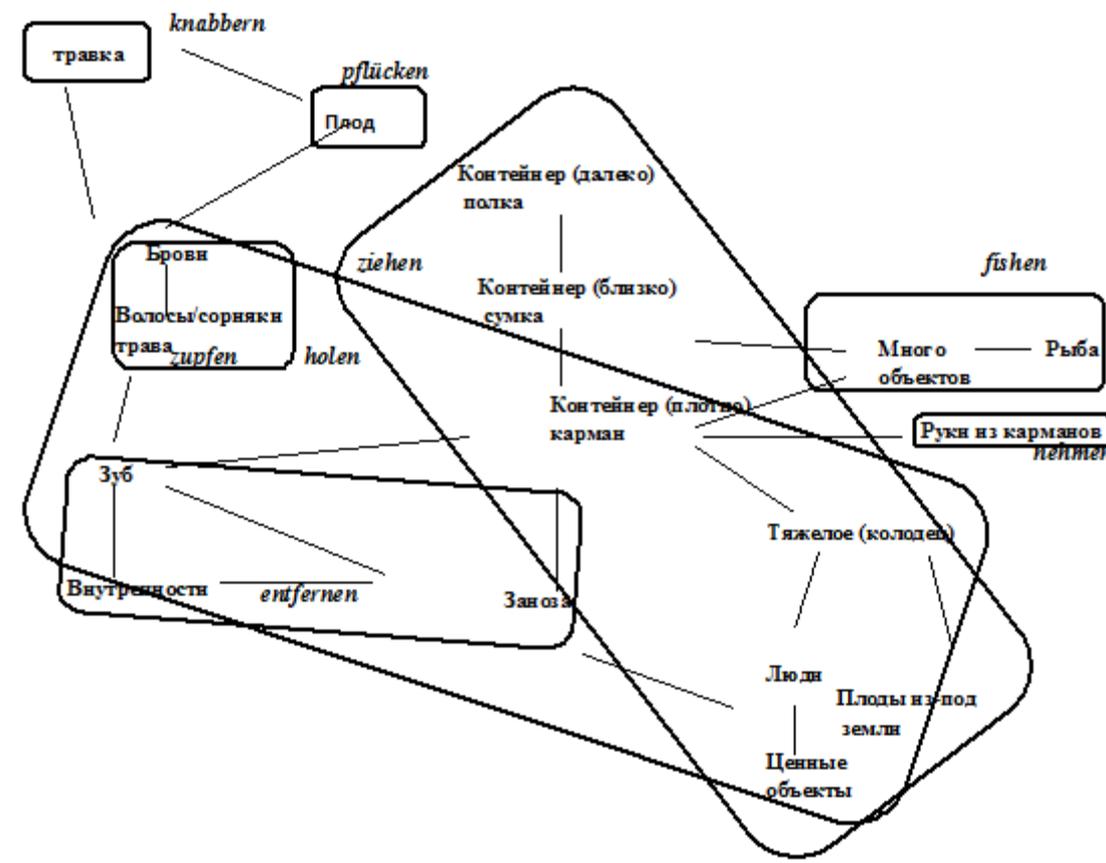
➔ Фрейм ‘внутренности’

Специальными глаголами в этих языках могут маркироваться также следующие фреймы: ‘плод’, ‘брови’, ‘травка’, ‘много объектов’, ‘рыба’.

В качестве иллюстрации приведем семантическую карту изучаемого поля в немецком языке (см. рисунок 1). Семантическая карта прямых значений отражает основные параметры поля ‘извлекать’.

Как уже было сказано выше – на карте изображены фреймы, которые сгруппированы следующим образом: каждый фрейм – это типичная ситуация, описываемая основным значением данного глагола. Расположение фреймов также имеет больше значение: одна лексема может покрывать только смежные фреймы. Таким образом, карта обладает предсказательной силой: мы можем увидеть, какие фреймы могут, а какие не могут описываться одним словом.

Рисунок 1. Семантическая карта поля «извлекать» в немецком языке

3.2. «Средние» системы

Глаголом самой общей семантики в китайском языке выступает *bá*, в английском *pull*. Однако их «зона покрытия» уже, чем для армянского *hanel* или немецкого *ziehen*. Китайский и английский глаголы покрывают следующие фреймы: ‘сорняки’, ‘зуб’, ‘тяжелый объект’, ‘плотный контакт с контейнером (карман)’:

(11) *Zhèxiē sāogēn bù hǎo bá.* (китайский) [JK]

‘Эти сорняки трудно **выдергиваются**.’

(12) *Women pull weeds in a ploughed field.* (английский) [COCA]

‘Женщины **выдергивают** сорняки со вспаханного поля.’

→ Фрейм ‘сорняки/волосы’

В отличие от немецкого и армянского, отдельно в английском и китайском языках лексикализуются фреймы, которые описывают извлечение объектов из земли или другой среды (*ценные объекты, люди, плоды*). Так, в английском в этой зоне используется два глагола - *dig out* и *remove*:

(13) *The rescuers tried to dig out the buried miners.* (английский) [Интернет]

‘Спасатели пытались **откопать** шахтёров из-под завала.’

(14) *Rescuers removed people from their flooded residences and cars.* (английский) [Интернет]

‘Спасатели **извлекли** людей из затопленных домов и автомобилей.’

Очевидная разница между глаголами *dig out* и *remove* состоит в том, что в случае *dig out* объект извлекается из земли и, как правило, с помощью специального инструмента, тогда как для *remove* такие ограничения отсутствуют.

В китайском языке извлечение объектов из земли или другой среды также описывается двумя специальными глаголами: *fājué* и *jiùchū*. Вторым глаголом используется, если речь идет о живом существе (ср. извлечь + спасти):

(15) *Tāmen yǐ fājué dào yǐziò gǔ mù.* (китайский) [JK]

‘Они **откопали (извлекли)** древнюю могилу.’

(16) *Xiāofáng duìyuán cóng zháohuǒ de fángwū li jiùchū 3 wèi fùnǚ.* (китайский) [JK]

‘Пожарные **извлекли** [извлекли+спасли] трех женщин из горящего дома.’

Еще одним параметром, определяющим лексические противопоставления в английском и китайском, является расстояние контейнера до субъекта (т.е. по-разному кодируется извлечение объекта из близкой сумки и с далекой полки):

a) *take* vs. *pull* в английском:

(17) *He took (*pulled) his revolver from the shelf.* (английский) [Интернет]

‘Он **достал** (взял) с полки револьвер.’

b) *ná* vs. *bá* в китайском:

(18) *Wǒ fùqīn cóng jiàzi shàng ná (*bá) le yīfèn bàozhǐ* (китайский) [JK]

‘Папа **достал** газету с полки.’

К группе «средних» систем мы относим также данные коми-зырянского языка [Кашкин 2016].

Основными глаголами, покрывающими поле ‘доставать’, являются лексемы *судедны* (=судзедны) и *кыскыны*.

Так же, как и в английском и китайском языках, в коми-зырянском лексическое противопоставление основано на семантическом параметре ‘близость расположения контейнера (далеко-близко)’. Это объясняется этимологически: так, исходным значением для *судедны* (=судзедны) считается ‘доставать до чего либо’, а для *кыскыны* – ‘тянуть, тащить’:

(19) *Бӧчкасьыс судеді / *кыски ва [носитель]*

‘Из бочки зачерпнула воды’ {Вода оставалась только на дне}

(20) *Судед книгасэ джаджсьыс [носитель]*

‘Достань книгу с полки’ {Полка наверху}

(21) *Маме кыскис / *судедіс жэльсэ чуньсьом [носитель]*

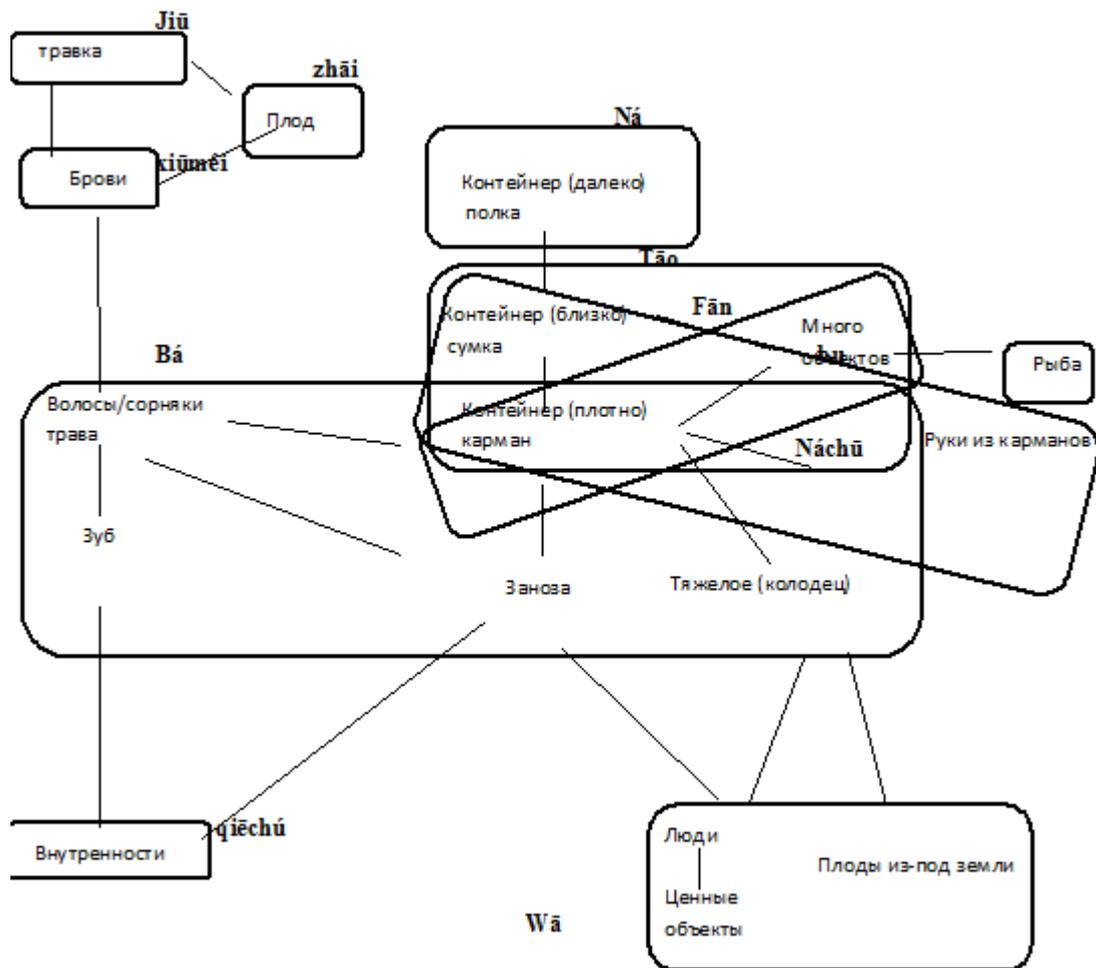
‘Мама вытащила мне занозу из пальца’

(22) *Ме кыски / *судеді чериссьыс лыясэ [носитель]*

‘Я вытащила из рыбы кости’

В качестве иллюстрации «среднего» типа систем приведем семантическую карту поля в китайском языке (см. рисунок 2).

Рисунок 2. Семантическая карта поля «извлекать» в китайском языке

3.3. Языки с более дробной системой

3.3.1. Французская система

Ещё более дробная система в зоне извлечения объекта представлена во французском языке.

Основными лексемами для исследуемого поля являются глаголы *tirer*, *retirer*, *sortir*. Главным параметром, отличающим *retirer* от двух других лексем, является то, что контейнер не является стандартным местоположением для объекта. Поэтому, в частности, *retirer* может описывать извлечение занозы или рук из кармана, ср.:

(23) *Un garçon a soigneusement retiré une écharde du doigt.* [SKETCH ENGINE]

‘Мальчик аккуратно **вытащил** занозу из пальца.’

→ Фрейм ‘иностраные объекты (заноза)’

Важным для французской системы оказывается способ воздействия на контейнер: *tirer* указывает на сопротивление при плотном контакте объекта с контейнером, тогда как *sortir* задает ситуации с прототипическим контейнером:

(24) *La grand-mère a tiré les herbes folles dans le jardin.* [SKETCH ENGINE]

‘Бабушка **выдёргивала** сорную траву в саду.’

→ Фрейм ‘сорняки, волосы’

(25) «*Parce que j'ai acheté le dernier pour toi*» dit-il en sortant le livre de son sac [SKETCH ENGINE]

‘Потому что я купил последнюю для тебя», – сказал он, вынимая книгу из сумки.’

→ Фрейм ‘объект близко’

Однако, если объект находится в плотном контейнере (напр., карман), то ситуация может покрываться обоими глаголами:

(26)– «*Le voilà, monsieur*», dit Toliné, **tirant** un livre de sa poche. [SKETCH ENGINE]

‘Вот она, сэр, – проговорил Толине, **вытаскивая** из кармана книгу.’

→ Фрейм ‘плотный контакт с контейнером’

(27) *Aussitôt, l'étrange individu sortit de sa poche un étui à cigarettes*

‘Незнакомец немедленно **вытащил** из кармана портсигар.’

→ Фрейм ‘плотный контакт с контейнером’

Лексема *enlever* покрывает фреймы, где речь идет о нефункциональном объекте (ср. ‘инородные объекты’, ‘внутренности’):

(28) *Il devait enlever les quatre grosses vis, encastrées dans le bois*. ‘Ему надо было **вытащить** четыре толстых, всажённых в дерево винта.’

→ Фрейм ‘инородные объекты (заноза)’

(29) *Un docteur a lui enlevé les amygdales*.

‘Врач **удалил** ему гланды.’

→ Фрейм ‘внутренности’

В случае *extraire* могут описываться как функциональные, так и нефункциональные объекты - главным параметром здесь является осторожность при совершении действия:

(30) *Mais monsieur nous apprendra-t-il maintenant par quels moyens on extrait ces perles?*

‘А господин нас теперь научит, каким образом извлекают эти жемчужины?’

→ Фрейм ‘ценности’

Фреймы ‘зуб’ и ‘волосы/сорняки’ покрываются лексемой *arracher*, которая описывает резкое действие с применением силы, цель которого – удалить нефункциональный объект (растительность с корнем):

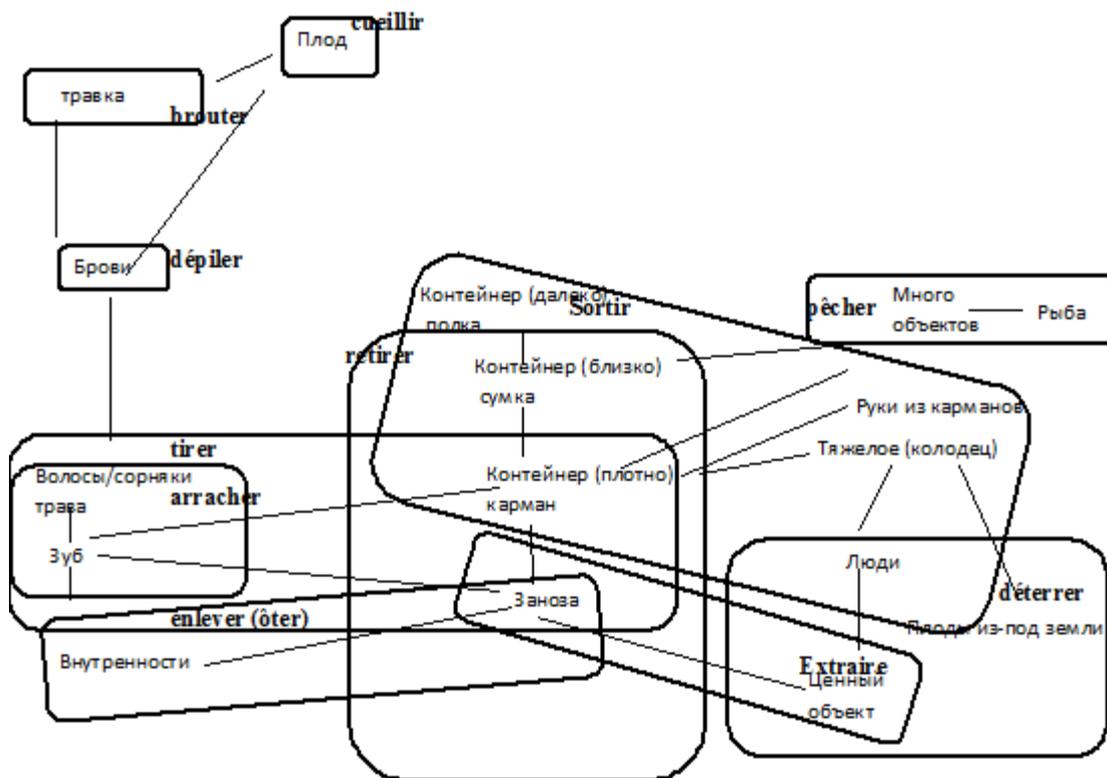
(31) *Il appela deux voisins, on tira à six, comme pour arracher un chêne*.

‘Он позвал двух соседей, и теперь тащили вшестером, как бы собираясь **вырвать** с корнем целый дуб.’

(32) *Si ce n'est que cela, mordioux! dites le-moi donc, j'ai l'outil, j'arracherai la dent*.

‘Если дело идет только об этом, скажите мне прямо: у меня есть инструмент, и я **выдерну** этот зуб.’

Рисунок 3. Семантическая карта поля «извлекать» во французском языке

i. Русская система

В русском имеется две основных лексемы для описания извлечения объектов из контейнера: *доставать* и *вынимать*. Во многих контекстах они кажутся взаимозаменяемыми:

(33) Павел бросает прощальный тоскливый взгляд на монитор, неохотно выходит из игры и начинает **доставать** (/вынимать) из рюкзака учебники и тетради. [НКРЯ]

(34) Осторожно **вынимать** (доставать) из картонной коробки завернутые в газетную бумагу ёлочные игрушки — любимый ритуал моего детства. [Интернет]

Однако в некоторых случаях подстановка одного глагола вместо другого кажется сомнительной:

(35) ...спросила Аксиция, **доставая** (?вынимая) с верхней полки толстую книгу в темном переплете. [НКРЯ]

(36) ...забормотал Тетерин, **вынимая** (?доставая) из кармана пиджака ручку. [НКРЯ]

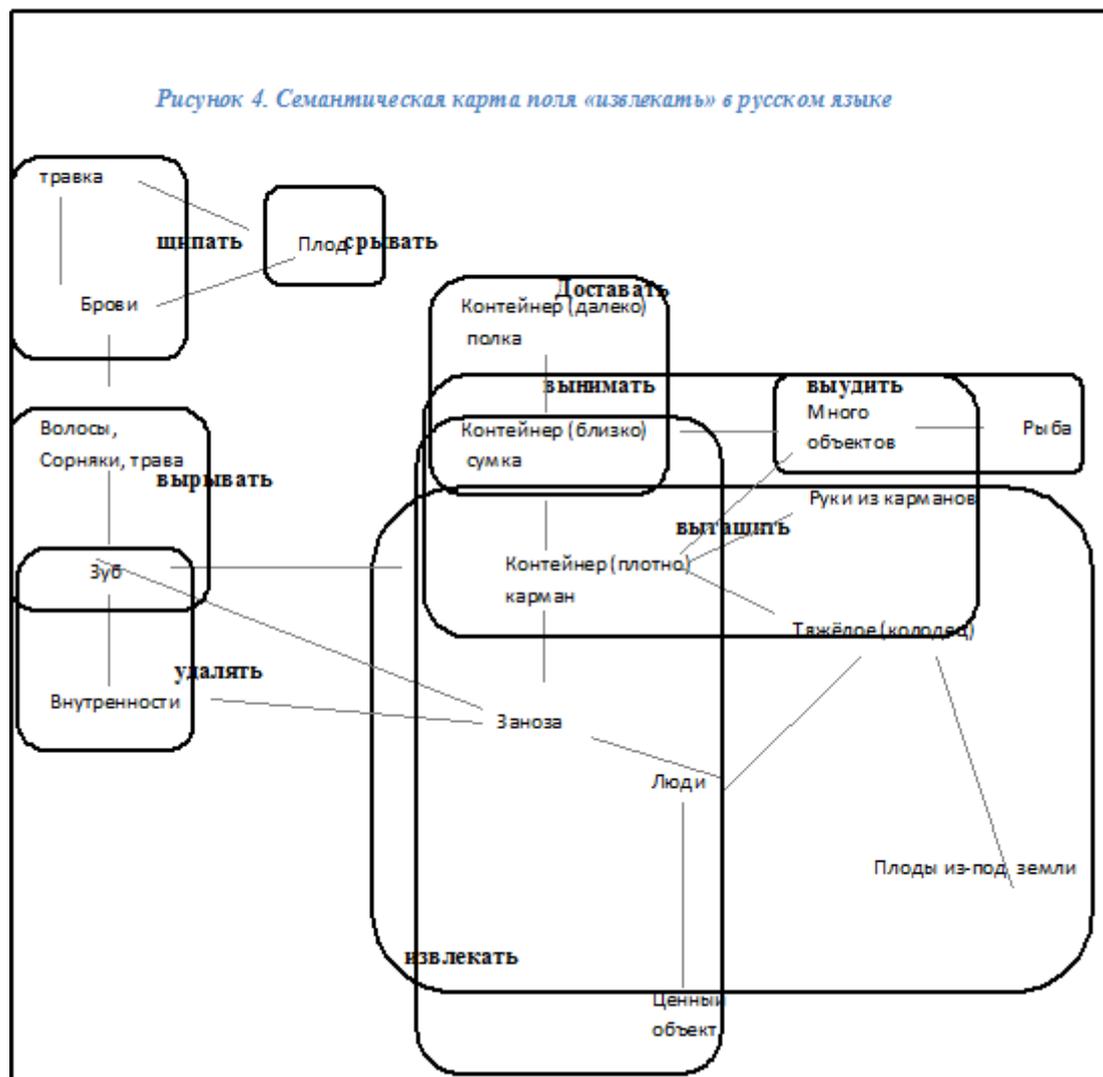
Примеры (35) и (36) свидетельствуют о том, что между *доставать* и *вынимать* существует семантическое различие. Как кажется, здесь, как и в некоторых других языках, оказывается существенным расположение контейнера относительно субъекта. Если книга извлекается с верхней полки, то контейнер удален от субъекта – в этом случае предпочтителен глагол *доставать*. Если же контейнер находится в непосредственной зоне доступа руки субъекта, то выбирается, скорее, *вынимать*.

Кроме того, релевантным для русского оказывается и соотношение между объектом и контейнером (вплотную к стенкам или другим объектам VS. свободно), ср.:

(37) Штатный военный палач с широким кожаным передником **вытащил** из кожаных ножен длинный блестящий меч [НКРЯ].

(38) Это было немудрено, так как стоял май, ветераны **доставали** из шкафов военные свои мундиры [НКРЯ].

Более подробно устройство исследуемого семантического поля в русском языке представлено на семантической карте (см. Рис. 4).

4. Типология переносных значений

В ходе исследования мы анализировали не только прямые, но и метафорические употребления глаголов извлечения объекта. Рассмотрим некоторые частотные типы переходов.

1) Приобретение

Идея извлечения объекта естественным образом подразумевает, что результатом действия становится получение субъектом этого объекта. Наиболее простым способом метафоризации этой ситуации является переосмысление извлекаемого предмета и, соответственно, способа его извлечения и контейнера. Такой семантический переход встречается во многих языках нашей выборки. По типу объекта мы условно разделяем этот метафорический переход на три подтипа:

а) Объект действия, как и при прямом значении глагола, представляет собой материальный объект, но ситуация подразумевает не буквальное доставание объекта из

контейнера (идея контейнера при этом переносе практически стирается), а приложение усилий для получения желаемого объекта.

б) Объект действия переосмысливается как нематериальная сущность: речь идет о получении субъектом опыта или выгоды.

с) Последний подтип также охватывает нематериальные объекты: речь идет об извлечении информации. Метафорическим контейнером (хранителем информации) в данном случае обычно выступает человек, который выдает эту информацию против своей воли.

Рассмотрим данные типы подробнее:

а) Получение труднодоступного материального объекта

Данный тип описывает ситуацию, предполагающую приобретение, добывание чего-либо редкого, дефицитного. Источником для этой семантики часто выступают те глаголы, которые покрывают фрейм ‘объект далеко [полка]’. Иными словами, идея далекого расположения объекта переинтерпретируется как представление о сложности его получения, ср. рус. *достать книгу с полки* → *достать билет в театр*, ср. тж.:

• Татарский язык

(39) *Йомшак вагоннан урын алу*. [Русско-татарский словарь 1997]

‘Достать место в мягком вагоне’

• Коми-зырянский язык [Кашкин 2016]

(40) *Кысь нэ ме судеда сы мыттэм деньгасэ?* [носитель]

‘Откуда я **достану** столько денег?’

(41) *Ме өдва судеді билетсэ вертолёт вылас распута дырйи* [Кузнецова 2010]

‘Я едва **достал** билет на вертолет в распутицу.’

• Итальянский язык

(42) *Dove hai pescato quel vecchio disco?* [Новый русско-итальянский словарь 2010]

‘Где ты откопал эту допотопную пластинку?’

• Русский язык

(43) *Он попросил их **достать** нам билет в театр.* [НКРЯ]

б) Извлечение как получение опыта, выгоды:

Извлечение в данном случае рассматривается как приобретение нового опыта или выгоды для субъекта. В результате метафорического сдвига происходит перенос конкретных объектов типа ‘вытащить **ручку** из сумки’ на абстрактные сущности ‘извлечь **урок** из события’.

• Немецкий язык

(44) *...um aus der Vergangenheit die für unsere Gegenwart und Zukunft lebensnotwendigen Lehren zu **ziehen**.* [Becher]

‘...чтобы извлечь из прошлого уроки, жизненно важные для нашего настоящего и будущего.’

• Русский язык

(45) *Он **извлек** урок из событий, которые с ними произошли.* [НКРЯ]

• Французский язык

(46) *Extraire l'essentiel d'un ouvrage.* [Французско-русский словарь, 1977]

‘Извлечь главное из произведения.’

• Татарский язык

(47) *Эштэн илхам алу*. [Русско-татарский словарь 1997]

‘Черпать в работе вдохновение.’

• Армянский язык

(48) *Ašxatank ‘I azatumic ‘ōgut k’ašec ‘ ev əndunvec ‘aveli ekamtaber ašxatank’.* [EANC]

‘Он извлек выгоду из своего увольнения и нашел более оплачиваемую работу’

с) Получение информации

В отличие от предыдущего типа, переносы, описывающие приобретение какой-либо информации, как мы уже отмечали, обычно подразумевают в качестве «контейнера» человека, пытающегося скрыть эту информацию. Тем самым метафорическое действие предполагает применение силы:

- Английский язык

(49) *He tried to **fish** some information **out** of me.* [Sketch Engine]

‘Он пытался выудить у меня кое-какую информацию.’

(50) *At last the police were able to **drag** the truth **out** of the prisoner.* [Sketch Engine]

‘Наконец полицейским удалось вытянуть из заключённого правду.’

- Коми-зырянский язык [Кашкин 2016]

(51) *Баба Манялысь нукутиэм лёк сёрни **он кыскы**. Сяа ме йыысьюм нинэм лёксэ оз висьтоо.* [Носитель]

‘Из бабы Мани никаких плохих слов **не вытащишь**. Она обо мне ничего плохого не скажет.’

- Итальянский язык

(52) ***Strappare** la verità a qd.* [Новый русско-итальянский словарь 2010]

‘Вырвать правду у кого-либо’

- Немецкий язык

(53) *Die Polizei **holte** alles aus dem Verbrecher **heraus**.* [DWDS]

‘Полицейские вытащили [признание] из преступника.’

2) Спасение человека из тяжелой ситуации

Другой тип переносов связан прежде всего с переосмыслением контейнера как определенного состояния. Соответственно, объектом извлечения в такой ситуации выступает человек. При этом, поскольку человека надо извлечь из этого состояния, то оно воспринимается как что-то неприятное (беда, трудности и т. д.).

- Татарский язык

(54) *Бәладән **йолку**.* [Русско-татарский словарь 1997]

‘Вырвать из беды.’

- Коми-зырянский язык [Кашкин 2016]

(55) *Ме сылы мӧда ортсооны, лёк олэмсьыс мӧда **кыскыны**.*

‘Я ему хочу помочь, из плохой жизни хочу вытащить.’

- Итальянский язык

(56) *Li ha **tirati fuori** dai guai.* [SketchEngine]

‘Он их вытащил из беды.’

5. Выводы

В настоящем исследовании было проанализировано поле ‘извлекать’ в 6 языках: русском, английском, немецком, французском, армянском и китайском. На данный момент исследуются данные еще 9 языков: итальянский, шведский, финский, татарский, мокшанский, коми-зырянский, агульский, японский, корейский.

В процессе исследования был составлен список из 17 фреймов, которые структурируют рассматриваемое семантическое поле в исследованных языках. Были определены группы фреймов, которые часто объединяются в одном предикате. На основании данных о лексическом кодировании фреймов была построена лексико-типологическая карта, которая отражает общие принципы устройства семантического поля.

Во всех рассмотренных языках ясно выделяются от одной до трех лексем, покрывающих основные ситуации, связанные с извлечением объекта, а также более периферийные глаголы, выделяющие некоторые специальные смыслы. Языки различаются в отношении того, какие из «центральных» противопоставлений

(расположение контейнера относительно субъекта – далеко или близко, объекта относительно контейнера – вплотную или свободно) оказываются задействованы в лексической организации поля.

Полученные результаты могут быть использованы для исследования глаголов извлечения объекта в более широкой типологической перспективе, а также для создания типологической базы данных.

Литература

1. Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М. (ред.) Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. – Киев, 2009. С. 8 – 27.

2. Кашкин Е.В. Глаголы извлечения объекта в коми-зырянском языке. Доклад на семинаре Московской лексико-типологической группы. 2016.

3. Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.) Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007

4. Рахилина Е.В., Плунгян В.А. О лексико-семантической типологии // Т.В. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.), Глаголы движения в воде: лексическая типология. Москва: «Индрик», 2007. С. 9-26.

5. Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. № 2, 2013. С. 3 – 31.

6. Корецка А., Narasimhan В. (eds). Events of putting and taking: A crosslinguistic perspective. Amsterdam, 2012.

7. Koptjevskaja-Tamm M. Approaching lexical typology. // Vanhove M. (ed.). From Polysemy to Semantic Change. Amsterdam: Benjamins, 2008

8. Majid A., Bowerman M., Van Staden M., Boster J. The semantic categories of cutting and breaking events: a crosslinguistic perspective // Cognitive Linguistics 18 – 2(2007), 133 – 152.

Словари

1. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften (Электронный словарь немецкого языка, Берлинско-Бранденбургская академия наук): www.dwds.de

2. Lexilogos www.lexilogos.com

3. Англо-русский синонимический словарь / Ю.Д. Апресян, В.В. Ботякова, Т.Э. Латышева и др.: под рук. А.И. Розенмана, Ю.Д. Апресяна. – М., 1979

4. Большой русско-китайский словарь («Da E Han Cidian», EHCD), разработан лексикографическим центром Хэйлунцзянского университета

5. Ганшина К.А. Французско-русский словарь. М.: Издательство «Русский язык», 1977

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, 2006

Корпуса

1. Dictionnaire vivant de la langue française: <http://dvlf.uchicago.edu/>

2. Eastern Armenian National Corpus (EANC) <http://www.eanc.net/>

3. Textkorpora des Instituts für deutsche Sprache, Mannheim COSMAS <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>

4. The corpus of Contemporary American English: <http://corpus.byu.edu/coca/>

5. Двухязычный англо-китайский корпус ЖК

6. Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru/>

7. Текстовые корпуса: <http://corpora.iling-ran.ru>

СИСТЕМА БАЗОВЫХ ПОНЯТИЙ НОСИТЕЛЕЙ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Для выявления системы базовых понятий носителей европейских языков была использована авторская методика, легшая в основу концепции идеографического словаря основного лексического фонда германских языков [Воеводская 2015], а именно: 1) сначала был проведен количественный (параметрический) анализ лексики [Титов 2002] 37 языков Европы¹ на базе двуязычных словарей общего назначения [список словарей приводится в конце работы], 2) для каждого языка была выявлена лексика малых ядер – слов с максимальными показателями по всем параметрам, 3) следующим этапом исследования стал качественный анализ и семантическая группировка лексики верхушек малых ядер на основании общности значений (для анализа были использованы первые 10 слов из малых ядер каждого европейского языка), 4) их логико-понятийная классификация, 5) описание и интерпретация полученных результатов.

В результате 370 наиболее весомых в системном отношении слов сформировали три базовых блока понятий: ПРИРОДА – ЧЕЛОВЕК КАК РАЗУМНОЕ СУЩЕСТВО – ЧЕЛОВЕК КАК СОЦИАЛЬНОЕ СУЩЕСТВО.

Лексика, сформировавшая первый блок (ПРИРОДА), может быть условно разделена на две части: «Неорганический мир» и «Органический мир». Обращаем особое внимание на условное разделение лексических единиц, поскольку большинство из них могут характеризовать как объекты живой, так и неживой природы. Всего таких единиц было выявлено 198.

Понятийный блок «Неорганический мир» включает такие понятийные группировки, как:

- *первостихии и связанные с ними объекты природы*; представленными оказались стихии воды, земли и огня: *вада* ‘вода’ (белорус), *sjö* ‘озеро’ (швед), *hav* ‘море’ (фарер), *maa* ‘земля’ (фин), *meá* ‘луг’ (ирл), *brand* ‘пожар’ (дат); сюда же мы сочли возможным включить и лексику, связанную со светом: *rayo* ‘луч’ (исп), *hije* ‘тень’ (алб);

- *пространство*: 1) название, разновидности: *plass* ‘место’ (норв), *тёση* ‘место’ (новогреч), *log* ‘место’ (ирл), 2) части пространства: *край* ‘край, конец, предел’ (укр), *бок* ‘бок’ (белорус), *křaj* ‘край, оконечность’ (чеш), *vrch* ‘вершина, верх’ (словац), *врѣх* ‘верх, вершина; верхушка’ (болг), *ein* ‘конец’ (фриз), *față* ‘передний’ (рум), *alus* ‘основание, фундамент’ (эст), *hold* ‘опора, фундамент’ (дат), *mes* ‘середина’ (алб), *iç* ‘внутренний’ (турец), *mala* ‘край’ (латыш), *spòd* ‘низ, нижняя часть’ (кашуб), 3) пространственные координаты: *курс* ‘курс, направление’ (болг), *stón* ‘положение’ (кашуб), 4) пространственные характеристики: *høj* ‘высокий’ (дат), *loose* ‘свободный’ (англ), *vrij* ‘свободный’ (нидер), *לֵב [ful]* ‘полный’ (идиш), *sīks* ‘мелкий’ (латыш);

- *время*: 1) время как таковое: *ævi* (исл), *idő* (венгр), 2) промежутки времени: *час* ‘час’ (рус), *сат* ‘час’ (србхорв), *час* ‘час, урок’ (србхорв), *saat* ‘час’ (турец), *вік* ‘век, столетие’ (укр), *доба* ‘пора, время, эпоха’ (србхорв), 3) событие: *לֵב [fal]* ‘случай, обстоятельство’ (идиш), *caso* ‘событие, случай’ (исп), 4) стадии существования: *стать, становиться* ‘стать, становиться’ (рус), *lenni* ‘становиться, делаться’ (венгр), 5) долгота/краткость протекания события: *fijo* ‘постоянный’ (исп), 6) возраст: *senš* ‘старинный’ (латыш);

---

¹ Мы сочли возможным включить в наш анализ лексику языка идиш, поскольку носители этого языка проживают во многих странах Европы. Благодаря очень высокой рождаемости численность части еврейства, говорящей на идиш, растет быстрыми темпами и удваивается каждые 20 лет, достигая в настоящее время 1,5–2 млн. человек.

- **физические характеристики объектов живой и неживой природы:** 1) форма: *kuju* 'форма' (эст), *křiž* 'крест' (кашуб), *bod* 'точка' (чеш), *pás* 'полоса' (словац), *sev* 'труба' (словен), *Kreis* 'круг' (нем), *bân* 'лента' (фриз), *plett* 'пятно' (норв), *punto* 'точка' (итал), *tel* 'нить, струна' (турец), в том числе характеристики формы: *křiv* 'кривой' (кашуб), *keen* 'острый' (англ), *scharf* 'острый' (нем), *sivs* 'острый' (латыш), *thin* 'тонкий' (англ), *tunn* 'тонкий' (швед); 2) цвет и его насыщенность: *црн* 'черный; смуглый' (макед), *kara* 'черный' (турец), *bui* 'желтый' (ирл), *vid* 'яркость' (кашуб); 3) вес: *βάρος* 'вес' (новогреч), *peso* 'вес, тяжесть' (порт), *peso* 'вес' (итал), *schwer* 'тяжёлый' (нем); 3) состояния: твердый/мягкий: *blag* 'мягкий' (словен), *fest* 'твёрдый' (нем), *öm* 'хрупкий' (швед), *fast* 'крепкий, прочный' (норв), *duro* 'твердый, жесткий' (порт), *kova* 'твердый' (фин), *tihе* 'плотный' (эст); гладкий /шероховатый: *hřibý* 'грубый' (чеш), *rough* 'грубый, шершавый' (англ), *גרוב* [grob] 'грубый' (идиш), *raaka* 'грубый' (фин); сухой/мокрый: *seco* 'сухой' (порт); сильный/слабый: *сила* 'сила' (рус), *сила* 'сила, мощь' (укр), *mæs* 'сила' (кашуб), *force* 'сила' (англ), *macht* 'сила' (нидер), *zwak* 'слабый' (нидер); чистый/грязный: *רײַן* [rein] 'чистый' (идиш); жидкий/густой: *לױז* [loiz] 'жидкий, водянистый' (идиш);

- **движение в пространстве:** 1) движение как таковое: *fara* 'двигаться, передвигаться' (фарер), 2) по вертикали: *fald* 'падение' (дат), *fall* 'падение' (швед), *cair* 'падать' (порт), *esni* 'падать, упасть' (венгр), 3) по горизонтали: *icci* 'идти, двигаться' (белорус), *itи* 'идти, ходить' (укр), *вървя* 'идти, ходить' (болг), *мина* 'пройти, проехать, миновать' (болг), *jönni* 'идти, ехать' (венгр), *vykti* 'направляться, следовать' (литов); 4) однонаправленное: *zajś* 'входить' (верхлуж), 5) разнонаправленное: *supti* 'качать' (литов), 6) называние движение по его отдельному акту: *ход* 'ход, способ движения' (белорус), *ciąg* 'ход' (польск), *chod* 'ход' (словац), *train* 'ход, движение' (фр), *mers* 'хождение, ходьба' (рум), *bieg* 'бег' (польск), *pas* 'шаг' (нидер), *pas* 'шаг' (каталан), *βήμα* 'шаг' (новогреч), *srove* 'течение, поток' (литов); 7) называние движения по его результату: *doђи* 'прийти, прибыть' (србхорв), *náa* 'достигать, добираться' (фарер), *resa* 'выход' (итал), *tulo* 'приход, приезд' (фин), *lë* 'оставлять, покидать' (алб); 8) движение без перемещения: *obřat* 'поворот' (чеш), *врти* 'вертеть' (макед); 9) статичное положение в пространстве: *седя* 'сидеть' (болг), *bli* 'оставаться, не уезжать (в другое место)' (норв), *stare* 'стоять, оставаться' (итал); 10) место, где осуществляется движение: *szlak* 'дорога, путь' (польск), *ceřta* 'дорога, путь' (чеш), *via* 'путь, дорога' (порт);

- **множества и совокупности объектов живой и неживой природы:** 1) единичность: *stik* 'кусок, часть' (фриз), *fak* 'деталь, часть' (фриз), *del* 'часть' (норв), *parte* 'часть' (итал), *resto* 'остаток' (итал), *pezzo* 'кусок' (итал), *osa* 'часть, доля' (фин), *lapp* 'лоскут' (норв); 2) множество: *rzqd* 'ряд, вереница' (польск), *rëd* 'ряд, серия' (верхлуж), *ред* 'ряд, очередь' (болг), *ред* 'ряд' (макед), *ред* 'ряд' (србхорв), *רײַ* [rei] 'ряд' (идиш), *aicte* 'вид, класс' (ирл).

Понятийный блок «Органический мир» сформировала лексика, называющая человека как биологическое существо. Он включает следующие понятийные подгруппы:

- **общее название человека:** *man* 'человек' (англ),
 - **называние человека по половым и возрастным признакам:** *Mann* 'мужчина' (нем); *niña* 'девочка, девушка' (исп); *baba* 'баба, женщина' (кашуб);
 - **части тела человека/ животного:** 1) 'голова': *leb* (польск), *head* (англ), *Kopf* (нем), *kor* (фриз), *tête* (франц), *galva* (литов); 2) 'лицо': *лице* (болг), *лице* (макед), *face* (порт), *sara* (исп), *nägu* (эст), 3) 'рот': *boca* (порт), *boca* (исп), *bocca* (итал), *suu* (фин), 4) 'глаз': *ojo* (исп), *ull* (каталан), 5) 'нос': *nenä* (фин), 6) 'рука': *ruka* (верхлуж), *arm* (англ), *kol* (турец), *mà* (каталан); 7) 'нога': *Fuss* (нем), *root* (нидер), *reu* (каталан), 8) 'живот,

чрево': *liv* (норв), *lono* (кашуб), 9) 'сердце': *cor* (каталан), 10) 'кость': *ben* (дат), 11) 'тело, туловище': *chair* (франц), *corps* (франц), *σόμα* (новогреч), *cos* (каталан); сюда же включим лексику, называющую **части растений**: *kāts* 'стебель' (латыш), *dal* 'росток' (алб);

- **физиологические процессы и характеристики живого организма** :

1) 'рост': *was* (нидер), 2) 'дыхание': *дъх* (болг), *önd* (исл), 3) 'обоняние': *дух* 'запах' (белорус), 4) 'зрение': *syn* (швед), 5) 'вкус': *chut'* (словац), *лют* 'острый (на вкус)' (болг), *doux* 'сладкий' (фр), 6) 'отдых': *мир, покой* 'мир, покой' (рус), 7) 'питание': *есть, кушать* 'есть, кушать' (рус), *tin* 'пища' (ирл), 8) жизнь, существование в самом широком смысле: *viver* 'жить' (порт), *быць* 'быть, находиться' (белорус), *być* 'быть, существовать' (польск), *biti* 'быть, находиться' (словен), *fi* 'быть существовать' (рум), *sta* 'находиться, оставаться' (рум), *olla* 'быть, иметь место' (фин), *είναι* 'быть, существовать' (новогреч), *olmak* 'быть, находиться' (турец).

Для наглядности представим эту информацию в виде гистограммы, проранжировав понятийные группировки по убыванию:

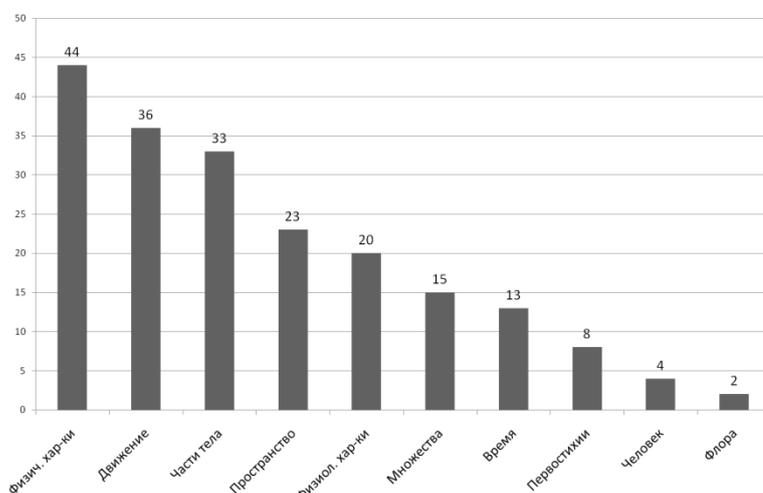

Рис. 1 Понятийный блок ПРИРОДА

Гораздо менее представленным оказался базовый понятийный блок ЧЕЛОВЕК КАК РАЗУМНОЕ СУЩЕСТВО (всего 40 лексических единиц). Он включает следующие понятийные группировки: «Мышление», «Оценки», «Желание и воля», «Чувства», «Эмоции», «Характер». Каждая из них в свою очередь содержит более детальную характеристику называемого ею понятия.

- **мышление**: 1) ментальные характеристики: а) глупость: *dum* 'глупый' (норв), б) сознание: *vit* 'сознание' (исл); 2) логические операции: а) прием, средство, метод: *viis* 'способ, образ действия' (эст), б) соответствие: *ero* 'разница, различие' (фин), *gné* 'особенность' (ирл); в) операции с цифрами и знаками: *pířmo* 'письмо, шрифт' (чеш), *semn* 'знак' (рум), *číslo* 'номер' (чеш), *výdaj* 'выдача, расходы' (словац), *broj* 'число, количество' (србхорв), *Zahl* 'число' (нем), *lettre* 'буква' (фр), *lucht* 'количество' (ирл); д) обдумывание: *myřl* 'мысль' (чеш), *mysel'* 'мысль' (словац); е) мера: *míra* 'мера' (чеш);

- **оценки**: оценка как таковая - *meas* 'оценка' (ирл); 1) положительные: *bun* 'хороший' (рум), *bo* 'хороший' (каталан), *jó* 'хороший, удачный' (венгр), *bé* 'добро, польза' (каталан), *echt* 'настоящий' (нидер), *tur* 'удача' (швед), *lide* 'нравиться' (дат); 2) отрицательные: *grd* 'страшный, некрасивый' (словен), *מאוס* [mies] 'отвратительный, безобразный, некрасивый' (идиш), *naar* 'неприятный' (нидер), *slem* 'плохой, скверный'

(дат), *tönts* ‘скверный’ (эст), *mal* ‘зло, несчастье’ (порт), *hale* ‘жалкий’ (эст), *какó* ‘зло’ (новогреч);

- **желания и воля:** *vôla* ‘воля’ (словац), *saka* ‘желать, хотеть’ (макед);
- **чувства:** *sens* ‘чувство, восприятие’ (фр), *luby* ‘дорогой, любимый’ (верхлуж),
- **эмоции:** *zly* ‘злой’ (верхлуж), *љут* ‘злой, сердитый’ (србхорв);
- **настроение:** *sin* ‘настроение, расположение духа’ (фриз);
- **характер как таковой:** *geđ* ‘нрав, характер’ (исл).

Представим эту информацию графически:

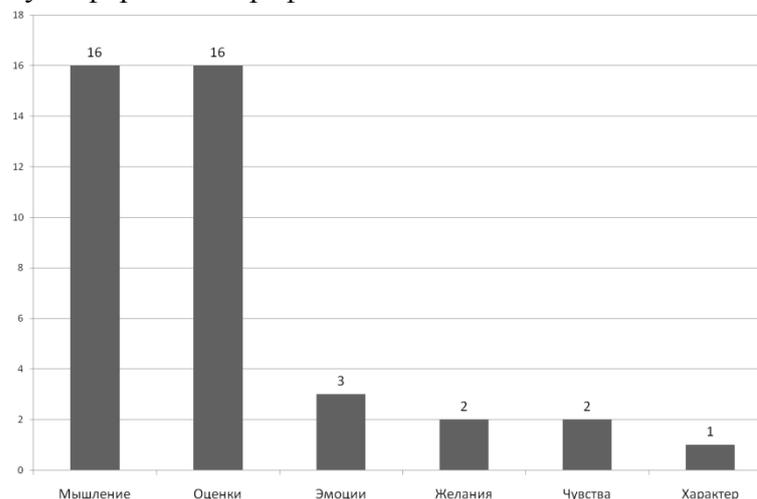

Рис. 2 Понятийный блок ЧЕЛОВЕК КАК РАЗУМНОЕ СУЩЕСТВО

Третий базовый блок – ЧЕЛОВЕК КАК СОЦИАЛЬНОЕ СУЩЕСТВО – сформирован 132 лексическими единицами, называющими следующие понятия:

- **название людей по степени родства:** кровное родство – *мать* ‘мать’ (рус), общность генотипа – *domač* ‘родной, домашний’ (словен);

- **название людей по социальному/имущественному статусу:** *kalps* ‘служащий, работник’ (латыш), *min* ‘бедный’ (фриз);

- **идентификация человека:** *név* ‘имя’ (венгр), *ad* ‘имя’ (турец);

- **вербальное общение:** 1) речь/голос: *glas* ‘голос, звук’ (србхорв), *Rede* ‘речь’ (нем), *tal* ‘речь’ (швед), *mál* ‘речь, голос’ (фарер), *ääni* ‘звук, тон’ (фин); 2) рассказ: *tell* ‘рассказывать’ (англ); 3) просьба: *моля* ‘просить, просить разрешения’ (болг); 4) разговор: *лóуиа* ‘говорить, рассказывать’ (новогреч); 5) совет: *råd* ‘совет’ (швед), *ráđ* ‘совет’ (исл); 6) объявление: *bođa* ‘объявлять, заявлять, провозглашать’ (фарер); 7) шутка: *žart* ‘шутка, анекдот’ (словац); 8) соглашение: *io* ‘согласие’ (идиш), 9) ссора: *tüli* ‘ссора’ (эст);

- **социальные практики:** 1) законопослушность: *law* ‘закон’ (англ); 2) вознаграждение: *част* ‘честь, угощение’ (србхорв), *קְבוּדָה* [kvud] ‘честь, почёт’ (идиш); 3) помощь: *önn* ‘забота’ (исл), *óvni* ‘беречь, оберегать’ (венгр); 4) доверие: *foi* ‘вера, доверие’ (фр); 5) социальные нормы и традиции: *tryb* ‘обычай, порядок’ (польск), *лад* ‘мир, порядок, строй’ (укр); 6) привычка: *modh* ‘мода, манера’ (ирл); 7) игра: *grás* ‘играть’ (верхлуж), *joc* ‘игра’ (рум), *joc* ‘игра, забава’ (каталан); 8) промысел/развлечение: *саза* ‘охота’ (исп), *himu* ‘охота’ (эст); 9) встреча / собрание: *þing* ‘собрание’ (исл);

- **отношение к труду:**

а) работа как таковая: *robit’* ‘работать, трудиться’ (словац), *dílo* ‘дело, работа’ (чеш), *delo* ‘работа, труд; деятельность’ (словен), *דָּבָר* [davar] ‘дело, занятие’ (идиш), *zaak* ‘дело

(нидер), *baan* работа (фриз), *sök* дело, процесс (исл), *fare* делать (итал), *face* 'делать' (рум), *állás* работа, служба (венгр), *kávω* делать, совершать (новогреч);

b) совершение действий с помощью рук, в том числе: 1) связанные с направленным перемещением объекта: *hæve* поднимать (дат), *käpta* поднимать (латыш), *lōc* лить; наливать (кашуб), *dzit* гнать (латыш), *verstī* валить (литов); *тягми* тащить, тянуть (укр), 2) связанные с помещением объекта: а - в определенном месте каким-либо образом: *sette* устанавливать (фриз), *pune* 'класть' (рум), *deti* класть, помещать; ставить (литов), *βάλλτε* класть, ставить (новогреч); б - покрытие объекта: *caith* одеваться (ирл); d – открытие: *hap* открывать, отворять (алб); 3) связанные с физическим воздействием на объект: а - изменение состояния объекта: *bót* улучшение, исправление (исл); б - совершение контакта с объектом: *tutmak* держать (турец); с - нанесение удара: *бить* 'бить' (рус), *bitи* бить, колотить (укр), *биць* бить, стучать (белорус), *biś* бить, колотить (верхлуж), *бие* бить, ударять (макед), *hit* ударять; бить (словен), *sláa* ударять, поражать (фарер), *dar* ударять, бить (порт); d – отделение, нарушение целостности: *ryś* рвать, отрывать (верхлуж), *дерти* драть, рвать (укр), *kirsti* рубить (литов), *çarje* раскалывать, рубать (алб); е - очищение и обработка: *heq* снять, удалить (алб); 4) связанные с овладением объектом: а - получение в свое распоряжение: *брати* брать, хватать (укр), *браць* брать (белорус), *ujqс* взять; отнять (польск), *wześ* брать, взять (верхлуж), *braś* брать, взять, хватать (верхлуж), *фати* схватить, поймать (макед), *imtis* брать, взять (литов), *lua* 'взять, брать' (рум); б - передача объекта: *дать* 'дать, давать' (рус), *дати* дать, подать (укр), *dar* давать, дать; передавать (исп), *dare* дать, давать (итал), *da* 'давать; дать; выдавать; подавать' (рум), *ad* давать; предоставлять (венгр), *dać* дать (польск), *даць* дать (белорус), *jaan* давать (фриз), *ge* давать, дарить (швед), *φόρος* давать, подавать (новогреч); с - поиск объекта; *бара* искать (макед);

с) название действий по отдельному акту: *slag* 'удар' (нидер), *slag* 'удар' (швед), *støt* 'удар' (норв), *pikk* 'легкий удар или стук' (фарер), *cop* 'удар' (каталан);

d) название действия по его результату: *vykon* 'выработка, результат' (словац), *søm* 'шов' (норв), *effet* 'действие, результат' (фр), *acto* 'действие; поступок' (исп);

- **отношение к собственности:** а) обладание собственностью: *има* 'иметь' (макед), *imeti* 'иметь' (словен), *tureti* 'иметь; держать' (литов); б) получение в собственность: *få* 'получать' (дат), *fåa* 'получать' (фарер), *dobiti* 'получить; достать' (словен);

- **культура:** а - материальная (артефакты): 1) вещь, предмет как таковой: *sag* 'вещь, предмет' (дат), 2) одежда и ее детали: *etek* 'юбка' (турец), 3) мебель и ее части: *ból* 'кровать, ложе' (фарер), 4) средства передвижения и детали к ним: *кола* 'повозка, вагон' (србхорв), *Rad* 'колесо' (нем), 5) предметы, используемые при строительстве и отделке помещений: *dru* 'дерево (материал); лес (строительный)' (алб), *bord* 'доска' (исл), 6) еда и напитки: *чай* 'чай' (рус), *qejf* 'выпивка' (алб), 7) посуда: *kap* 'сосуд; посуда' (турец), 8) прочие контейнеры и вместилища: *bania* 'пузырь, сосуд' (польск), *òk* 'большая винная бочка' (кашуб), *кош* 'корзина' (макед), *kirp* 'банка' (эст), 9) канцелярские принадлежности и их части: *lap* 'лист (бумаги); страница' (венгр), 10) здания и сооружения: *дом* 'дом' (рус), 11) части зданий и сооружений: *blok* 'каркас, корпус' (словен), *hol* 'дыра, отверстие' (фарер), 12) приборы и приспособления, а также их части: *as* 'ось' (латыш), *tapa* 'втулка, затычка' (латыш), *кус* 'ключ' (алб); б) духовная (религия, сверхъестественное): 1) душа: *душа* 'душа, сущность' (белорус), *duch* 'дух, душа' (верхлуж), 2) судьба: *dalis* 'участь, доля, судьба' (литов).

Представим эту информацию графически:

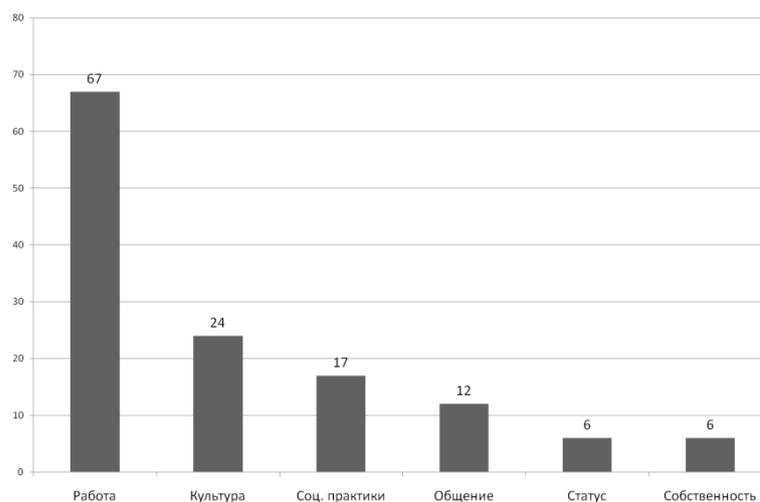

Рис. 3 Понятийный блок ЧЕЛОВЕК КАК СОЦИАЛЬНОЕ СУЩЕСТВО

Предлагаемое нами распределение лексики по понятийным группировкам нельзя считать свободным от недостатков и противоречий, поскольку отнесенность тех или иных слов к разным группировкам может варьироваться в зависимости от того, какие семантические акценты делает исследователь. Например, разного рода артефакты могут быть отнесены не только к понятийной группировке «Материальная культура», но и к «Результатам трудовой деятельности человека».

Как отмечает Д.О. Добровольский, «Семантика слова представляет собой сложный феномен, который можно представить на семантическом метаязыке как совокупность (множество) семантических элементов, связанных между собой определенными отношениями. Такое устройство семантической структуры предполагает возможность отнесения одной и той же леммы к разным идеографическим группам» [Баранов, Добровольский 2008, с. 365].

Соотношение всех трех базовых понятийных блоков представлено на круговой диаграмме:

Рис. 4 Соотношение базовых понятийных блоков

На рисунке видно, что у носителей европейских языков наибольший интерес вызывает окружающий мир во всем многообразии его свойств и характеристик (физических, пространственных, временных, включая перемещение в пространстве), а также сам человек как часть природы (части тела, физиологические характеристики).

Осознание себя как части общества является вторым в приоритете интересов носителей европейских языков, причем особо важными оказались понятия, называющие различные трудовые операции, связанные с преобразованием окружающей действительности, а также результаты такой деятельности – разного рода артефакты. Социальный и имущественный статусы, по данным языка, оказались наименее значимыми в системе базовых понятий носителей европейских языков.

Меньше всего представлена понятийная сфера, связанная с рассудочно-интеллектуальной деятельностью человека – мышлением, оценками, пониманием собственных чувств и эмоций. Очевидно, подобное абстрагирование, во-первых, является проявлением более высокого уровня осмысления мира и себя в нем со стороны носителей европейских языков, т.е. заключительной ступенью в схеме «ощущать – зреть – осмысливать». Во-вторых, возможно, что лексика, называющая понятия, связанные с блоком «Человек как разумное существо», представлена не столько в «верхушках» малых ядер европейских языков, сколько в лексике, занимающей более низкие позиции в этих ядрах.

Рассмотренные нами первые 10 слов, формирующие базовую систему понятий носителей европейских языков, представляют как бы логический каркас наивной языковой картины мира европейских народов. Более точная и полная ее характеристика может быть дана после анализа всей лексики малых ядер.

Литература

1. *Воевудская О.М.* Концепция идеографического словаря основного лексического фонда германских языков: дис. ... докт. филол. наук / О.М. Воевудская. – Тверь, 2015. – 450 с.
2. *Титов В.Т.* Общая квантитативная лексикология романских языков / В.Т. Титов. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2002. – 240 с.
3. *Англо-русский словарь: 40000 сл./ Сост. В.К. Мюллер, С.К. Боянус.* – М.: Локид, 2000. – 1390 с.
4. *Андрианов Б.А.* Карманный румынско-русский словарь: ок. 8000 слов / Б.А. Андрианов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Советская Энциклопедия, 1964. – 314 с.
5. *Аракин В.Д.* Большой норвежско-русский словарь: в 2-х т./ В.Д. Аракин. – Москва: Живой язык, 2000. – Т.1. – 561 с. – Т.2. – 561 с.
6. *Берков В.П.* Исландско-русский словарь: 35000 слов / В.П. Берков; с прилож. краткого очерка грамматики исландского языка, сост. А. Бедварссоном. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1962. – 1032 с.
7. *Бондаренко А.В.* Новогреческо-русский и русско-новогреческий словарь общеупотребительной и деловой лексики / А.В. Бондаренко. – М.: АСТ, Астрель 2002 г. – 256 стр.
8. *Вахрос И.* Финско-русский словарь: 82000 слов / И. Вахрос, А. Щербаков; ред. В. Оллыкайнен, И. Сало. – М.: Русский язык, 1975. – 816 с.
9. *Грабчиков С.М.* Белорусско-русский словарь / С.М. Грабчиков; Под ред. А.Е. Баханькова. – Минск: Народная асвета, 1975. – 240 с.
10. *Гудков В.П.* Сербско-русский и русско-сербский словарь = Српско-руски и руско-српски речник: 20000 слов / В.П. Гудков, С. Иванович. – 6-е изд., стер. – М.: Русский язык: Медиа, 2007. – 425 с.

11. *Гуськов А.П.* Венгерско-русский словарь /А.П. Гуськов. – М.: Русский язык: Медиа, 2005. – 630 с.
12. *Длуги Д.А.* Чешско-русский словарь: ок. 11000 слов / Д.А. Длуги, Б.Г. Раевский, Н.Р. Буравцева. – 2-ое стер. изд. – М.: Советская энциклопедия, 1973. –476 с.
13. *Загнітко А.П.* Великий українсько-російський і російсько-український словник: ок. 22000 слов / А.П. Загнітко, М.О. Вінтонів, І.Г. Данилюк. – Донецьк: ТОВ ВКФ 'БАО', 2007. – 949 с.
14. *Иллич-Свитыч В.М.* Македонско-русский словарь: 30000 слов / В.М. Иллич-Свитыч, Д. Толовски; с прил. краткого грамматического справочника, сост. В.М. Иллич-Свитычем // Под ред. Н.И.Толстого. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1963. – 576 с.
15. Карманный словацко-русский и русско-словацкий словарь / сост. Д. Коллар [и др.]. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1982. – 512 с.
16. *Косухин В., Либерис А.* Литовско-русский словарь: около 22 000 слов /В. Косухин, А. Либерис; под ред. Х.Лемхена. – Вильнюс: Гос. Изд-во политехнич. и науч. лит-ры Литовской ССР, 1956. – 392 с.
17. *Котник Я.* Словенско-русский словарь / Я. Котник. – 2-е изд. – Любляна : Гос. издание Словении, 1967. – 817 с.
18. *Кочи Р.Д.* Краткий албанско-русский словарь: 13000 слов / Р.Д. Кочи [и др.]; ред. А. Косталлари, с прил. краткого очерка грамматики албанского языка сост. Б.А. Серебренниковым. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1951. – 547 с.
19. *Красова Г.А.* Карманный итальянско-русский словарь = Dizionario Tascabile Italiano-Russo: около 12000 слов / Г.А. Красова, Г. Дзаппи. – 2-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1993. – 350 с.
20. *Крымова Н.И.* Большой датско-русский словарь / Н.И. Крымова, А.Я. Эмзина, А.С. Новакович. – Москва: Живой язык, 2004. – 896 с.
21. Латышско-русский словарь: в 2 т.: около 53000 слов/ М. Бейтиня, А. Дарбиня, Ф. Марцинкевич и др. – Рига: Лиесма, 1979. – Т. 1: А – М. – 699 с.; Рига: Авотс, 1981. – Т.2: N – Ž. – 755 с.
22. *Леонидова М.А.* Карманный болгарско-русский словарь = Джобен българско-руски речник: 10600 слов / М.А. Леонидова. – 8-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1980. – 520 с.
23. *Марцишевская К.А.* Карманный испанско-русский словарь: 11000 слов / К.А. Марцишевская. – 3-е изд., стер. – М. Русский язык, 1974. – 420 с.
24. *Митронова И.Н.* Карманный польско-русский и русско-польский словарь = Słownik Kieszonkowy Polsko-Rosyjski i Rosyjsko-Polski / И.Н. Митронова, Г.В. Синицына. – М.: Русский язык, 1989. – 606 с.
25. Новый большой шведско-русский словарь /координатор проекта Б.-М. Берглунд, рук. проекта и отв. ред. У. Биргегорд, отв. ред. Э. Марклунд-Шарапова. – М.: Живой язык, 2007. – 992 с.
26. Новый немецко-русский словарь/ под ред. М.Я. Цвиллинга. – М.: ОНИКС 21 век, 2005. – 524 с.
27. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Около 70 000слов / С.И. Ожегов; Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1990. – 922 с.
28. *Раевская О.В.* Французско-русский и русско-французский словарь (краткий) / О.В. Раевская. – М. : Русский язык, 1995. – 598 с.
29. *Солдатов А.М.* Большой идиш-русский словарь /А.М. Солдатов. – Москва: Книжный лес, 2011. – 736 с.
30. *Тамм Й.* Эстонско-русский словарь / Й. Тамм.–Таллин: Валгус, 1974.– 768 с.

31. *Трофимович К.К.* Верхне-лужицко-русский словарь / Под ред. Ф. Михалка и П.Фёлькеля : 36000 слов. – М.: Русский язык, 1974. – 826 с.
32. *Шалагина И.Н.* Карманный португальско-русский словарь = Dicionario de bolso Portugues-Russo: 9000 слов / И.Н. Шалагина. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1987. – 352 с.
33. *Шобаков А.В.* Ирландско-русский словарь / А.В. Шобаков. – Tristamson, 2006. – 363 с. – URL: tristamson@yahoo.ie (дата обращения 12.09.2012)
34. *Щербинин В.Г.* Краткий турецко-русский словарь: ок. 10000 слов / В.Г. Щербинин. – М.: Русский язык, 1977. – 405 с.
35. *Vaar A.H.* Groot Nederlands-Russisch Woordenboek / А.Н. Ваар. – Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2012. – 1265 p.
36. *Bank S., Szmidt D., Zgustová M.* Diccioniari rus-català y català-rus / S.Bank, D. Szmidt, M. Zgustová. – Barcelona: Enciclopèdia Catalana, 1999. – 585 p.
37. *Dykstra A.* Frisian-English Dictionary / A. Dykstra. – Fryske Akademy / Afûk – Ljouwert / Leeuwarden, 2000. – 1153 p.
38. *Ramułt S.* Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego / S. Ramułt. – Naładem Akademii umiejętności. Sład główny w księgarny spółki wydawniczej polskiej, 1893. – 512 p.
39. *Young G.V.C.* Faroese-English Dictionary / G.V.Ch. Young, C.R. Clewer. – Republic of Ireland, 1985. – 684 p.
40. *Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – Москва: Знак, 2008. – 656 с.

ГЛАГОЛЫ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ВЕЩЕСТВ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Настоящая работа посвящена семантике синонимического ряда, описывающего перемещение веществ в типологической перспективе. В отечественной лингвистике, особенно в рамках Московской семантической школы, существует богатая традиция описания синонимических рядов, связанная, прежде всего, с именем Ю.Д. Апресяна [Апресян 1974/1995, 2004]. Исследование Ю.Д. Апресяна и его группы ориентировано главным образом на изучение синонимии в русском языке, хотя в рамках данного подхода был также создан Англо-русский синонимический словарь, в котором сопоставляются квазисинонимы двух языков. В работах Ю.Д. Апресяна и его школы описание строится на различительных семантических признаках, обнаруженных при сравнении квазисинонимов одного или нескольких языков.

В целом, интерес к лексической типологии значительно вырос за последние годы, когда стало ясно, что закономерности существуют не только в грамматике, но и в лексике. До недавнего времени анализ лексики был затруднен отсутствием инструментов для ее анализа. С появлением корпусов исследователям стали доступны большие массивы текстовых данных, которые достаточно полно отражают особенности употребления лексических единиц. Таким образом, благодаря корпусам стало возможно подробно изучить то, как устроены лексические системы сопоставляемых языков, а также найти и понять различия между ними.

В современной лингвистике существует несколько методов сопоставительного изучения семантики лексических единиц, то есть лексическая типология не обладает пока единым подходом к сбору и анализу материала. Каждый из методов обладает своими преимуществами и недостатками.

Настоящая работа выполнена в рамках фреймового подхода к лексической типологии (см. Рахилина, Резникова 2013). Анализ опирается на сочетаемость: на ее основе выявляются прототипические ситуации (т.е. фреймы), для описания которых употребляются исследуемые глаголы. Именно выявленные на базе языкового материала фреймы, а не априорный набор стимулов, как в исследованиях представителей Неймегенской группы (см. [Levinson, Wilkins (eds.) 2006, Majid, Bowerman (eds.) 2007] и др.), служит при этом основанием для сравнения лексических единиц из разных языков. Кроме того, сильной стороной данного подхода является возможность исследования семантических сдвигов [Рахилина, Резникова 2013].

Исследование было выполнено на материале 11 языков (русского, польского, английского, немецкого, итальянского, испанского, французского, греческого, китайского, финского, бурятского), которые были получены из толковых и переводных словарей и корпусов (в случае их доступности для данного языка), а также при помощи специально спроектированной анкеты.

Первым этапом анализа стало выявление фреймов, значимых для семантического поля перемещения веществ. К типологически релевантным для исследуемой зоны мы отнесли следующие основные фреймы:

- Дождь
(1) *Rain pours down from the sky.* (английский)
'Дождь льется с неба'.

[Sketch Engine]

- Снег

(2) *Густой снег сыплется* день и ночь: сутки, вторые, третьи, — и желтые шары электрических фонарей на улицах едва проглядывают тусклыми пятнами сквозь белесую эту вуаль. (русский)

[С. Морозов. Города Заполярного края // «Огонек». № 16, 1956]

- Вода в реке

(3) *This river flows* throughout the region from Thornton to Ashland. (английский)

‘Эта река **течет** по всему региону от Торнтон до Ашленд’.

[Sketch Engine]

- Вода из крана

(4) *Сорго гоожоно гэжэ хараад, мүнөө тэрэниие захабарилха хэрэгтэй.* (бурятский)

‘Я увидела, что кран **течет**, - теперь его нужно чинить’.

[Носитель]

- Вещество из контейнера (дыра в контейнере)

(5) *После каждого удара из щели на потолке сыпалась* на стол, на краюху черного хлеба, *струйка песка.* (русский)

[К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Беспокойная юность (1954)]

- Жидкость из контейнера (опрокинутый контейнер)

(6) *Kanka z mlekiem przewróciła się i mleko wylało się.* (польский)

‘Бидон с молоком опрокинулся и **молоко вылилось**’.

[Носитель]

- Вещество из контейнера (чрезмерное количество вещества в контейнере)

(7) *Бороогой дээрэхээ боошхо уһаар дүүрэн болобо: уһань билтарба.* (бурятский)

‘Бочка от дождя переполнена: вода **выливалась** наружу’.

[Носитель]

Опираясь на эту методику, мы исходим из того, что мнение человека о мире представлено ситуациями, фреймами, которые связаны между собой. Поэтому погружение человека в конкретную ситуацию является наиболее эффективным способом извлечения информации. Носители языка должны вставить то слово, или слова, которые они считают приемлемыми для данного контекста. Предложения должны быть составлены корректно и отражать очень конкретную ситуацию, чтобы не допустить слишком сильной разрозненности, но вместе с тем и представлять собой естественные употребления, «живые» и характерные для информанта.

После анкетирования, в случае необходимости, у информантов дополнительно уточнялись семантические особенности той или иной лексемы. Ср. в этом отношении мнение А.Е. Кибрика, который считал, что пассивное исследование речи недостаточно, а значит, нужно, чтобы информанты создавали примеры употребления изучаемого слова/выражения [Кибрик 1972].

В целом для лексикализации идеи перемещения вещества, судя по данным нашей выборки, релевантными оказываются следующие параметры:

- Тип вещества
  - Жидкость
  - Сыпучее вещество
- Количество вещества
  - Перемещение отдельными квантами
  - Перемещение сплошным потоком

- Свойства исходного контейнера
  - Полное освобождение от содержимого
  - Частичное освобождение от содержимого

Наряду с прямыми значениями объектом нашего исследования стали также семантические сдвиги глаголов изучаемого поля. Глаголы, обозначающие перемещение вещества, могут развивать следующие переносные значения:

- Плавный ход времени

(8) *У них вообще тут **время течет** по-другому, более размеренно, спокойно.* (русский)

[А. В. Жвалевский, Е. Пастернак. *Время всегда хорошее* (2009)]

Подобная метафора присутствует в пяти из исследуемых языков. Семантический сдвиг происходит за счёт метафорической концептуализации времени как потока.

(9) ***Время текло, как река, и, как река, когда плывешь посредине нее, оно представлялось замкнутым и не имеющим выхода.*** (русский)

[В. П. Катаев. *Время, вперед!* (1931-1932)]

- Плавная речь

(10) *Я ощущал себя бесконечно правым, и **речь** моя лилась свободно и убедительно.* (русский)

[Митьки. Папуас из Гондураса (1987)]

Здесь, как и в метафоре со временем, речь сравнивается с плавно текущей рекой.

- Большое количество объекта

- Деньги, алкоголь

(11) ***Money is always flowing somewhere, and will never change.*** (английский)
 ‘**Деньги** всегда **текут** куда-то, и никогда не изменятся’.

[Sketch Engine]

(12) ***La ville devient folle, le champagne coule à flots.*** (французский)

‘Город сходит с ума, **шампанское льется** рекой’.

[Sketch Engine]

Данный семантический сдвиг основан на имплицатуре: если вещество перемещается потоком, это значит, что его много. В случае если в качестве субъекта глагола выступает алкоголь, то семантический сдвиг оказывается совсем незначительным: и в исходном, и в переносном значении речь идет о жидкости, различаются только аспекты ситуации, которые находятся в фокусе внимания говорящего. Прямое значение задает, прежде всего, идею перемещения жидкости, а производное (об алкоголе) – описывает идею большого количества.

Если глагол употребляется по отношению к деньгам, то происходят более значимые семантические преобразования: наряду со сдвигом семантического акцента в ситуации, имеет место еще и метафорическое переосмысление финансовых ресурсов как жидкости.

- Неблагоприятные события (в том числе, физические)

(13) *At the beginning the opponent was sparing his strength, but now **hits poured in in a stream.** Michael is out of his strength to fend them off.* (английский)

‘Вначале противник берег силы, но сейчас **удары сыпались** градом. У Майкла заканчивались силы их отражать’.

[Носитель]

Как и в случае рассматривавшихся выше денег и алкоголя, речь здесь идет о большом количестве той сущности, которая выступает в позиции субъекта. Однако, в отличие от предыдущего сдвига, здесь переносное значение

охватывает множественные квантуемые объекты или явления (удары, вопросы, проблемы и т.д.) Поэтому, если в языке лексически противопоставляется перемещение жидкостей и сыпучих веществ, именно последние (в силу своей большей членимости на отдельные кванты) служат источником для развития данного значения.

Отметим, что семантика этой ситуации всегда предполагает наличие экспериенцера – того, в кого попадают описываемые квантуемые объекты. Такое воздействие извне естественным образом воспринимается как неприятное – так что неудивительно, что субъектом в подобной метафорической конструкции становятся отрицательно оцениваемые ситуации.

Представленное в настоящей статье исследование поля перемещения веществ в типологической перспективе будет продолжаться: в ходе дальнейшей работы планируется расширить типологическую выборку и уточнить фреймовую структуру поля, а также более подробно описать модели семантических переносов. Вместе с тем, мы надеемся, что анализ, проведенный уже в данной работе, будет способствовать дальнейшему развитию лексической типологии – одного из самых интересных направлений, существующих в современной лингвистике.

Литература

1. *Апресян Ю.Д., Ботякова В.В., Латышева Т.Э. и др.* Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
2. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974 (2-е изд. – 1995).
3. *Апресян Ю.Д.* (ред.) Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное. Москва, 2004.
4. *Кибрик А.Е.* Методика полевых исследований (к постановке проблемы). – М., 1972.
5. *Рахилина Е.В., Резникова Т.И.* Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3-31.
6. *Levinson S.C., Wilkins D.P. (eds.).* Grammars of space: Explorations in cognitive diversity. Cambridge, 2006.
7. *Majid A., Bowerman M. (eds.).* Cutting and breaking events: A crosslinguistic perspective. *Cognitive linguistics (special issue)*. 2007. V. 18. № 2.

О КАТЕГОРИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ В ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Проблема «язык или диалект» рассматривалась многими исследователями, в том числе Л.Э. Калынем [12], Г.А. Климовым [13], Р. Лечем [16], Д.И. Эдельманом [25] [24], Б. Казаку [27], К. Хегером [34], Дж. А. Грирсоном [33] и др., но до сих пор не существует единого решения данной проблемы. Некоторые лингвисты [18][25] выделяют следующие критерии самостоятельного языка: 1) отсутствие взаимопонимания между носителями; 2) различные литературно-письменные формы; 3) наличие традиций перевода; 4) «языковое самосознание» носителей [17]; 5) наличие лингвонима; 6) происхождение; 7) несовпадение территории распространения. Д. Долби [29] предложил выделять три уровня генетической близости: 1) отряд (англ. Set), предусматривающий 23-35% совпадений в базовом словаре; 2) звено (англ. Chain), где процент лексических совпадений – 36-50%; 3) ячейка (англ. Net) со степенью близости 51-70%. Внутри ячеек он также выделяет три уровня: 1) внешний язык – отражает степень близости в 71-85% совпадений в базовом словаре (соответствует самостоятельному языку или кластеру близкородственных языков); 2) внутренний язык с 86% лексических совпадений (соответствует наречиям или группе диалектов); 3) диалект (соответствует территориальной, письменной или социальной разновидности внутреннего языка). В систематике языков [14][15] данный подход был эмпирически проверен и взят за основу критериев выделения таксонов нижних уровней в четырехчастной шкале языковой систематики (язык (<89 % совпадений в 100-словном базовом списке) – наречие (89—97 %)– диалект (97—99 %)– говор).

Проблема языковой вариативности активно разрабатывается в современной лингвистике. Наряду с термином «вариативность» используют понятие «вариантность» [6][7][19][22], но А.А. Худяков [23] считает, что предпочтительным является именно понятие «вариативность», т.к. «вариантность» предполагает не только наличие различных вариантов, но и присутствие инварианта, который не всегда возможно выделить. Необходимость исследования новых языковых форм и вариантов привело к развитию отдельного лингвистического направления – контактной вариантологии [19][20], которое базируется на лингвистической парадигме Баджа Качру World Englishes Paradigm [35][37][38]. Согласно Д. Кристалу [28], «сегодня на одного носителя английского языка приходится четыре пользователя английским как вторым или иностранным языком» [20], поэтому Б. Качру предложил концепцию «Трех концентрических кругов» [39][40], в рамках которой было предложено распределять страны, активно использующие английский язык, по трем группам (рис.1): 1) «внутренний круг» (страны, в которых английский язык является первым, официальным и родным для большинства носителей; исторически это первая диаспора миграции из Англии, т.е. США, Австралия, Ирландия и пр.), является «нормообеспечивающим», [21][36] 2) «внешний круг» (страны, где английский является вторым официальным языком, но не выступает как родной или коренной; бывшие колонии англоговорящих держав, такие как Индия, Нигерия, Ямайка и т.д.), «норморазвивающий», 3) «расширяющийся круг» (страны, в которых английский не имеет официального статуса и призван обслуживать межкультурную коммуникацию), «нормозависимый».

Рис. 1. Концепция «Трех концентрических кругов» Б. Качру

Разделение вариантов и интеръязыка [30][42] обусловлено наложением национального менталитета говорящих на языковую форму интеръязыка. В связи с этим говорят о процессе глокализации [41], т.е. изменении языка под влиянием локальных признаков вследствие его глобального распространения. Некоторые исследователи [32] высказывают предположение, что единый английский язык может погибнуть, распавшись на самостоятельные, взаимно непонятные языки. Это дает Д. Кристалу [28] основания ввести термин *Englishes* для обозначения различных национальных вариантов, считая их потенциальными членами новой языковой семьи.

Благодаря появлению лингвистического корпуса Марка Дэвиса *GloWbe* (*Corpus of Global Web-Based English*) [31], содержащего порядка 2 млрд. словоупотреблений на базе 20 вариантов английского языка (согласно теории «концентрических кругов» относящихся к внутреннему и внешнему кругу), появилась возможность выявлять национальную специфику. В рамках данной работы подобное сопоставление будет произведено посредством криптоклассного анализа [1][2][3][4][5][8][26] пяти эмоций (*anger, grief, happiness, passion, sympathy*), базирующегося на положении, что в любом языке помимо грамматически выраженных существуют скрытые или криптоклассы, выявляемые через метафорическую сочетаемость в определенных синтаксических конструкциях.

Проведенное исследование показало, что в английском языке (без вариативного разбиения) *anger* в первую очередь воспринимается как небольшой предмет, способный поместиться в руке – 66% из 693 релевантных примеров относится к криптоклассу *Res Parvae* (пример 1), а во вторую – как жидкость (22% словоупотреблений в криптоклассе *Res Liquidae*) (пример 2). При этом в 18

вариантах наиболее представлен именно криптокласс «Рукоятное», в то время как только в двух (Бангладеш и Гана) первым выступает криптокласс жидкого (рис.2); криптоклассы острого (Res Acutae) (пример 3), нитевидного (Res Filiformes) (пример 4) и круглого (Res Rotundae) (пример 5) отражены в 7 вариантах, пронизывающее (Res Longae Penetrantes) (пример 6) – в 13, жидкое (Res Liquidae) – в 18 (не представлен только в вариантах Кении и Танзании), а примеры рукоятного (Res Parvae) были найдены во всех 20 вариантах английского языка.

- (1) *we can not **catch anger** or catch sadness like a flu virus from another person or situation*
- (2) *including many police officers, who knew that they could not stop the **flood** of **anger***
- (3) *The trust has been violated. The **anger** will be **acute**.*
- (4) *though most seem to be fueled by the common **thread** of **anger** at the wealthy and powerful*
- (5) *It was tears and shouts and a little **ball** of frustrated **anger** and screaming*
- (6) *His sculpted mouth tightened to a tight line like a whip, and **anger speared** him.*

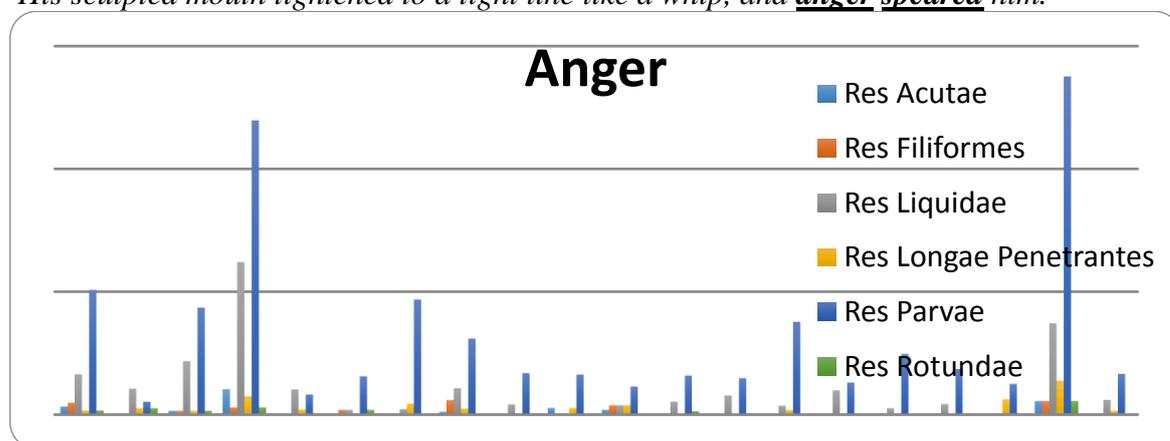

Рис.2. Криптоклассный анализ имени *anger*

С именем *grief* было обнаружено 211 примеров, из них (рис.3): 43% относятся к криптоклассу «Рукоятное» (представлен во всех вариантах, кроме Ганы и Гонконга, является первым таксоном у 8 диалектов) (пример 7), 28% - к жидкому (проявлен у 14 вариантов, на первом месте у 5 из них) (пример 8), 19% - к острому (найден в 12 вариантах, на первом месте у диалектов Танзании и Сингапура) (пример 9). Горе оказалось нитевидным в 5 вариантах (пример 10), единичные примеры в криптоклассах пронизывающего (пример 11) и круглого (пример 12) были найдены в 4 диалектах, а для английского в Бангладеше примеров для этого имени в корпусе найти не удалось.

- (7) ***Throw** at him your **grief**, your anger, your doubt, your bitterness*
- (8) *intermittently these waves of **grief** were **flooding** over me mixing with my own concern over not being able to breath*
- (9) *the sword of **grief** which **pierced** her soul opens you a passage*
- (10) *There is a " common **thread** " of **grief** which runs through everyone*
- (11) *" You... you've killed him, " he said with a **stab** of **grief**.*
- (12) *Because that's what it is right now, like a **ball** of **grief** smashing through my chest and through my throat to my brain.*

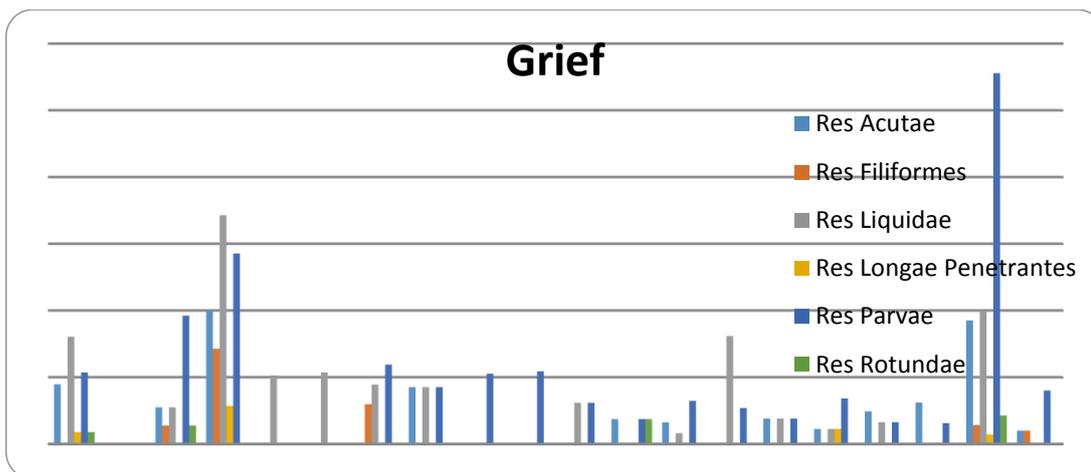

Рис.3. Криптоклассный анализ имени *grief*

289 примеров оказались релевантными для имени *happiness*, при этом (рис.4): 56% словоупотреблений с криптоклассом Res Parvae (найден во всех диалектах, кроме Танзании, является наиболее выраженным в 13 диалектах) (пример 13), 22% - с криптоклассом «Жидкое» (есть примеры в 12 вариантах, на первом месте – английский язык Новой Зеландии и Замбии) (пример 14) и 16% - с криптоклассом «Нитевидное» (примеры обнаружены в 12 диалектах, выступает первым для варианта Нигерии) (пример 15). Счастье оказалось способным пронзить в 6 вариантах (пример 16), единичные примеры для криптокласса круглого были найдены в 4 диалектах (пример 17), а индийское счастье может быть даже острым – единственный пример (пример 18) найденный в корпусе для криптокласса Res Acutae это *pungent happiness* в индийском английском. Для диалекта Кении примеров не обнаружено.

(13) *Pure **happiness** that life **throws** you once in a while is when...*

(14) *What relief and **happiness flooded** through me!*

(15) *However, fulfilment and **happiness** are **intertwined**, if we are talking real rather than synthetic **happiness**.*

(16) *However, **happiness** can only **penetrate** the heart if the One that Created it so wishes.*

(17) *As much as the world preaches that life should just be one big **ball** of fun and **happiness**, and to do everything you can to avoid negative emotions*

(18) *It is true enough, of course, that a **pungent happiness** comes chiefly in certain passing moments*

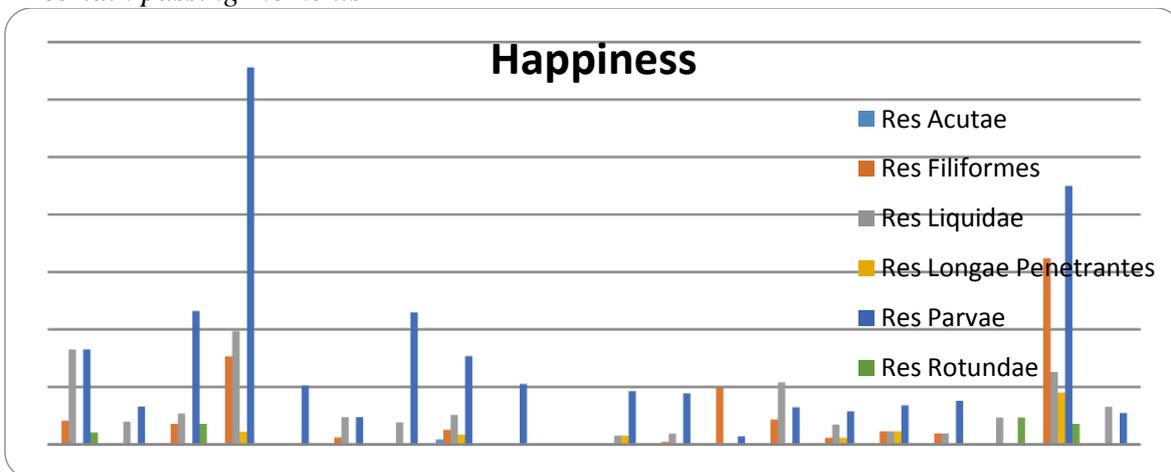

Рис.4. Криптоклассный анализ имени *happiness*

Преобладающее большинство (а именно 62%) из 529 примеров со словом *passion* принадлежит к криптоклассу Res Parvae (рис.5) (пример 19), который является первым таксоном для всех 20 рассматриваемых вариантов; на втором месте (24%) – Res Liquidae (пример 20) (так же, как и Res Filiformes (пример 21), было найдено в 18 диалектах). Примеры острой страсти были найдены в 10 вариантах английского (пример 22), пронизывающей страсти – в 7 (пример 23), а возможность страсти катиться (пример 24) отражена единственным примером в австралийском диалекте.

- (19) *A stunning series of photos by Stuart McEvoy of The Australian **caught** the **passion** of women*
- (20) *were swept away from his memory by the **deluge** of new **passions***
- (21) *Running through the three of them though was the clear **thread** of a **passion** for what they do.*
- (22) *Alice has a **keen passion** for music, whether it's listening to it, writing it, or playing*
- (23) *Even as rain leaks into a poorly roof house, so **passions** will **penetrate** an uncultivated mind.*
- (24) *Irregularly wild their **passions roll** Through Nature's finest instrument*

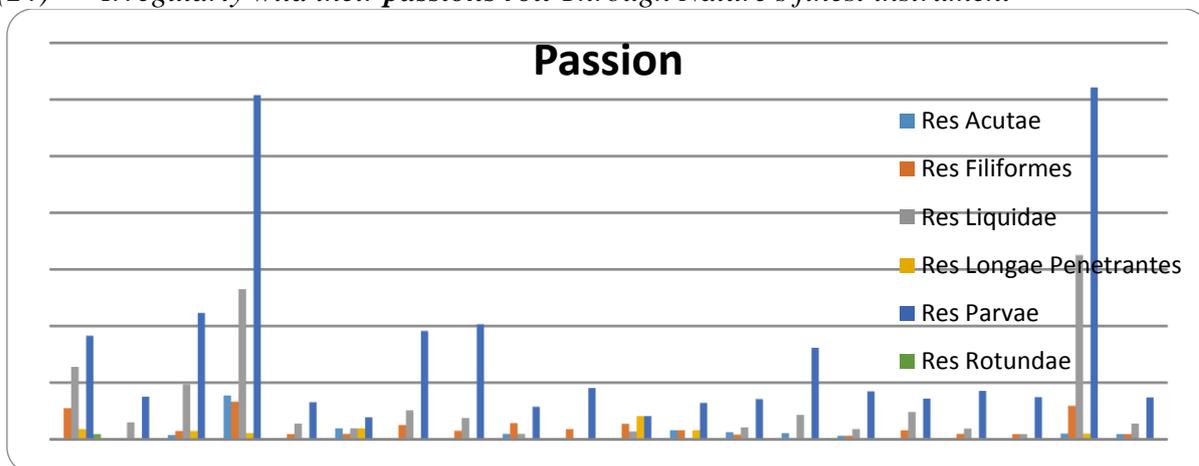

Рис.5. Криптоклассный анализ имени *passion*

Наименьшее количество примеров (93) было найдено для имени *sympathy*, из них (рис.6): 42% - с криптоклассом Res Parvae (употребляется в 11 вариантах, в 6 из них на первом месте) (пример 25), 41% - с криптоклассом Res Liquidae (также найдено в 11 вариантах, в 5 из них является первым таксоном) (пример 26), 13% - с криптоклассом Res Acutae (обнаружено в 8 диалектах, в 4 из них на первом месте) (пример 27). Были найдены единичные примеры для нитевидного свойства в американском и британском вариантах (пример 28), а для Res Longae Penetrantes и Res Rotundae примеров не обнаружено.

- (25) *It says the comments stem from other sources, usually strongly emotive sources that instantly **grab** people's **sympathy***
- (26) *Shelley created a story where I hadn't felt such **flow** of **sympathy** between the creator and the monster.*
- (27) *A spike of **sympathy pierced** his heart, but it was quickly replaced with anger.*
- (28) *But it is the endearing **thread** of love and **sympathy** that runs through the characters that makes readers return.*

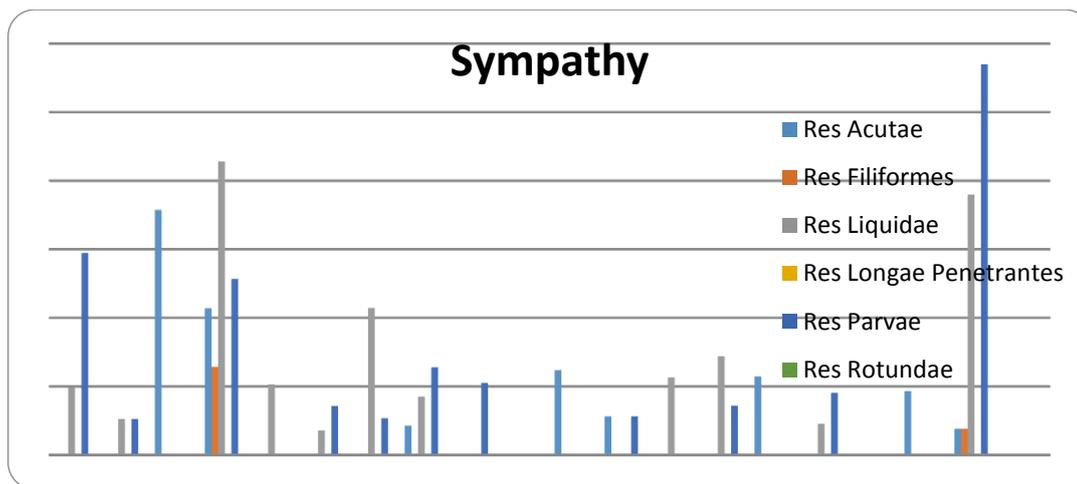

Рис.6. Криптоклассный анализ имени *sympathy*

Таким образом, можно говорить о том, что все рассматриваемые эмоции категоризируются в большинстве вариантов английского языка в первую очередь как небольшой предмет, а во вторую – как жидкость.

Далее были рассчитаны корреляции [10] между различными эмоциями. Согласно корпусным данным (без разделения на варианты) *anger* наиболее близок с именем *passion* (97%) (табл.1), для счастья самыми тесными являются связи со страстью (88%), для *sympathy* наиболее высокий коэффициент корреляции с лексемой *grief* (80%), в то время как для *grief* более высокими показатели оказались для имен *anger* и *passion* (83%).

Табл.1. Корреляция эмоций *anger, grief, happiness, passion, sympathy*

<i>GloWb E</i>	<i>anger</i>	<i>grief</i>	<i>happiness</i>	<i>passion</i>	<i>sympathy</i>
<i>anger</i>	-	0,8248 64	0,8622 43	0,9661 2	0,7102 76
<i>grief</i>	0,8248 64	-	0,7080 58	0,8289 3	0,8015 39
<i>happiness</i>	0,8622 43	0,7080 58	-	0,8782 56	0,5761 21
<i>passion</i>	0,9661 2	0,8289 3	0,8782 56	-	0,7285 04
<i>sympathy</i>	0,7102 76	0,8015 39	0,5761 21	0,7285 04	-

На следующем этапе были построены таксономии [9][11]. Больше число рассматриваемых вариантов попало в таксон с первым членом *Res Parvae* (72%) (в том числе все примеры с лексемой *passion*), причем 47% оказалось в этой группе со вторым приоритетным криптоклассом *Res Liquidae* (рис.7-8). В таксоне с первым криптоклассом *Res Liquidae* оказалось 16% (рис.11) вариантов английского языка, при этом примечательно, что в этот таксон попали островные государства Новая

Зеландия (имена *sympathy*, *grief*, *happiness*) и Великобритания (лексемы *sympathy*, *grief*). В таксон, начинающемся с Res Filiformes (рис.14) попало одно слово *happiness* в нигерийском варианте английского языка. К таксону, где первым является Res Acutae (рис.13), отнесено 7% рассматриваемых примеров (стоит заметить, что это только имена *grief* (в сингапурском варианте и Танзанийском английском) и *sympathy* (варианты английского языка Канады, Шри-Ланки, Филиппин, Танзании). Опираясь на приведенные ниже таксономии (рис. 7-19), любопытно отметить, что одинаково категоризируются следующие лексемы: 1) *anger* в Новой Зеландии совпадает по восприятию с *anger* в Замбии; 2) счастью в Сингапуре приписываются те же характеристики, что страсти в Танзании; 3) в Индии *happiness* и *anger* имеют схожие характеристики; 4) страсть в Сингапуре, Пакистане, Индии, Ирландии и Гане воспринимаются одинаково; 5) страсть в Новой Зеландии совпадает с симпатией в Индии; 6) страсть на Филиппинах и в Замбии аналогична симпатии в США.

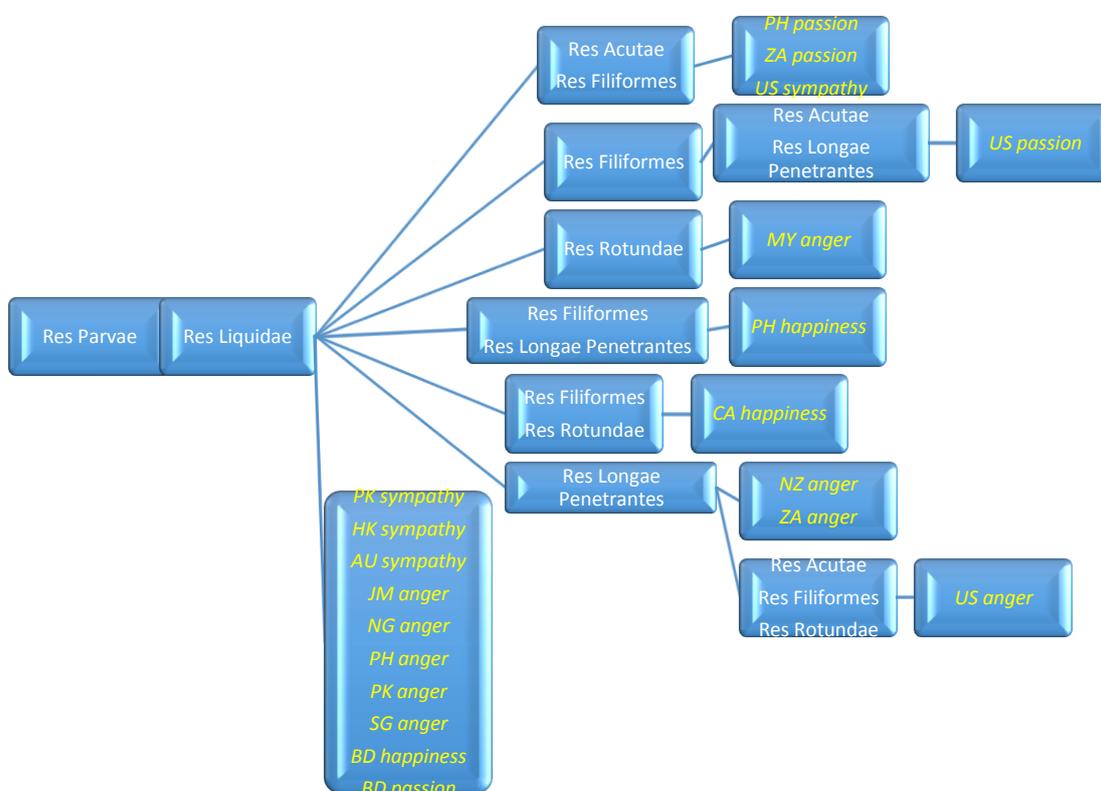

Рис.7. Таксономия с первыми членами Res Parvae – Res Liquidae

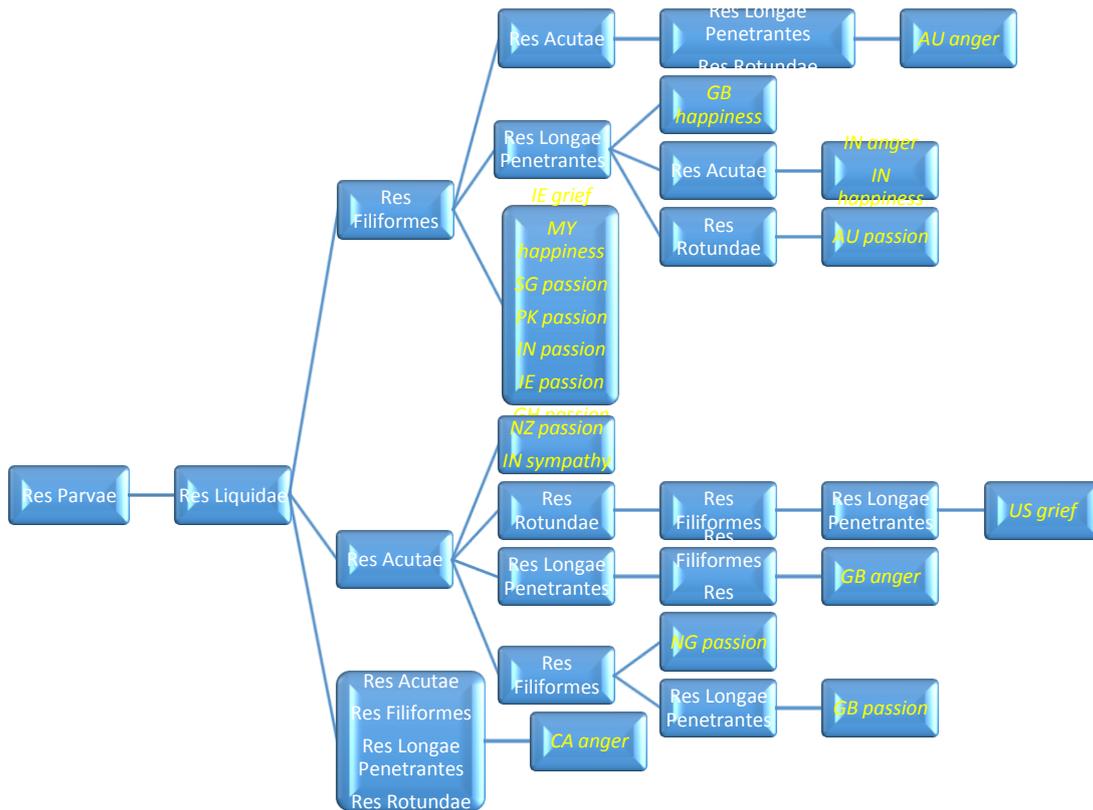

Рис.8. Таксономия с первыми членами Res Parvae – Res Liquidae (Продолжение)

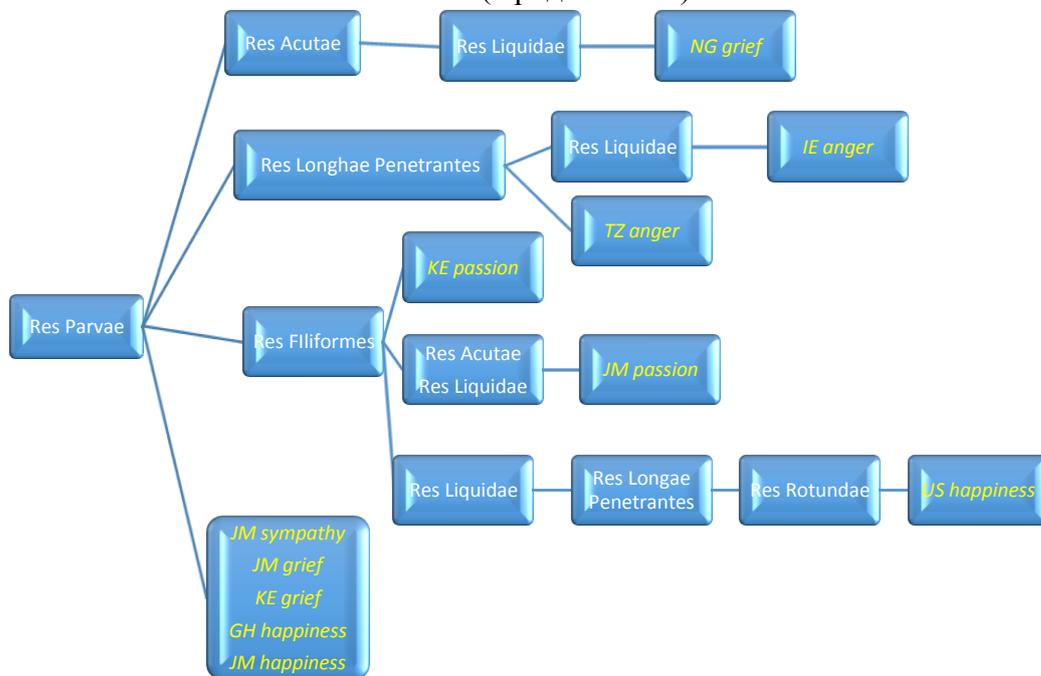

Рис.9. Таксономия с первым членом Res Parvae

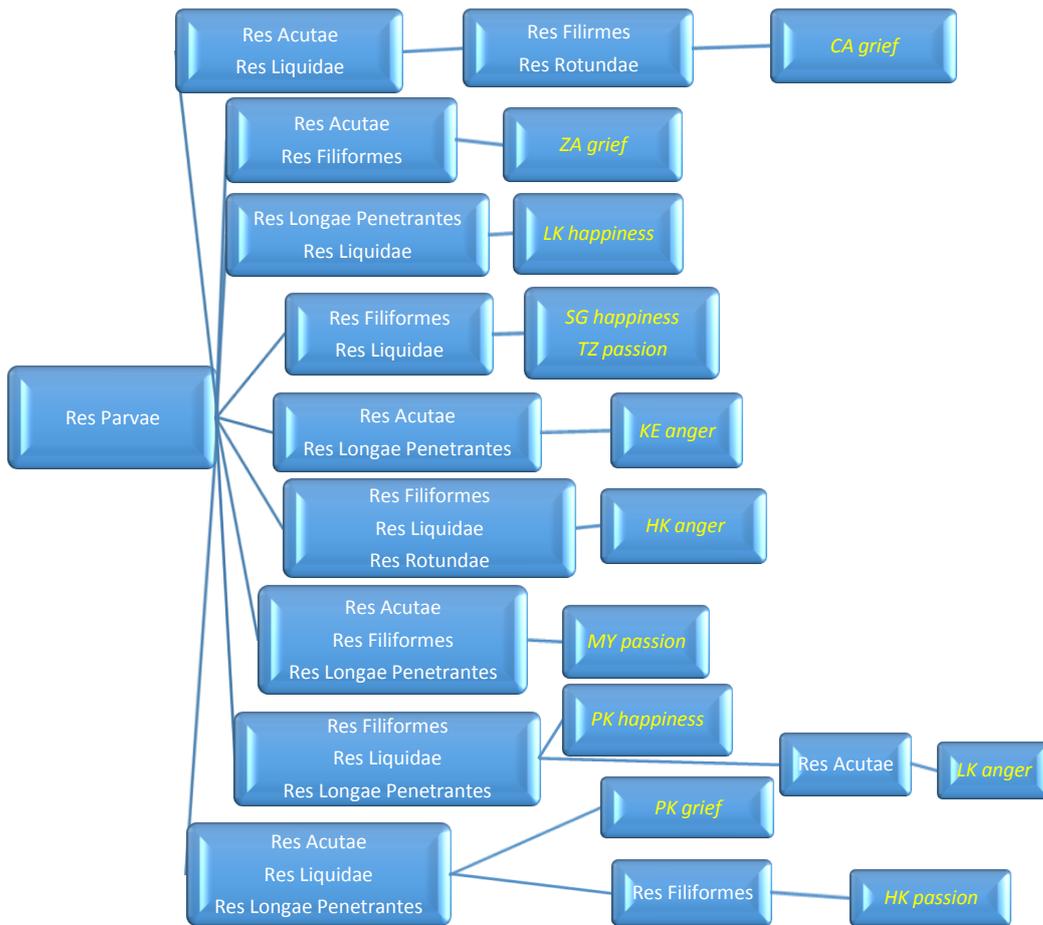

Рис.10. Таксономия с первым членом Res Parvae (продолжение)

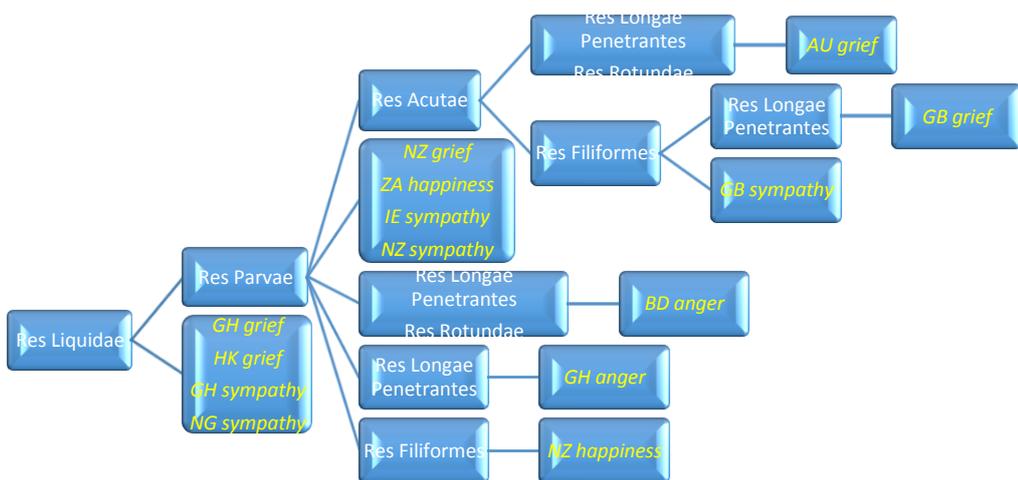

Рис.11. Таксономия с первым членом Res Liquidae

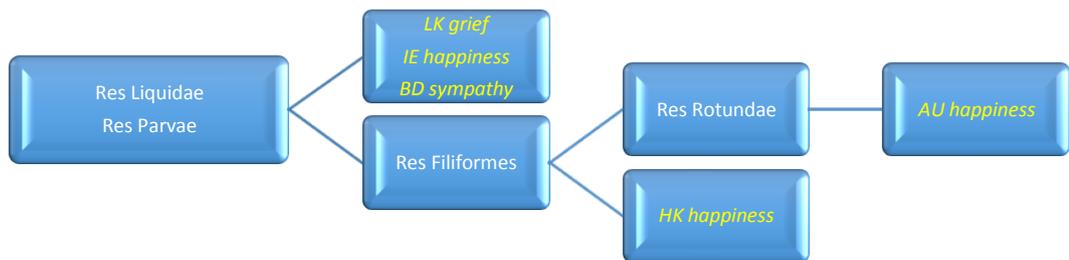

Рис.12. Таксономия с равной представленностью Res Liquidae и Res Parvae

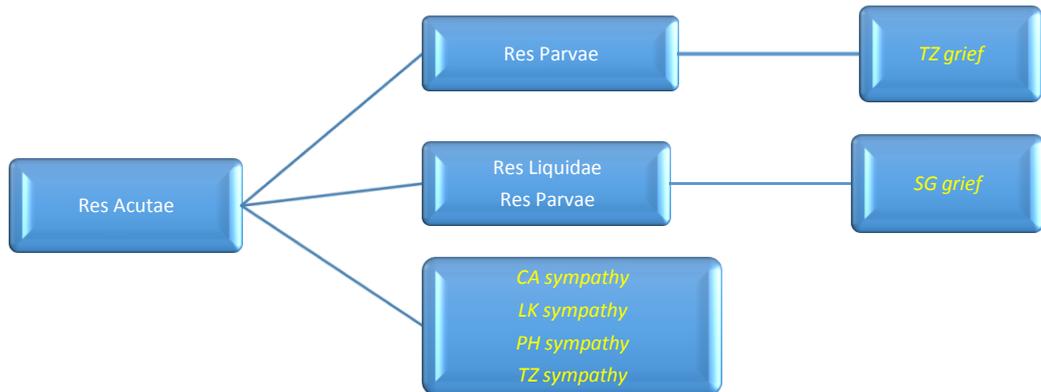

Рис.13. Таксономия с первым членом Res Acutae

Рис.14. Таксономия с первым членом Res Filiformes

Рис.15. Таксономия с равной представленностью Res Acutae и Res Parvae

Рис.16. . Таксономия с равной представленностью Res Acutae, Res Parvae и Res Rotundae

Рис.17. Таксономия с равной представленностью Res Acutae, Res Parvae и Res Liquidae

Рис.18. Таксономия с равной представленностью Res Parvae и Res Longae Penetrantes

Рис.19. Таксономия с равной представленностью Res Liquidae и Res Rotundae

Литература

1. *Борискина О.О.* Криптоклассы первостихий как элемент онтогностического описания языка // Проблемы лингвистической прогностики. Сборник научных трудов под редакцией А.А. Кретьова. Воронеж, 2000. с. 121-126.
2. *Борискина О.О.* Криптоклассные проекции мира непредметных сущностей: опыт криптоклассного анализа словосочетаемости // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 32-37.
3. *Борискина О.О.* К вопросу об «агрегатном состоянии» эмоций // Среди нехоженых путей. Сборник научных статей к юбилею А. А. Кретьова. Воронежский государственный университет; под редакцией И. А. Меркуловой, К. М. Шилихиной. Воронеж, 2012. С. 281-292.
4. *Борискина О.О.* Познание скрытой категориальности в языке: теория и методология // Когнитивные исследования языка. 2014. № 16. С. 112-120.
5. *Борискина О.О., Донина О.* Английский криптокласс «Res Longa» или и все-таки они колотся // Проблемы лексико-семантической типологии. Сборник научных трудов. Воронежский государственный университет, Факультет романо-германской филологии, Научно-методический центр по компьютерной лингвистике. Воронеж, 2011. С. 84-95.
6. *Вербицкая Л.А.* Вариантность современной произносительной нормы и культура речи // Нормы реализации. Варьирование языковых средств. Горький, 1984. С. 53-60
7. *Вишневская Г. М.* Межкультурная коммуникация, языковая вариативность и современный билингвизм // Ярославский государственный педагогический университет. Педагогический вестник. -2002. - № 1. URL: [http://www.vspu.vlg.ru/vestnik/number/ 3/](http://www.vspu.vlg.ru/vestnik/number/3/)
8. *Донина О.В.* Межъязыковая эквивалентность слов в аспекте криптоклассного анализа (на примере лексемы "выгода") // Проблемы лексико-семантической типологии Кретьов А.А. Сборник научных трудов. под редакцией А. А. Кретьова. Воронеж, 2013. С. 99-112.
9. *Донина О.В.* Место именного криптокласса "Res Acutae" в криптоклассных таксономиях английских непредметных имен // Дайджест - 2013 дипломные работы студентов факультета РГФ ВГУ. Воронежский государственный университет, Факультет романо-германской филологии; ответственный редактор: Н.А. Фененко. Воронеж, 2013. С. 43-51.
10. *Донина О.В.* Криптоклассные данные для определения меры межъязыковой эквивалентности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 108-110.
11. *Донина О.В.* Способы визуализации результатов криптоклассного исследования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 105-112.
12. *Калынь Л.Э.* Диалектологический аспект проблемы "язык - диалект" // Известия АН СССР. 1976. Т. 35. - Серия языка и литературы, № 1

13. *Климов Г.А.* Фридрих Энгельс о критериях языковой идентификации диалекта // Вопросы языкознания. 1974. - № 4
14. *Коряков Ю. Б., Майсак Т. А.* Систематика языков мира и базы данных в интернете // Труды Международного семинара «Диалог '2001» по компьютерной лингвистике и её приложениям. Том 2. М., Аксаково, 2001.
15. *Коряков Ю.Б.* Систематика языков 2006 (<http://lingvarium.org/systematics.shtml>)
16. *Леч Р.* К вопросу о соотношении категорий "язык" и "диалект" // Русское и славянское языкознание. К 70-летию чл.-корр. АН СССР Р.И. Аванесова. М., 1972
17. *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. // М., 1994. С. 94, 95
18. *Мусорин А.Ю.* Что такое отдельный язык? // Сибирский лингвистический семинар. Новосибирск, 2001, № 1. С. 12-16
19. *Прошина З.Г.* Вариантность английского языка и межкультурная коммуникация // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII, вып. 2. № 5556. М. С. 242-252
20. *Прошина З. Г., Иванкова Т. А.* World Englishes Paradigm, или Контактная вариантология английского языка // Личность. Культура. Общество. 2010. С. 173-174
21. *Прошина З. Г.* Динамика развития английского языка в его региональных вариантах // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, № 2s (18) 2012 С. 200-206
22. *Солнцев В.М.* Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопр. языкозн. 1984. № 2. С. 31-43
23. *Худяков, А.А.* Теоретическая грамматика английского языка // М.: Издательский центр «Академия», 2005.
24. *Эдельман Д.И.* Проблема "язык или диалект" при отсутствии письменности (на материале памирских языков) // Лингвистическая география, диалектология и история языка. Ереван, 1978.
25. *Эдельман Д.И.* К проблеме "язык или диалект" в условиях отсутствия письменности // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980.
26. *Boriskina O.O., Marchenko T.* An Algorithm for Analysis of Distribution of Abstract Nouns in Cryptotypes // Proceedings of the 2010 International Conference on Artificial Intelligence, ICAI 2010. 2010. С. 907-913.
27. *Sazacu B.* In jurul controveise lingvistice: limba sau dialect (Problema clasificarii idiomurilor romanice suddunerene) // Studii si cercetari lingvistice. - Bucuresti, 1959. Т. X. № 1
28. *Crystal D.* English as a Global Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
29. *Dalby D.* Linguasphere Register of the World's Languages and Speech Communities. Vol. 1. Hebron, 2000 (<http://www.linguasphere.net>)
30. *Davies, A.* Is International English an interlanguage? // TESOL Quarterly. 1989. Vol. 23, № 3. P. 447-467
31. *Davies M.* Corpus of Global Web-Based English (<http://corpus.byu.edu/glowbe/>)
32. *Graddol, D.* English Next : Why Global English May Mean the End of 'English as a Foreign Language' // British Council, 2006.
33. *Grierson G.A.* "Language" and "Dialect" // Linguistic Survey of India. V. 1. Pt. 1. Calcutta, 1927.
34. *Heger K.* "Sprache" und "Dialect" als linguistisches und soziolinguistisches Problem // Folia linguistica. The Hague, 1968.
35. *Kachru B.B.* Models for non-native Englishes // The Other Tongue. English across Cultures. Urbana & Chicago: University of Illinois Press, 1982, 1992.

36. *Kachru, B.B., Smith L.E.* Editorial // *World Englishes*. 1985. Vol. 4, № 4. P. 209-212.
37. *Kachru Y., Kachru B. B., Nelson C. L.* Speaking and writing in World Englishes // *The Handbook of World Englishes*. Oxford, U.K., Carlton, Victoria, Australia: Blackwell Publ., 2006.
38. *Kachru Y. and Smith L. E.* The Karmic cycle of world Englishes: some futuristic constructs // *World Englishes*, Vol. 28, No. 1, 2009
39. *Kachru B. B.* Standards, codification and sociolinguistic realism. The English language in the outer circle // R. Quirk and H.G.Widdowson (eds.). *English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
40. *Kachru B. B., Bolton K.* *World Englishes: Critical Concepts in Linguistics* // Vol. 3. – London and New York: Routledge, 2006.
41. *Pakir, A.* Connecting with English in the Context of Internalization // *TESOL Quarterly*. 1999. Vol. 33, № 1. P. 103-114
42. *Selinker, L.* *Interlanguage // Error Analysis: Perspectives on Second Language Acquisition*. London: Longman, 1974. P. 31-54

ГЛАГОЛЫ ПАДЕНИЯ В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ²

1. Введение

В данной работе на материале мордовских (мокшанского и эрзянского) языков описываются глаголы, покрывающие семантическое поле падения (далее – глаголы падения). К этому полю мы вслед за [12] относим лексемы, обозначающие неконтролируемое перемещение вниз без контакта с поверхностью. Например, в русском языке это такие глаголы, как *падать*, *опрокидываться*, *проваливаться*, *сыпаться*, *капать* и др. Напротив, глаголы *сползти* и *спуститься* не относятся к этому полю, так как движение, обозначаемое ими, происходит при контакте с поверхностью, а глагол *спрыгивать* не является глаголом падения, потому что обозначает контролируемое действие. В статье рассматриваются только прямые употребления глаголов падения.

В нашей работе мы опираемся на результаты предшественников, полученные в типологическом проекте по исследованию глаголов падения. Несмотря на обильный интерес лингвистов к семантическому анализу глаголов движения (см, например, [13], [7], [8], [1], [2], [14], [11], [18]) поле падения изучено пока не очень подробно, данные мордовских языков ранее также не привлекались к его анализу. Доступные на сегодня сведения о типологии этого поля содержатся в работах [3], [10], [5], [12], [9]. Данные для нашей статьи собирались посредством опроса информантов, а также путем обращения к словарям ([17], [4], [16]). Стоит оговорить, что мокшанские примеры в статье представлены в фонологической записи, а эрзянские – в литературной кириллической записи. Это объясняется тем, что мокшанские данные (центральный диалект) мы собирали в поле, вследствие чего мы имели доступ к звучащей речи. Эрзянские же данные (юго-восточный и северо-западный диалекты) собирались в письменном виде, посредством опросов в интернете. Кроме того, в связи с этим мокшанский материал в нашей статье представлен как основной, а эрзянский привлекается в качестве фона. Теоретической базой для данной работы послужил подход Московской лексико-типологической школы [15].

В своём исследовании мы опирались на список фреймов, представленный в [12: 152-153], чтобы мордовский материал был сопоставимым с данными по другим языкам проекта. Основные семантические оппозиции, релевантные для глаголов падения, следующие:

- Характеристики исходного положения субъекта (ср. падение с кронштейна, из контейнера, опрокидывание из вертикального положения и др.)
- Падение с одной поверхности на другую vs. из вертикального положения в горизонтальное
- Тип конечной точки (субстанция - конечная точка может быть твёрдой или мягкой, представлять из себя жидкость или твёрдое тело)
- Семантический класс субъекта (вес, субстанция, форма – субъект падения может быть тяжёлым или лёгким, мягким, жидким или твёрдым, иметь постоянную или изменяющуюся форму)
- Скорость падения
- Наличие / отсутствие повреждений субъекта в результате падения.

---

² Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536.

- Наличие / отсутствие звука, сопровождающего падение
- Для ситуаций падения со звуком: тип звука

2. Основные глаголы

Все рассматриваемые глаголы мы разделили на две группы в зависимости от их семантики: основные и периферийные. В первую группу входят глаголы, обозначающие собственно ситуацию падения без дополнительных её аспектов (звук, разрушение, удар и т.п.). Ко второй же группе относятся глаголы падения, смежные с другими семантическими полями (например, имеющими значения и ‘падать’, и ‘разрушиться’).

К основным мы отнесли 4 мокшанских и 3 эрзянских глагола, которые в совокупности целиком покрывают абсолютное большинство фреймов зоны падения в рассматриваемых языках. В мокшанском это глаголы *prams*, *pejer’ams*, *vel’ams* и *put’ks’ams*, а в эрзянском – *прамс*, *неверемс* и *кольгемс*. Рассмотрим их по отдельности.

2.1. *prams* – прамс

Мокшанский глагол *prams* употребляется при описании большинства ситуаций падения и имеет наиболее широкую семантику среди рассматриваемых нами глаголов. Он описывает падение одиночных и множественных субъектов с другой поверхности, из контейнера или с кронштейна. Этот глагол может употребляться с любой конечной точкой падения, будь то вода, пол, земля, подушка, снег, руки человека, сумка или что-либо ещё. Некоторые примеры его употребления представлены ниже:

- (1) mon’ pil’k-stə-n pra-s’ bot’inkə-z’ə
я.OBL нога-EL-1SG.POSS падать-PST.3SG ботинок-1SG.POSS.SG
‘У меня с ноги упал ботинок’.
- (2) traks-s’ gur’ksc’ i pra-s’
корова-DEF.SG поскользнуться.PST.3SG и падать-PST.3SG
vet’-t’i
вода-DEF.SG.DAT
‘Корова поскользнулась и упала в воду’.
- (3) parmən’ε-s’ pra-s’ pižə-t’ ezdə
птица.DIM-DEF.SG падать-PST.3SG гнездо-DEF.SG.GEN в.ABL
‘Птенец выпал из гнезда’.
- (4) maša-n’ pra-s’ pej-əc
Маша-GEN.SG падать-PST.3SG зуб-3SG.POSS.SG
‘У Маши выпал зуб’.

Стоит отметить, что при описании зубов или волос в примерах типа (4) глагол *prams* претерпевает некоторый семантический сдвиг, описывая уже не собственно падение, а фокусируясь скорее на ситуации отделения субъекта от плотной среды, в которой тот находился исходно. Однако типологически в этих контекстах частотны именно глаголы падения, поэтому они включены в общую структуру фреймов в [12]. Наш материал полностью укладывается в эту закономерность.

Также лексема *prams* употребляется, когда речь идёт о выпадении осадков (5). Однако при описании падения сыпучих веществ или жидкостей (6) этот глагол не используется, для этого выбирается глагол *pejer’ams*, который мы рассмотрим далее.

- (5) pra-s’ lov-s’
падать-PST.3SG снег-DEF.SG
‘Выпал снег’.
- (6) *počf-s’ pra-s’
мука-DEF.SG падать-PST.3SG

‘Мука просыпалась’.

Некоторые информанты также запрещают употребление глагола *prams* в ситуации падения из вертикального положения в горизонтальное, как в (8), ср. пример (7), где для того же субъекта глагол *prams* свободно используется в случае падения с одной поверхности на другую. Для этого в мокшанском языке используется в первую очередь глагол *vel'ams*, о котором см. раздел 2.4.

- (7) butilka-s'   pra-s'   mastər-u
 бутылка-DEF.SG   падать-PST.3SG   пол-LAT
 ‘Бутылка упала на пол (со стола)’.
- (8) butilka-s'   vel'ε-s'   /   ?pra-s'   morkš
 бутылка-DEF.SG опрокидываться-PST.3SG   падать-PST.3SG   стол
 lank-s
 на-ILL
 ‘Бутылка опрокинулась на стол (с того же стола)’.

Эрзянский глагол *prams* свободно употребляется в тех же контекстах, что и его мокшанский когнат. Никаких различий в их употреблении нам выявить не удалось. Некоторые примеры представлены в (9) – (12).

- (9) Нармуне-сь   пра-сь   писмаро-нь   кудо-сто
 птица.dim-def.sg   падать-pst.3sg   скворец-gen   дом-el
 ‘Птенец выпал из скворечника’.
- (10) Исяк   Витя   нолашт-сь   ды   пра-сь
 вчера   Витя   поскользнуться- pst.3sg   и   падать-pst.3sg
 ‘Вчера Витя поскользнулся и упал’.
- (11) Кудо-сь   кирвай-сь   ды   пра-сь
 дом-DEF.SG   загореться- PST.3SG   и   падать-PST.3SG
 ‘Дом загорелся и рухнул’.
- (12) Коля-нь   пра-сть   весе   чер-ензэ
 Коля-GEN   падать-PST.3PL   все   волос-3SG.POSS.PL
 ‘У Коли выпали все волосы.’

2.2. *pejer'əms* - *певеремс*

Мокшанский глагол *pejer'əms* описывает падение сыпучих веществ (песок, мука, снег и т.п.) и жидкостей (струей или потоком, в русском языке это соответствует глаголу *литься*). Тем самым, в мокшанском языке классы жидкостей и сыпучих веществ лексически объединены в зоне падения.

- (13) vec'   pejer'-i   kran-t'   ezdə
 вода.DEF.SG   сыпаться-NPST.3SG   кран-DEF.GEN.SG   в.abl
 ‘Вода льётся из крана’.
- (14) роѳ-s'   pejer'-s'   mastər-t'   lank-s
 мука-DEF.SG   сыпаться-PST.3SG   пол-DEF.GEN.SG   на-ILL
 ‘Мука высыпалась на пол’.
- (15) lov-s'   pejer'-i   šuft-n'ə-n'   lank-stə
 снег-DEF.SG   сыпаться-NPST.3SG   дерево-DEF.PL-GEN   на-EL
 ‘Снег сыпется с деревьев’.

Однако в ситуации выпадения снега как осадков употребляется только глагол *prams*.

- (16) pra-s'   /   *pejer'-s'   lov-s'
 падать-PST.3SG   сыпаться-PST.3SG   снег-DEF.SG

‘Выпал снег’.

В эрзянском языке, в отличие от мокшанского, лексические классы жидкостей и сыпучих веществ разграничены в зоне падения. Падение воды обозначается глаголом *чудомс* (17)³, а глагол *певеремс*, когнат мокшанского *pejer’əms*, описывает падение сыпучих веществ и множественных субъектов.

- (17) Веде-сь чуд-и /* певер-и ведро-с.
 вода-DEF.SG литься-NPST.3SG сыпаться-NPST.3SG ведро-ILL
 ‘Вода льётся в ведро’.
- (18) Паша пра-вт-ызе ведры-не-нь, ды кстый-тне
 Паша падать-CAUS-PST.3SG.S.3SG.O ведро-DIM-GEN и ягоды-DEF.PL
 певер-сть.
 сыпаться-PST.3PL
 ‘Паша уронил ведро, и ягоды рассыпались’

Кроме того, в мокшанском языке глагол *pejer’əms* распространяется и на такой класс субъектов, как ткани и одежда. Этот глагол применяется к таким предметам, как штаны, юбки, шторы, рукава, носки. Глагол *prams* тоже свободно употребляется в этом контексте.

- (19) pet’ε-n’ pejer’-s’t’ / pra-s’t’ štana-nzə
 Петя-GEN сыпаться-PST.3PL падать-PST.3PL штаны-3SG.POSS.PL
 ‘С Пети упали штаны’.
- (20) naveskə-t’nə pejer’-s’t’ / pra-s’t’ val’mə-stə
 занавеска-DEF.PL сыпаться-PST.3PL падать-PST.3PL окно-EL
 ‘Занавески упали с окна’.
- (21) maša-n’ pejer’-s’ /pra-s’ jubka-s’
 Маша-GEN сыпаться-PST.3SG падать-PST.3SG юбка-DEF.SG
 С Маши упала юбка’.

Помимо вышеуказанных контекстов, глагол *pejer’əms* описывает и падение множественных субъектов, проявляя в таких случаях очень широкую сочетаемость. Так, его субъектами могут быть яблоки (23), грибы (24), картофель, листья (25) и даже люди. Глагол *prams* в этих ситуациях тоже применим. Глагол *pejer’əms*, в свою очередь, специализируется на описании множественных субъектов (а также жидкостей и сыпучих веществ) и не может сочетаться с единичным субъектом (22).

- (22) marl’u-t’ ezdə pra-s’ / *pejer’-s’
 яблоня-DEF.SG.GEN в.abl падать-PST.3SG сыпаться-PST.3SG
 mar’-s’
 яблоко-DEF.SG
 ‘С яблони упало яблоко’.
- (23) marl’u-t’ ezdə pra-s’ / pejer’-s’
 яблоня-DEF.SG.GEN в.abl падать-PST.3SG сыпаться-PST.3SG
 lamə mar’
 много яблоко
 ‘С яблони упало много яблок’.

³ Стоит оговорить, что данный глагол имеет более широкую семантику движения жидкостей и обозначает «течь». В мокшанском языке с тем же значением имеется его когнат *šud’əms*.

(24) karz'ina-t'   ezdə   pejer'-s'   lamə   griba
корзина-DEF.SG.GEN   в.abl   сыпаться-PST.3SG   много   гриб
‘Из корзины выпало много грибов’.

(25) šuft-t'   ezdə   pejer'-s't'   lopa-t'n'ə
дерево-DEF.SG.GEN   в.abl   сыпаться-PST.3PL   лист-DEF.PL
‘С дерева опали листья’.

Кроме того, глагол *pejer'əms* обозначает выпадение волос и зубов в большом количестве.

(26) paša-n'   pejer'-s't'   s'embə   šejər'-ənzə
Паша-GEN.SG   сыпаться-PST.3PL   весь   волос-3SG.POSS.PL
‘У Паши выпали все волосы’.

(27) al'ε-t'   pejer'-s't'   s'embə   rej-ənzə
мужчина-DEF.SG.GEN   сыпаться-PST.3PL   весь   зуб-3SG.POSS.PL
‘У мужчины выпали все зубы’.

Глагол *pejer'əms* может употребляться в ситуации рефлексивного падения (в терминологии [12] – падение, при котором части субъекта перемещаются друг относительно друга), как природных объектов, так и созданных человеком. В этом случае он конкретизирует способ разрушения и падения, а именно – осыпание:

(28) kuc'   kərves'-s'   i   pejer'-s'
дом-DEF.SG   загореться-PST.3SG   и   сыпаться-PST.3SG
‘Дом загорелся и осыпался’.

(29) doska-t'n'ə   naksadə-t   i   mastər-s'   pejer'-s'
доска-DEF.PL   гнилой-PL   и   пол-DEF.SG   сыпаться-PST.3SG
‘Доски гнилые, и пол осыпался’.

(30) ber'əg-s'   pejer'-s'   vet'-t'i
берег-DEF.SG   сыпаться-PST.3SG   вода-DEF.SG.DAT
‘Берег осыпался в воду’.

2.3. *put'ks'əms* - *кольгемс*

Глагол *put'ks'əms* (однокоренной с *put'kə* ‘капля’), как и глагол *pejer'əms*, характеризует падение жидкостей. Однако он имеет более узкую сферу употребления и обозначает исключительно падение воды квантами, то есть капание (31). Падение сыпучих веществ (32) и множественных субъектов глаголом *put'ks'əms* не описывается.

(31) vec'   put'ks'ə-s'   kran-t'   ezdə
вода-DEF.SG   капать-PST.3SG   кран-DEF.SG.GEN   в.ABL
‘Вода капала из крана’.

(32) *počf-s'   put'ks'ə-s'   mešok-t'   ezdə
мука-DEF.SG   капать-PST.3SG   мешок-DEF.SG.GEN   в.abl
‘Мука высыпалась из мешка’.

В эрзянском языке в вышеуказанных контекстах употребляется лексема *кольгемс*:

(33) Кудопря-сто   кольг-и   ведь
крыша-EL   капать-NPST.3SG   вода
‘С крыши дома капает вода’.

2.4. *vel'ams* - *сяворемс*

Глагол *vel'ams* обозначает в мокшанском языке падение предмета из вертикального положения. Субъектом такого падения является вертикально стоящий предмет, который в результате падения переходит в горизонтальное положение,

опрокидывается⁴. Типичные примеры субъекта такого падения: спиленное дерево, бутылка, столб.

- (34) *šuft-t'*   *pił'ənd-əz'*   *i*   *son*
 дерево-DEF.SG.GEN   пилить-PST-3.0.3.S.PL.S   и   он
vel'ε-s'   /[?]*pra-s'*
 опрокидываться-PST.3SG   падать-PST.3SG
 'Дерево спилили, и оно упало'.
- (35) *butilka-s'*   *vel'ε-s'*   /   [?]*pra-s'*   *morkš*
 бутылка-DEF.SG   опрокидываться-PST.3SG   падать-PST.3SG   стол
lank-s
 на-ILL
 'Бутылка опрокинулась на стол'.
- (36) *ki-s'*   *gur'kst-əl'*   *i*   *krandaz-s'*
 дорога-DEF.SG.GEN   скользить-PQP   и   телега-DEF.SG
vel'ε-s'   *kuvet-t'i*
 опрокидываться-PST.3SG   кювет-DEF.SG.DAT
 'Дорога была скользкой, и телега опрокинулась в кювет'.
- (37) *mešok-s'*   *vele-s'*   *i*   *počf-s'*
 мешок-DEF.SG   опрокидываться-PST.3SG   и   мука-DEF.SG
pejeɣ-s'   *mastər-u*
 сыпаться-PST.3SG   пол-LAT
 'Мешок опрокинулся, и мука высыпалась на пол'.
- (38) *taz-nε-s'*   *vele-s'*   *i*   *vec'*
 таз-DIM-DEF.SG   опрокинуться-PST.3SG   и   вода-DEF.SG
pejeɣ'-s'   *moda-t'i*
 сыпаться-PST.3SG   земля-DEF.SG.DAT
 'Тазик опрокинулся, и вода вылилась на пол'.
- (39) *parahot-s'*   *vel'ε-s'*   *i*   *vaja-s'*
 парашод-DEF.SG   опрокинуться-PST.3SG   и   тонуть-PST.3SG
lamə loman'
 много человек
 'Пароход перевернулся, и много людей утонуло'.

В примерах типа (34) – (39) некоторые информанты разрешают и употребление глагола *prams*, некоторые же допускают только *vel'ams*.

Также мокшанский глагол *vel'ams* обозначает рефлексивное падение, но дополнительной идеей смены позиции субъекта с вертикальной на горизонтальную, например:

- (40) *doska-t'n'ə*   *naksadə-t*   *i*   *kuc'*   *vel'ε-s'*
 доска-DEF.PL   гнилой-PL   и   дом-DEF.SG   опрокинуться-PST.3SG
 'Доски гнилые, и дом завалился на бок'.

Важно, что во всех перечисленных выше контекстах субъект должен быть неодушевлённым. К одушевлённому субъекту глагол *vel'ams* тоже применим, но тогда он уже не описывает падения. В данном контексте эта лексема приобретает семантику

⁴ Условно мы глоссирем глагол *vel'ams* как 'опрокидываться', используя в этом случае соответствующую русскую лексему в качестве метаязыкового ярлыка. Реально семантика русского глагола *опрокидываться* более сложна и требует отдельного исследования.

Оговоримся, что в настоящей статье речь пойдет только о наиболее употребимых периферийных глаголах. Для мордовских языков это глаголы, описывающие в своём основном значении другие виды движения, и глаголы разрушения. В рассматриваемых языках для описания ситуации падения также используются глаголы, относящиеся к семантическому полю удара, а также глаголы, образованные от идеофонов. Однако такие глаголы имеют более узкую семантику и употребляются достаточно редко, в нашей статье они не рассматриваются.

3.1. *vajams* – *ваямс*

Пересечение поля падения и других подклассов поля *движения* представлено мокшанским глаголом *vajams* ‘тонуть’ и его эрзянским когнатом *ваямс* ‘тонуть’, которые могут употребляться в значении ‘проваливаться’. Отметим, что это значение в словарях не указывается [17: 101], [16: 115].

В мокшанском этот предикат описывает ситуацию проваливания сквозь горизонтальную поверхность (46) или в слой (47), а также проваливание самой горизонтальной поверхности (48).

(47) *naksadə*   *doska-t'n'ə*   *s'in'd'-əv-s't'*   *i*   *pin'ə-s'*
гнилой   доска-DEF.PL   сломать-PASS-PST.3PL   и   собака-DEF.SG
vaja-s'   *sed'al-u*
тонуть-PST.3SG   подпол-LAT

‘Гнилые доски сломались, и собака провалилась в подпол’.

(48) *paša* *jota-s'*   *kolmə as'kəłks-t i* *vaja-s'*   *lov-t'i*
Паша пройти-PST.3SG   три шаг-PL и тонуть-PST.3SG   снег-DEF.SG.DAT
‘Паша сделал три шага и провалился в снег’.

(49) *naksadə*   *doska-t'n'ə*   *s'in'd'-əv-s't'*   *i*   *mastər-s'*
гнилой   доска-DEF.PL   сломать-PASS-PST.3PL   и   пол-DEF.SG
vaja-s'
тонуть-PST.3SG

‘Гнилые доски сломались, и пол провалился’.

Еще один контекст употребления глагола *vajams* – это ситуация падения в отверстие:

(50) *jarmak-s'*   *vaja-s'*   *var'ε-t'i*
монета-DEF.SG   тонуть-PST.3SG   дыра-DEF.SG.DAT
‘Монетка провалилась в дырку’.

Наконец, *vajams* может описывать рефлексивное падение, то есть падение в случае, когда части объекта движутся относительно друг друга.

(51) *kuc'*   *pal-s'*   *i*   *vaja-s'*
дом.DEF.SG   загореться-PST.3SG   и   тонуть-PST.3SG
‘Дом загорелся и обвалился’.

Эрзянский глагол *ваямс* также употребляется во всех перечисленных выше контекстах.

(52) Ки-сь   уль-не-сь   пек   нолажа,
путь-DEF.SG   быть-IPFV-PST.3SG   очень   скользкий
пурда-м-сто   ридван-ось   вая-сь   канава-с
поворачивать-INF-EL   телега-DEF.SG   тонуть-PST.3SG   канава-ILL

‘Дорога оказалась очень скользкая, и на повороте телега провалилась в канаву’.

(53) Паша   вая-сь   лов   пот-с   пеке-ва

Паша тонуть-PST.3SG снег внутри-ILL живот-PROL
 'Паша провалился в снег по пояс'.

3.2. *sradəms* – лондадомс

Еще одно семантическое поле, смежное с падением, – поле разрушения, представленное в мокшанском языке глаголом *sradəms*. Согласно этимологической базе данных Starling [6], этимологически исходное значение этого глагола – 'разбиться, разрушиться, сломаться'. Многие метафоры этого глагола, отмеченные в [Серебренников 1998: 659], тоже явным образом связаны с идеей разделения целого объекта на части, ср. 'разойтись' (гости разошлись по домам); 'распространиться' (распространился слух); 'раздаться' – о звуке; 'свисать' и др.

Семантической доминантой этого глагола выступает, тем самым, идея разрушения, но в то же время он используется и в некоторых ситуациях падения. К таким ситуациям относится рефлексивное падение:

(54) *kuc*^ʔ *kərvəs*^{ʔ-s} *i* *srac*^ʔ
 дом.DEF.SG загореться-PST.3SG и разрушиться.PST.3SG
 'Дом загорелся и рухнул'.

Sradəms также может характеризовать положение стативных объектов, описывая, например, волосы, когда они спадают на лоб или на плечи (54). Это значение можно объяснить сходством статичного положения описываемого предмета с некоторым движением (ср. *спадать* в русском). В то же время, оно может быть мотивирован и исходной семантикой разделения на части, вызывающей сдвиг в семантику распределения субъекта в пространстве (ср. отмеченное и у *sradəms* метафорическое значение 'свисать').

(55) *st*^ʔ*ər*^ʔ-*n*^ʔ*ε*-*t*^ʔ *šejer*^ʔ-*ənzə* *srad*-*ijt*^ʔ
 девушка-DIM-DEF.SG.GEN волос-3SG.POSS.PL разрушиться-NPST.3PL
laftu-*nzə*-*n* *lank*-*s*
 плечо-3SG.POSS.PL-GEN на-ILL
 'Волосы девушки спадают на плечи'.

Смежность семантических зон падения и разрушения проявляется не только в полисемии этого глагола, но и в его конструкционных свойствах. В каждом из своих значений *sradəms* имеет соответствующий набор участников. В значении разрушения глагол кодирует Субъект и Результат (55), что характерно для других глаголов разрушения, не пересекающихся с зоной удара, например, для *kaladəms* 'разрушиться, развалиться' (56). В значении падения *sradəms* может кодировать Субъект и Конечную точку (57) и в этом отношении ведет себя как прототипические глаголы падения, например, *prams* 'упасть' (58). Как видно из приведенных примеров, прототипические глаголы разрушения не допускают наличия Конечной точки, а при прототипических глаголах падения не может быть выражен участник с ролью Результата.

(56) *s*^ʔ*εc*^ʔ *srac*^ʔ *jomla* *kusok*-*ən*^ʔ*ε*-*n*^ʔ
 мост.DEF.SG разрушиться.PST.3SG маленький кусок-DIM-GEN
 'Мост развалился на мелкие кусочки'.

(57) *s*^ʔ*εc*^ʔ *kalac*^ʔ *jomla* *kusok*-*ən*^ʔ*ε*-*n*^ʔ
 мост.DEF.SG разрушиться.PST.3SG маленький кусок-DIM-GEN
 *l^ʔ*εj*-*t*^ʔ*i*
 река-DEF.SG.DAT
 'Мост развалился на мелкие кусочки *в реку'.

- (58) s'ec' srac' l'ej-t'i
 мост.DEF.SG разрушиться.PST.3SG река-DEF.SG.DAT
 'Мост рухнул в реку'.
- (59) s'ec' pra-s' l'ej-t'i *jomla
 мост.DEF.SG упасть.PST.3SG река-DEF.SG.DAT маленький
 kusok-ən'ε-n'
 кусок-DIM-GEN
 'Мост упал в реку *на мелкие кусочки'.

Однако глагол *sradəms* помимо типичных для глаголов разрушения и падения конструкций допускает также контаминированные конструкции с обоими типами участников.

- (60) s'ec' srac' l'ej-t'i
 мост.DEF.SG разрушиться.PST.3SG река-DEF.SG.DAT
 jomla kusok-ən'ε-n'
 маленький кусок-DIM-GEN
 'Мост рухнул в реку на мелкие кусочки'.
- (61) *s'ec' pra-s' / kalac' l'ej-t'i
 мост.DEF.SG упасть-PST.3SG разрушиться-PST.3SG река-DEF.SG.DAT
 jomla kusok-ən'ε-n'
 маленький кусок-DIM-GEN
 'Мост упал / разрушился в реку на мелкие кусочки'.

Существует также эрзянский глагол *sradomc*, однако он не развил значение падения с разрушением и, исходя из данных [16: 610] употребляется только в значении 'расходиться, распространяться, рассеиваться, раздаваться'.

Для описания перечисленных выше ситуаций в эрзянском языке используется глагол *лондадомc* 'обвалиться, рухнуть, развалиться'.

- (62) Куд-ось кирвай-сь ды лондад-сь
 дом-DEF.SG загореться-PST.3SG и обвалиться-PST.3SG
 'Дом загорелся и рухнул'.
- (63) Тува юта-м-с а эряв-и:
 там ходить-INF-ILL NEG быть.нужным-NPST.3SG
 чадывед-ен-ть мейле лейчире-сь пра-сь
 паводок-GEN-DEF.SG.OBL после берег.реки-DEF.SG упасть-PST.3SG
 ды ней тува ки-сь арась
 и теперь там путь-DEF.SG NEG.EX
 'Там идти нельзя: после паводка берег обвалился, и теперь дороги там нет'.

Однако, в отличие от мокшанского *sradəms*, *лондадомc* не описывает ситуацию разрушения без падения, значение падения для него является центральным. Поэтому для эрзянского этот глагол фактически можно отнести к основным.

4. Заключение

Итак, мордовские языки – языки с богатой системой глаголов падения. Все семантическое поле покрывается четырьмя основными глаголами – мокш. *prams* / эрз. *прамс*, мокш. *рејер'əms* / эрз. *неверемс*, мокш. *вел'əms* / эрз. *сјворемс* и мокш. *пут'кs'əms* / эрз. *кольгемс*, из которых первый является доминантным, то есть употребляется в большинстве контекстов. Его прототипом является падение субъекта с одной поверхности на другую, расположенную ниже.

Ситуацию падения также можно выразить с помощью некоторых периферийных глаголов, которые в своих основных значениях относятся к другим семантическим полям, а значение падения является для них вторичным. Некоторые фреймы падения могут покрываться глаголами, описывающими исходно другой вид движения (мокш. *vajams* / эрз. *ваямс* ‘утонуть’), глаголами разрушения (мокш. *sradams* ‘разрушиться; упасть’), а также глаголами других семантических зон, которые в настоящей статье мы не рассматриваем, например, зоны удара и звука.

Когнитивная смежность зоны падения с другими семантическими зонами может проявляться не только в комбинации соответствующих лексических значений, но и в конструкционном варьировании и в системе метафор. Например, глагол *sradams* может описывать как разрушение предмета (исконное значение), так и падение в результате разрушения. Соответственно, глагол может кодировать Результат, то есть вести себя как глагол разрушения, или же Конечную точку, то есть вести себя как глагол падения. И кроме того, при этом глаголе возможны контаминированные конструкции с обоими типами участников, что недопустимо при прототипических глаголах падения и разрушения. Переносные же употребления этого глагола заключают в себе идею разделения объекта, ср. ‘разойтись’ (о людях), ‘распространиться’ (о звуке).

Для выбора лексемы в мокшанском и эрзянском релевантны следующие семантические противопоставления. Во-первых, для некоторых предикатов имеет значение характеристика исходного положения субъекта. Так, мокшанский глагол *vel'ams* и эрзянский глагол *своремс* описывают опрокидывание из вертикального положения.

Во-вторых, выбор глагола может зависеть от типа конечной точки. Например, мокш. *vajams* / эрз. *ваямс* употребляется в случае проваливания сквозь горизонтальную поверхность или в слой.

Наконец, важным фактором является семантический класс субъекта. Например, для мокш. *режер'эмс* / эрз. *неверемс* важным критерием является структура субъекта: оба предиката описывают падение сыпучих веществ, мокшанский когнат описывает также падение жидкости. Такая полисемия типична для уральских языков, см. [9]. Особым фреймом, описываемым этой же лексемой, является падение других типов множественных субъектов: *режер'эмс* / *неверемс* употребляются для обозначения падения листьев, яблок, волос, зубов, людей из опрокинувшегося корабля и т.д. Для жидкостей, падающих каплями, также существуют специальные предикаты мокш. *пут'кс'эмс* / эрз. *кольгемс*.

Отдельно нужно отметить ситуацию, когда глаголы падения употребляются с одушевленным субъектом. При некоторых глаголах в этом случае наблюдается сдвиг в сторону агентивности. Так, при мокшанском глаголе *vel'ams* и эрзянском глаголе *своремс* появляется интерпретация действия как контролируемого (‘прилечь куда-л.'). Разница между мокшанским и эрзянским заключается в том, что для мокшанского в случае одушевленного субъекта такое агентивное значение становится единственно возможным, а эрзянский допускает также интерпретацию действия как неконтролируемого, то есть и в этом случае может описывать ситуацию падения.

Мокшанский и эрзянский являются близкородственными языками. Несмотря на это, системы глаголов падения в этих языках имеют ряд различий. Во-первых, некоторые предикаты, используемые при описании ситуации падения в одном языке, не имеют когнатов в другом (ср. мокш. *пут'кс'эмс* / эрз. *кольгемс* ‘капать’, мокш. *sradams* / эрз. *лондадомс* ‘рухнуть, обвалиться’).

Во-вторых, некоторые когнаты в мокшанском и эрзянском могут иметь некоторые различия в значении. Так, эрзянский глагол *неверемс* имеет более узкую семантику по сравнению с мокшанским глаголом *pejer'ams*: первый описывает падение сыпучих веществ, жидкостей и множественного субъекта, тогда как второй помимо этих значений может использоваться в случае падения жидкостей.

Другим показательным примером являются глаголы *vel'ams* / *велямс*: мокшанский глагол описывает ситуацию опрокидывания субъекта, тогда как эрзянский когнат является глаголом вращения, а не падения. Можно предположить, что значение, наблюдаемое в эрзянском языке, является исходным, в мокшанском же предикат подвергся семантическому сдвигу. Похожая ситуация наблюдается с глаголами *sradams* / *срадомс*, также имеющими некоторые различия в семантике: мокшанский глагол может описывать падение с разрушением, тогда как эрзянский глагол такое значение не развил.

5. Список глосс

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо, ABL – аблатив, CAUS – каузатив, DAT – датив, DEF – определенное склонение, DIM – диминутив, EL – элатив, GEN – генитив, ILL – иллатив, IN – инессив, INF – инфинитив, IPFV – имперфектив, NEG – отрицание, NEG.EX – отсутствие, NPST – непрошедшее время, O – объект, OBL – косвенная основа, PASS – пассив, PL – множественное число, POSS – посессив, PROL – пролатив; PST – прошедшее время, S – субъект, SG – единственное число.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fillmore, Charles (1983) How to know whether you're coming or going. In G. Rauh [Ed.], *Essays on Deixis*. Tubigen: Narr, pp. 219-227.
2. Atkins S., Fillmore C. Describing polysemy: the case of crawl // *Polysemy: Linguistic and Computational Approaches*. – 2000. – С. 91-110.
3. Mustakimova E. Verbs of falling: Lexico-Typological Perspective // *Итоговая работа по курсу Methods in Data Collection and Analysis* – М.: НИУ ВШЭ, 2014.
4. Paasonen H. *Mordwinisches Wörterbuch, I-IV*, Helsinki, 1990-1996.
5. Rakhilina E. Semantic / lexical typology: verbs of falling and beyond. Talk at the seminar “Verbs, verb phrases and verbal categories”. Jerusalem, 2015.
6. Starling – Этимологическая база данных, составленная С. А. Старостиным. Электронный ресурс: www.starling.rinet.ru.
7. Talmy L. Semantics and syntax of motion // *Syntax and semantics*. – 1975. – Т. 4. – №. 181-238.
8. Talmy L. *Toward a cognitive semantics. Volume 1: Concept structuring systems. Volume 2: Typology and process in concept structuring*. – 2000.
9. Е. В. Кашкин, Д. О. Жорник, А. Н. Закирова, А. Д. Кожемякина, П. С. Плешак. К лексической типологии глаголов падения: данные уральских языков // *Доклад на XII Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (ИЛИ РАН, СПб, 19-21 ноября 2015 г.)*, 2015.
10. Кашкин Е.В., Плешак П.С. Идеофонические глаголы падения: семантическое наблюдения и перспективы типологии (корпусное исследование) // *Вестник Воронежского государственного университета, серия «Лингвистика и межкультурные коммуникации»*, №3, 2015. С. 137-142.
11. Круглякова В. А. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе // *Дисс... канд. филол. наук. РГТУ, М.* – 2010.

12. Кузьменко Е. А., Мустакимова Э. Г. Глаголы падения в типологической перспективе // доклад на конференции "GENSLING"(МГГУ, Москва, 14-16 октября 2015 г.), 2015.
13. Кузнецова А.И. Смысловые отношения и их исторические изменения в лексико-семантической группе глаголов движения русского языка (с XI по XX в.) Дисс ... к.ф.н. М.: МГУ, 1963.
14. Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. — М.: Языки славянских культур, 2005
15. Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии. Вопросы языкознания, №2, 2013. С. 3-31.
16. Серебренников Б. А., Бузакова Р. Н., Мосин М. В. Эрзянско-русский словарь: Ок. 27 000 слов. — М.: Рус. яз., Дигора, 1993.
17. Мокшень-рузонь валкс = Мокшанско-русский словарь (под ред. Б.А. Серебренникова) – М. : Рус. яз. : Дигора, 1998.
18. Шапиро М. М. Семантика глаголов колебательного движения в финском языке //Лингвистический беспредел — 2: Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой / Сост.: Т. Б. Агранат, О. А. Казакевич, Е. В. Кашкин. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. С. 401-415.

«ШКУРНЫЙ ВОПРОС»: НАЗВАНИЯ ОБОЛОЧЕК ПРЕДМЕТОВ (КОЖА, ШКУРА, СКОРЛУПА...) В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Настоящее исследование выполнено в рамках фреймового подхода к лексической типологии, который развивается в работах Московской лексико-типологической группы (MLexT, см. Рахилина, Резникова 2013). Объектом анализа стали различные варианты названий оболочек для разного рода объектов как живой, так и неживой природы. Исследование проводилось на базе 28 языков (русского, украинского, белорусского, чешского, польского, латышского, литовского, итальянского, испанского, французского, английского, немецкого, норвежского, армянского, турецкого, шугнанского⁵, азербайджанского, тувинского, башкирского, чувашского, якутского, узбекского, монгольского, бурятского, калмыцкого, эстонского и грузинского).

Работа включала в себя несколько этапов. Прежде всего, был проведен анализ словарей и корпусных данных для русского языка, в результате чего слова предварительно удалось разделить на классы. Основываясь на этой семантической классификации, мы составили анкеты на русском и английском языках, в которых информантам было предложено заполнить пропуски во фразах наиболее подходящим, на их взгляд, словом на родном языке. Например, носители пытались вставить наиболее подходящее название на месте пропусков в таких фразах, как «Я наступил на _____ банана и поскользнулся», «Ветеринар не мог проколоть _____ слона, чтобы ввести вакцину».

Сравнительный анализ полученных результатов из заполненных анкет позволил выделить и уточнить фреймы, т.е. типичные ситуации, которые могут лексически противопоставляться в том или ином языке. После того, как все фреймы были выделены, информантам заданы необходимые дополнительные вопросы и вычеркнуты «лишние» слова, были составлены семантические карты, на которых отмечены фреймы и слова, которые их покрывают. Под «лишними» словами мы подразумеваем те, которые были ошибочно вставлены информантами из-за неверного толкования ими предложения. Прежде всего речь идет о словах, не относящихся к оболочкам предметов. Варианты ответов, предложенные информантами, прошли верификацию с помощью словарей или корпусных данных для этих языков. Это также позволило дополнить ответы информантов и включить неучтенные варианты названий оболочек для некоторых фреймов.

К фреймам, релевантным для исследуемого поля, мы отнесли фрукты и овощи (арбуз, апельсин, банан, слива, огурец, картофель, лук и т.д.), продукты (запеченное мясо, хлеб, курица, яйца, орехи, семечки), зерно, животные с разным видом внешних покровов (слон, олень, рыба), деревья, а также человека.

После анализа полученных данных выяснилось, что системы для данного семантического поля по-разному устроены в языках мира и варьируются от предельно простых (с одним названием для оболочек всех объектов) или бинарных (всего с двумя словами и единственным противопоставлением) до сложных и разветвленных, в которых представлены от 5 до 13 лексем.

Наиболее просто устроенной оказалась система в шугнанском языке. В нем существует единый способ оформления фреймов, что свидетельствует о том, что для носителей совершенно не важно, как выглядят и как устроены оболочки разных объектов. Единственным усложнением в системе оказалось наличие специального слова для ореховой скорлупы. Возможно, однако, причина в географии языка – он распространен в Горно-Бадахшанской автономной области, а это одна из самых горных, малонаселенных и слаборазвитых областей Таджикистана. Поэтому носители

⁵ Материал по шугнанскому языку был собран Е.В.Рахилиной и Т.И. Резниковой

шугнанского языка могут не представлять, как выглядят или используются некоторые из объектов, которые были включены в наш опрос.

Бинарной оказалась система в большинстве тюркских языков (турецком, азербайджанском, якутском): здесь человек и животные с кожей, похожей на человеческую, противопоставлены всем остальным объектам. Так, в турецком языке слово *deri* используется для обозначения кожи человека и животных, похожих на него (курица, слон, олень), а слово *kabuk* – для обозначения покровов всех прочих объектов: фруктов, овощей и других неодушевленных существ и артефактов.

Во многом похожими ввиду генеалогической близости оказались и системы немецкого и норвежского языков. Для них имеет значение, является ли покрытие предмета отдельным конструктивным элементом или неотделимой его частью. Так, корочки на мясе, ране или хлебе в этих языках называет одно слово (*Kruste* для немецкого языка), в то время как кожица и кожура на овощах и фруктах, которую, как правило, легко отделить от самого плода, называется другим общим словом (*Schale* для немецкого языка). В немецком языке кожа человека и животных называется одинаково (*Haut*), а в норвежском – по-разному, в зависимости от наличия шерстяного покрова (*skinn* – без шерсти, *hud* – с шерстью). Кроме того, в немецком языке различаются названия для снятой (*Fell*) и не снятой (*Haut*) шкуры оленя.

Эстонский язык различает характер покрытия у овощей и фруктов, противопоставляя плотную и нередко твердую кожуру и корку арбуза, апельсина или банана (*koor*) тонкой, более нежной кожице на сливе, картофеле или помидоре (*nahk*). К последней группе относятся также кожные покровы человека и других животных, кроме рыб.

В грузинском языке схожая ситуация: оболочки предметов различаются по толщине и плотности. Например, фрукты и овощи с более тонкой и нежной кожицей, такие как слива, яблоко, огурец, картофель и др., а также рана, мясо и курица, которая является существом небольшого размера с тонкой кожей, противопоставляются предметам с плотной и толстой оболочкой, которые помимо толстокожих фруктов включают еще и объекты с корой и скорлупой (*kani* для первой группы и *qerqi* для второй). Кроме того, в грузинском языке существует отдельное слово для обозначения кожи человека и крупных животных (*tqavi*); рыба же и лук имеют каждый своё название для чешуи (*farfli*) или шелухи (*furceli*). Наиболее разветвленные и богатые на названия системы из рассмотренных нами существуют в славянских и балтийских языках. В них противопоставление идет по целому ряду параметров, в том числе по физическим свойствам оболочки. Для этих языков важно, является ли она твердой и плотной или мягкой; толстой или тонкой. Для кожи живых созданий существенным критерием является наличие шерстяного покрова.

В отличие от большинства иностранных языков, где информантам было предложено подобрать наиболее подходящее слово для названий оболочек, в случае русского был применен несколько иной подход, следствием чего стало выявление большего количества названий оболочек. Рассматривались все возможные варианты с опорой не только на интуицию носителей, как при анализе других языков, но и на корпус русского языка, а также толковые словари. В итоге были выделены 13 наименований покровов объектов, отличающихся целым рядом семантических особенностей: *корка, кора, корочка, кожура, шелуха, скорлупа, кожица, кожа, шкура, шкурка, лузга, чешуя, скальп*. Практически все эти оболочки пересекаются во фреймах, к которым относятся, т.е. одному фрейму часто соответствуют сразу несколько названий предметов. В некоторых случаях выбор конкретного варианта очевидно не мотивирован, тогда как в других он выражает различия в оттенках значений. Например, оболочку яблока мы можем назвать и *шкуркой*, и *кожицей*, и *кожурой*. Употребление слова *шкурка* говорит о том, что во-первых, оболочка с яблока снята (или находится в процессе снятия), а во-вторых, не нужна для употребления в пищу (*После приготовления пирога на столе*

остались яблочные шкурки). Кожура может быть как снятой, так и находящейся на яблоке, а кожа, как правило, не снимается, а съедается вместе с фруктом, поэтому она становится словно незаметной для человека. Различие между кожурой и кожей еще и в толщине: кожура – толстая и плотная, а кожа – тонкая. В то же время внешний слой дерева мы можем назвать только корой, а оболочку яйца – только скорлупой. В этих фреймах допускается только один вариант.

Для более наглядного представления результатов исследования были составлены семантические карты, на которых помещены основные выделенные фреймы. Ниже представлены три карты, отражающие разные типы систем: бинарная (турецкий), более сложная (английский) и сложная (русский).

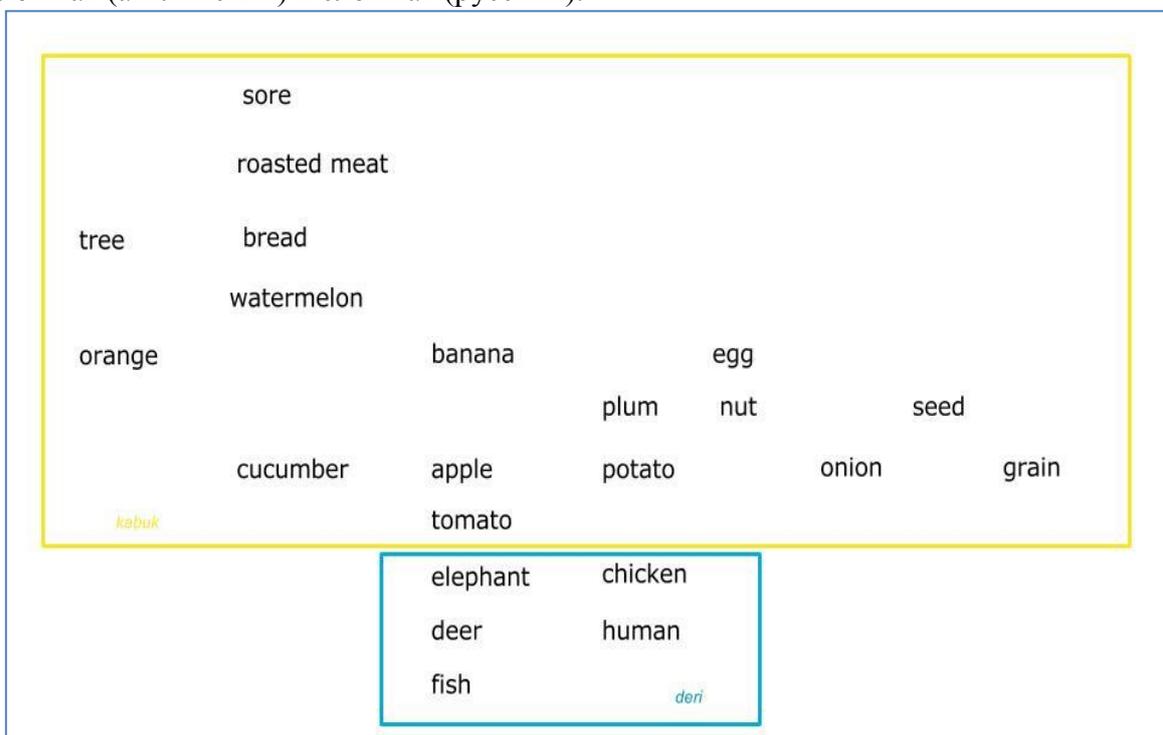

Рис.1. Семантическая карта для турецкого языка

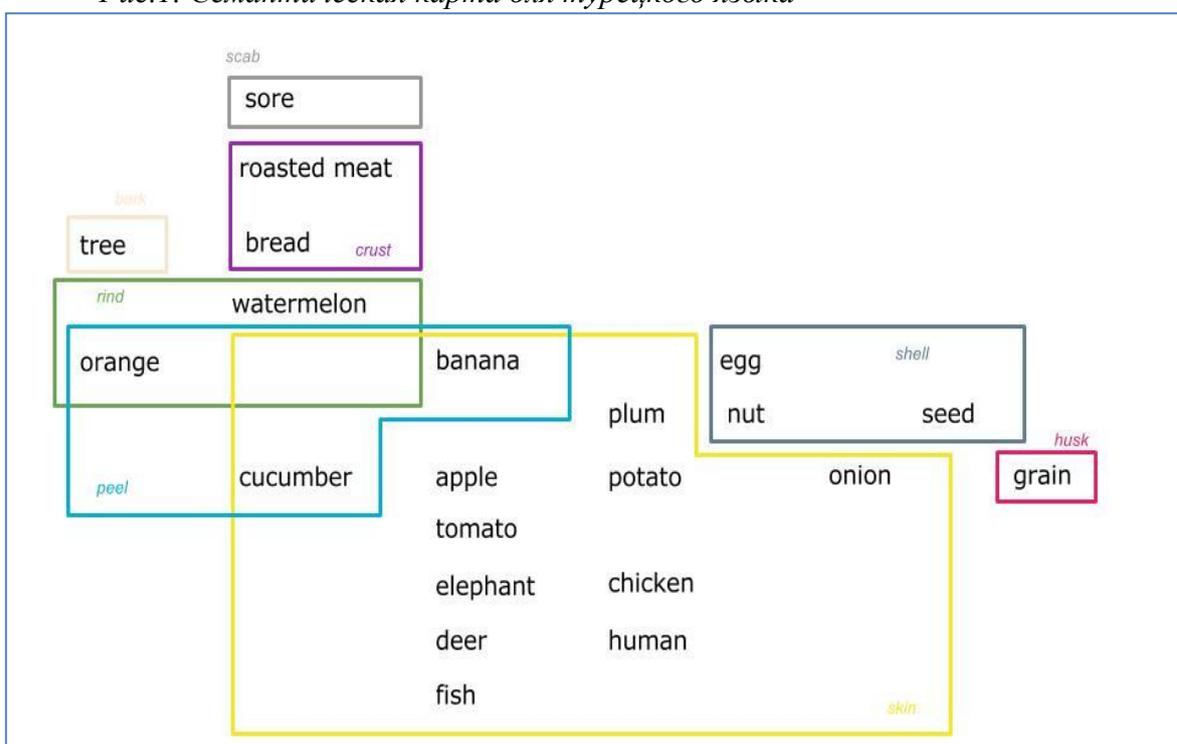

Рис.2. Семантическая карта для английского языка

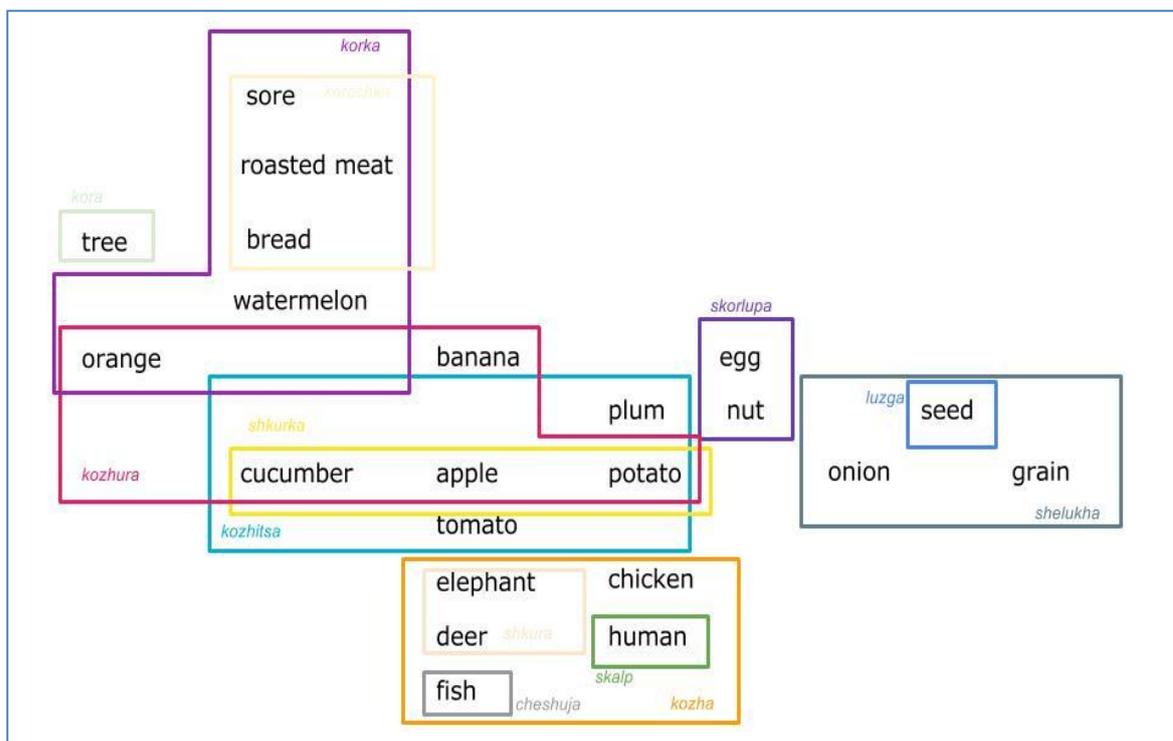

Рис.3. Семантическая карта для русского языка

Таким образом, можно заметить, что различия в названиях покровов часто отражают такие важные свойства естественного языка, как антропоцентризм и функциональность. Разделение названий для покровов по сходству или различию с человеческой кожей нашли отражение почти во всех исследуемых языках. Функциональность проявляется в том, что “нужную”, не снимаемую кожу часто называет одно слово, а “ненужную” шкуру и кожуру, которую принято снимать с объекта, – другое. Однако понятие нужности и ненужности довольно коварное: вероятнее всего, оно связано с культурой еды каждого народа (некоторые чистят картофель, другие – едят его вместе с кожицей; некоторые продукты информантам просто не приходилось использовать в повседневной жизни, а поэтому, отсутствует и четкое понимание, что делать с их внешними покровами). Многие языки группируют вместе те фреймы, корочки которых являются не отдельной оболочкой, а внешним слоем, составной частью объекта, например, корка на заживающей ране, запеченном куске мяса или булке хлеба. Примечательно, что во многих языках кора дерева, по физическим свойствам, скорее, напоминающая ореховую скорлупу, либо получила свое отдельное название, либо объединялась с корочкой на мясе, хлебе или ране, что свидетельствует о том, что для носителей кора – неотделимая часть дерева, его прочный внешний слой. Менее важным в исследованных языках оказался характер оболочки: твердая/мягкая, прочная/хрупкая, толстая/тонкая, сухая/влажная – такие противопоставления есть в очень разветвленных системах вроде русской и других славянских языков, но, как правило, отсутствуют в системах, которые насчитывают порядка 4-6 названий для оболочек.

В целом, работа над проектом еще не закончена. В дальнейших планах – увеличение количества исследуемых языков; верификация и уточнение данных с помощью привлечения новых информантов для уже исследованных языков; создание многоуровневых систем, допускающих варианты в случаях, где это возможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3-31.

М. С. Зарифьян, А. А. Мельник, Л. М. Полянская
(Москва)

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА 'ДАЛЕКИЙ' НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ.¹

1. Введение

Данная работа является частью проекта 'Мультиязыковая база данных синонимов', целью которого является сравнение теоретических и компьютерных методов исследования в различных языках такого явления, как синонимия. В проекте используется лексикографический, а также векторно-статистический подход к описанию указанных явлений. В качестве результата ожидается создание базы данных, в которой будут описаны некоторые синонимические ряды в европейских языках (на данном этапе - русском, английском, польском, итальянском, немецком и французском языках), разработка статистических критериев оценки лингвоспецифичности, а также создание лексических тренажеров для изучения иностранных языков.

В рамках проекта мы описали синонимический ряд 'ДАЛЁКИЙ' для 6 вышеперечисленных языков. Данная работа посвящена детальному описанию этого ряда в немецком и итальянском языках (анализ этого ряда для русского языка см. в [Апресян 2003], для английского — в [Апресян 1979]).

2. Описание ряда 'далекий'.

Мы анализируем семантические и синтаксические различия между представителями ряда 'далекий' в каждом отдельном языке, приводим универсальный набор семантических признаков и фреймов и для каждого языка перечисляем те из них, которые для него релевантны. В ходе анализа мы опирались на данные языковых корпусов, в частности, представленных в SketchEngine [Jakubiček et al. 2013], а также с помощью функции Word Sketch в системе SketchEngine получали данные о сочетаемости синонимов с другими словами в различных позициях.

Для каждого языка мы выделяем ряд лексем на основании их общего значения: 'такой, который находится или происходит на большом расстоянии от чего-либо' [Апресян 2003]. В рассматриваемых языках выделены следующие ряды:

- 1) немецкий: *fern, weit, entfernt, entlegen, abgelegen*;
- 2) польский: *daleki, oddalony, odległy, zdalny, niebliski*;
- 3) французский: *lointain, distant, éloigné, retiré, reculé*;
- 4) итальянский: *lontano, distante, discosto, remoto*.

Этот синонимический ряд обладает несколькими интересными особенностями. Во-первых, полисемия пространственных слов – явление, само по себе интересное в типологическом освещении (ср. Levinson 2003). Во-вторых, имея валентность ориентира, лексемы с семантикой 'далекий' характеризуются двумя типами употреблений: они могут выступать, с одной стороны, в дейктических (относительно наблюдателя), с другой - в нарративных контекстах (относительно объекта вне наблюдателя). Слова исследуемого семантического поля в разных языках могут различаться в отношении этого параметра, представляя собой тем самым интересный материал для изучения наблюдателя и связанных с ним межъязыковых противопоставлений.

На материале исследуемых языков мы выделили следующие семантические признаки, по которым могут различаться синонимы из ряда 'далёкий':

---

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования «Мультиязыковая база данных синонимов: теоретические и компьютерные модели» (№ 16-05-0054) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

- 1) характер ориентируемого объекта (объекта, положение которого описывается относительно явно или эксплицитно заданного ориентира)
  - физический (живое существо, неживой физический объект или пространство, звук)
  - нефизический (время, заинтересованность, смысл, эмоциональность,..)
- 2) характер ориентира
  - наблюдатель
  - другие ориентиры
- 3) степень удаления объекта от ориентира
  - очень далеко
  - далеко
  - близко
  - на любое расстояние
- 4) способность передавать точное расстояние;
- 5) доступ к ориентируемому объекту.

Также мы выделяем следующие фреймы — ситуации, которые могут описывать исследуемые синонимы:

- 1) находящийся на сравнительно большом расстоянии от говорящего/ориентира;
- 2) отдаленный на конкретное расстояние от заданного ориентира;
- 3) воспринимаемый издали (о звуке, изображении);
- 4) описание расстояния, покрытого при передвижении;
- 5) далекий в прошлом/будущем;
- 6) о дальнем родственнике.
- 7) взаимодействие с некоторым объектом без реального контакта с ним при помощи специальных средств (чаще всего интернета, ср. *удалённый пользователь*)
- 8) не понимающий или не принимающий некоторый концепт (ср. русск. *Я далёк от политики*);
- 9) непохожесть;
- 10) маловероятность

Синонимы имеют различную сочетаемость. Среди типичных примеров сочетаемости мы выделяем сочетаемость синонимов:

- 1) со степенью проявления признака;
- 2) с оценкой говорящего.

Лексемы имеют производные грамматические формы, такие как сравнительная и превосходная степень. Семантика и синтаксис начальных и производных форм может отличаться. Последние мы рассматриваем отдельно.

Отдельно рассматриваются устойчивые сочетания, ср. нем. *fernlicht* 'дальние огни' и ит. *alla lontana* 'приблизительно', географические названия ср. польск. *Daleki Wschód* 'Дальний Восток', сочетания с дополнительной коннотацией ср. ит. *remota provincia* 'далекая провинция + захолустье'.

В связи с тем, что по описания синонимических рядов составляются краткие правила употребления их представителей и составляются тренажеры для изучающих языки, которые мы описываем, очень важно перечислить синтаксические конструкции, в которых встречаются описываемые слова и для каждой валентности лексемы расписать, чем она может быть выражена.

В этой статье будут более детально рассмотрены представители лексического поля 'далёкий' в немецком и итальянском языках.

2.1. 'Далёкий' в немецком языке

Синонимический ряд состоит из следующих слов: *fern*, *weit*, *entfernt*, *entlegen*, *abgelegen*.

Fern - самый общий синоним ряда. Используется для описаний больших расстояний (космических или расстояний на местности), следовательно, ориентируемые объекты - космические тела (*ferne Galaxie* - 'далекая галактика', *ferne Planeten* - 'далекие планеты') и земные объекты (*ferne Kontinente* - 'далекие континенты', *ferne Länder* - 'далекие земли'). В качестве ориентира может выступать, как наблюдатель (*fern Horizont* - 'далекий горизонт', *ferne Gestade* - 'далекие берега'), так и другие физические объекты (*fern von der Universität* - 'находящийся далеко от университета').

Наряду с физическими объектами в качестве ориентируемого объекта может выступать время (*ferne Zukunft* - 'далекое будущее', *ferne Vergangenheit* - 'далекое прошлое') или событие, ориентируемое во времени (*ferne Prüfung* - 'далекий экзамен, экзамен, который состоится нескоро') и звук, воспринимаемый издали (*ein fernes Summen von Melodie* - 'отдаленное звучание мелодии', *ein fernes Echo* - 'далекое эхо').

Стоит отметить, что для *fern* нехарактерно употребление в атрибутивной позиции, если ориентируемый объект - артефакт. *Gib mir dieser ferner Kugelschreiber* - 'дай мне эту ручку, которая далеко лежит' - подобные контексты характерны, как правило, для поэтического стиля.

Weit - отличается от остальных синонимов ряда тем, что сочетается, как правило, с абстрактными именами собственными и утрачивает значение расстояния, развивая значение 'следующий, дальнейший' - *weitere Information* ('дальнейшая информация'), *weitere Möglichkeiten* ('дальнейшие возможности'). В сочетании с физическими объектами употребляется в предикативной позиции: *Dieser Ort ist ein bisschen weit weg* ('Это место немного далеко'); *Dieser Ort ist weit von hier* ('Это место далеко отсюда') или *weit entfernte Ort* ('отдаленное место'), но не в атрибутивной: *weiter Ort. В периферийных значениях способно развивать значение 'широкий': *die weite Straße* ('широкая улица').

Entfernt - в своем основном значении употребляется, в первую очередь, когда необходимо указать расстояние между двумя физическими объектами, при этом один мыслится как ориентир другого (или центр и периферия). Таким образом, данное прилагательное имеет валентность расстояния, на который объекты удалены друг от друга (*Der Kurort ist 27 km entfernt von Paderborn.* - 'Курорт находится в 27 километрах от Падерборна'), или времени, которое затрачивается на преодоление расстояния между объектами (*Das Haus ist von hier ungefähr 3 Stunden entfernt.* - 'Дом находится в трех часах ходьбы/езды отсюда.'). Употребляется для обозначения степени родства (*entfernte Verwandte* - 'дальние родственники') и дружеских связей (*entfernte Bekannte* - 'далекий знакомый'). Кроме того, в периферийных значениях может утрачивать локативный компонент и обозначать несходство сравниваемых объектов в атрибутивной позиции (*entfernte Ähnlichkeit* - 'отдаленное сходство') или в предикативной: (*weit von der Wahrheit entfernt* - 'далеко от истины').

Entlegen и **abgelegen** - являются практически полными синонимами. Ориентированы антропоцентрично, указывают только на физические объекты, но, в отличие от *fern* указывают только на географические объекты или сооружения (*Dieses Haus ist abgelegen.* - 'Этот дом далеко. '; *Die Bergen sind entlegen.* - 'Горы далеко. ') но не космические тела и планеты (**Sterne sind abgelegen/entlegen.* - '*Звезды далеко. '; **die Galaktik ist abgelegen/entlegen.* - '*Галактика далеко. '). Оба синонима могут указывать на то, что ориентируемый объект труднодоступен, могут передавать смысл 'захолустный', 'глухой', 'изолированный': *Eltern so abgelegen wohnen, daß ihr Wohnort keine angemessene Lehr- und Arbeitsmöglichkeit für den Jugendlichen bietet.* ('Родители живут так далеко, что там нет соответствующих возможностей для учебы/работы для молодежи.')

Es ist sehr abgelegen - 11 km vom nächsten. ('Это довольно далеко - 11 км в лучшем случае')

Dorf La Cumbre ist entfernt. ('Деревня Ла-Кумбре далеко.')

В отличие от других синонимов ряда указывают на невидимость объекта.

Синонимы данного ряда образуют формы сравнительной и превосходной степени, которые образуются по стандартным правилам немецкого языка:

weit- weiter - am weitesten

fern - ferner - am fernsten

entfernt - entfernter - am entferntesten

entlegen - entlegener - am entlegensten

abgelegen - abgelegener (abgelegner) - am abgelegenen

2.2. 'Далекий' в итальянском языке

Синонимический ряд состоит из следующих слов: *lontano*, *distante*, *discosto*, *remoto*.

Lontano - самый частотный синоним из ряда с наиболее общим значением.

В качестве ориентируемого объекта могут выступать космические объекты (*un pianeta lontano* 'далекая планета', *una galassia lontana* 'далекая галактика'), физические и географические объекты (*amico lontano* 'друг, который далеко', *orizzonte lontano* 'далекий горизонт'), звуки (*la eco lontana di una canzone lontana* 'далекое эхо песни, исполняемой вдали'), время (*futuro/passato lontano* 'далекое будущее/прошлое', *epoca lontana* 'далекая эпоха') или абстрактные объекты, характеризующие определенный промежуток времени (*ricordo lontano* 'далекое воспоминание'). Имеет фразеологическое значение, обозначающее степень родства (*parente lontano* 'дальний родственник'). Встречаются и другие идиомы с участием синонимов ряда 'далекий' **lontano** (*Lontano dagli occhi*, *lontano dal cuore* 'с глаз долой, из сердца вон', *alla lontana* 'приблизительно, отдаленно'). Кроме того, это прилагательное можно использовать для описания расстояния, покрытого при передвижении (*lontano percorso* 'дальний путь'). Ориентиром может служить наблюдатель (*lontano orizzonte* 'далекий горизонт') или указанный объект (*la ragazza lontana da casa* 'девушка, находящаяся далеко от дома'). Может обозначать непохожесть/далекость от оригинала (*in un senso lontano dal suo significato comune* 'в смысле, далеко от его общего значения', *una lontana somiglianza* 'далекое сходство'). Иногда может указывать на неуверенность (*lontana speranza* 'слабая надежда', *lontana idea* 'смутная идея', *lontano sospetto* 'смутное подозрение').

Синонимы **remoto** является более литературным по сравнению с другими синонимами, содержит в себе оттенок недоступности, неизвестности и описывает в основном удаленное от наблюдателя время (*passato remoto* 'далекое прошлое') и абстрактные объекты, удаленные во времени (*remoto anno* 'далекий год'). Синонимы **lontano** тоже может описывать время, но чаще всего во временных контекстах употребляется с будущим, в отличие от **passato**, который употребляется чаще всего при описании прошедшего времени. Кроме того, **passato** и **remoto** различаются в степени удаленности от ориентира (ср. *ricordo lontano* 'воспоминание из прошлого' и *ricordo remoto* 'смутное воспоминание из далекого прошлого').

Также **remoto** употребляется с объектами, которые можно использовать на удаленном расстоянии (*accesso remoto* 'удаленный доступ', *utente remoto* 'удаленный пользователь'), со звуками (*suono remoto* 'далеко, не понятно, откуда, еле слышно'), труднодоступными местами (*un punto remoto del continente* 'место, очень далекое от континента'). Редко употребляется с физическими объектами (*casa remota* 'далекий дом') и имеет фразеологическое употребление с маловероятными событиями (*possibilità remota* 'маловероятная возможность'). Ориентиром может служить и говорящий, и указанный заранее объект. Но в самой конструкции с **remoto** он не указывается (**la casa remota da me* 'дом, далекий от меня', *cercò la strada remota* 'ищу далекую улицу'). Встречаются идиомы с участием **remoto** (*dai tempi remoti* 'издавна', *remota provincia*

'захолустье', *causa remota* 'второстепенная причина', *ideale remoto* 'недостижимый идеал').

Distante используется в первую очередь, если надо указать точное расстояние, на которое объект удален от ориентира. Оно может измеряться в пространственных единицах (*il mondo e l'America sono distanti migliaia di chilometri* 'мир и Америка отдалены друг от друга на 1000 километров'), так и во временных (*questo posto è distante due ore e mezzo dal capoluogo* 'это место в двух с половиной часах от столицы'). Удалены могут быть физические (*una casa distante* 'отдаленный дом') и географические объекты (*una collina distante dal porto* 'холм отдаленный от порта').

В переносном значении **distante** может относиться к эмоционально холодному человеку (*un uomo distante* 'холодный человек'), далекому от оригинала представлению (*un punto di vista distante dallo stereotipo* 'точка зрения далекая от стереотипа'), объекту, не понимающему или не принимающему некоторый концепт (*sono distante dalla politica* 'они далеки от политики'). Может указывать на удаленность объектов друг от друга (*sono distanti l'una dall'altra* 'они удалены друг от друга') и в переносном значении на различие во взглядах, в интересах и т.п. (*le nostre idee sono assai distanti* 'у нас совершенно разные идеи') **Distante** в отличие от **lontano** и **remoto**, **distante** не может описывать время.

Discosto используется преимущественно в поэтических контекстах, когда ориентир и ориентируемый объект удалены друг от друга на расстояние, которое не обязательно должно быть очень большим. Может указывать конкретное расстояние между объектами (*Il comune è discosto dodici miglia dal capoluogo di provincia* 'Город удален на 12 миль от столицы провинции'). Ориентируемыми объектами могут быть парные объекты, две части которых удалены друг от друга, при этом обычно они находятся в непосредственной близости (*gambe discoste* 'разведенные ноги', *tende discoste* 'разведенные шторы'), физические объекты (*lui sedeva discosto da me* 'он сидел отдельно от меня', *la braccia discoste dal corpo* 'рука отведенная от тела') и географические объекты (*Il paese, discosto dalle vie di comunicazione più importanti* 'деревня, удаленная от главных путей сообщения'), абстрактные объекты (*valore discosto dalla norma* 'значение далекое от норм') Как и **distante**, не может описывать время.

Синонимы ряда образуют формы сравнительной и превосходной степени, которые образуются по стандартным правилам итальянского языка: *più/meno lontano* - *il più/meno lontano* = *lontanissimo*;

più/meno distante - *il più/meno distante* = *distantissimo*

più/meno discosto - *il più/meno discosto*

più/meno remoto - *il più/meno remoto* = *remotissimo*

più/meno remoto - *il più/meno remoto* = *remotissimo*

При этом **discostissimo** грамматически верно, но не употребляется. Превосходная степень от синонима **remoto** также верна грамматически, но не употребляется в связи с тем, что в семантике синонима уже содержится значение 'очень далеко'. В сравнительной форме прилагательное может употребляться с наречиями степени (*Il garage di Piazzale Roma è il parcheggio più vicino a Venezia. Il garage del Tronchetto è un po' più lontano da Venezia* <che il garage di Piazzale> 'Гараж на площади Рима - самая близкая парковка к Венеции. Гараж в Тронкетто находится немного дальше от Венеции'). В превосходной форме невозможно указание на расстояние между наблюдателем и объектом (* *La tua casa è la più distante da mia casa per due mille* 'Твой дом дальше всего от моего дома на 2 тысячи'). В сравнительной форме невозможно указание на абсолютное расстояние между наблюдателем и объектом, но возможно указание на относительную разницу между двумя сравниваемыми расстояниями (*Questa casa è più distante da tua che la mia di 2 mila km* 'Этот дом дальше от твоего на две тысячи километров, чем от моего').

Контексты, в которых ориентиром при *lontano* в сравнительной форме является наблюдатель, встречаются редко (*Guarda, questa casa è la più lontana* 'Смотри, этот дом дальше всего <от нас>').

Ориентируемый объект в итальянском выражается именем или именной группой N (*Sento una canzone lontana* 'слышу далекую песню'). В предложении могут быть сразу два объекта, ориентируемых относительно друг друга N e N (*Questi alberi sono distanti (l'una dall'altra) da due passi* 'Эти деревья удалены друг от друга на два шага').

Ориентир выражается сочетанием предлога *da* и имени *da* + N (*Roma è lontana da Palermo* 'Рим находится далеко от Палермо'). В отдельных контекстах пространственный ориентир может быть явно не указан N + *il più lontano* (*Nell'orbita di Massa, è il pianeta più lontano/distante/discosto, a sette chilometri dalla città...* 'На орбите Марса, самой далекой планеты, в 7 километрах от города...').

Точное расстояние передается сочетанием имени и числительного Num + Nom (*Tu e solo tu riesci ad essere vicina anche se sei lontana chilometri e chilometri* 'Ты и только ты можешь быть рядом, даже если ты в тысячах километров').

Вместо прилагательного со значением "далекий" часто используется прилагательное мужского рода в значении наречия "далеко" и глагол *essere* + *lontano/distante* (*La mia casa è lontano da qui* 'Мой дом далеко отсюда'). При уточнении конкретного расстояния чаще используются конструкции с глаголами дистанции V + *da* + Num + Nom (*La casa dista da me da due metri* 'Дом находится в двух метрах от меня').

5. Заключение.

Итак, в заключение можно сделать вывод о том, что синонимы с общим значением 'такой, который находится или происходит на большом расстоянии от чего-либо' охватывают в общем случае широкую сферу употребления, сочетаются как с физическими, так и с абстрактными объектами и развивают немало фразеологических значений, при этом в обоих языках лексемы синонимического ряда в своих периферийных значениях сохраняют семантику отдаленности, а именно, помимо наличия большого расстояния между физическими объектами, они также могут указывать на отдаленность какого-либо события во времени, на незаинтересованность чем-либо, на непохожесть, а также могут употребляться метафорически для обозначения эмотивной лексики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д., Англо-русский синонимический словарь. М.: Рус.яз. 1979.
2. Апресян Ю.Д., Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное. М.: Школа 'Языки славянской культуры', 2003.
3. Jakubíček, M., Kilgarriff, A., Kovář, V., Rychlý, P., & Suchomel, V. The tenten corpus family. The Proceedings of the 7th International Corpus Linguistics Conference CL, 2013, pp. 125-127.
4. Levinson, S. C. (2003). Space in language and cognition: Explorations in cognitive diversity. Cambridge: Cambridge University Press.

ФАКТОР МОТИВИРОВАННОСТИ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МЕТАФОРЫ

В последнее время в рамках молодого научного направления — лексической типологии — усилиями Московской лексико-типологической группы (MLexT) был исследован целый ряд семантических групп глаголов движения и звучания. При этом отдельное внимание уделяется их метафорическим употреблением. Особенно подробно изучаются метафоры глаголов звуков животных: активно пополняется соответствующая база данных [1], подготовлена коллективная монография [2].

При изучении материалов проекта MLexT по зоофоническим глаголам [1; 2; 3] можно заметить, что в качестве метафор рассматриваются весьма различные случаи совмещения в одном глаголе значения звука животного с чем-то еще. Метафора обычно представляется как направленный сдвиг: новое значение слова возникает на базе уже существующего. На деле же не всегда ясно, почему в конкретном случае исходным признается значение звука животного. Например, глаголы *реветь* и *выть* употребляются по отношению к источнику рева и воя любой природы, и как кажется, ниоткуда не следует, что значение звука животного у этих глаголов исходное, а прочие — производные. Тем не менее, они признаются изначально зоофоническими [3]¹. Значение звука животного признается исходным также для глагола *фыркать* [3], хотя в значении чисто физиологической реакции он равноправно может относиться и к животным (прежде всего, к лошади, к собаке), и к человеку².

Как кажется, нет оснований видеть метафорический перенос в случаях вроде *волк воет — ветер воет, медведь ревет — двигатель ревет, лошадь фыркает — человек фыркает*³. Совмещение в этих глаголах звуков животных со звуками природы, артефактов и человека мотивировано лишь сходством самих звуков. Точно так же, как совмещаются в одном слове звуки разных животных, совмещены могут быть и звуки различной природы. Мена семантического класса аргумента в этом случае не имеет значения: данные глаголы звучания оказываются нечувствительны к семантическому классу источника звука⁴.

С учетом данных соображений по крайней мере часть «метафор» [1; 2; 3] может быть рассмотрена в рамках прямого значения. Однако, как кажется, есть и другие случаи совмещения значений, которые следует отделять от метафоры. В данной работе будет рассмотрен один такой случай, касающийся так называемой звукоизобразительной лексики. Звукоизобразительная лексика характеризуется мотивированностью связи между фонетическим обликом слова и полагаемыми в основу номинации признаками денотата [4]. Иначе говоря, близкие по значению звукоизобразительные слова часто оказываются близки и по звучанию (причем более всего это характерно для звукоподражаний). Если же звукоизобразительные слова передают очень близкие явления (в частности, очень похожие звуки), то по форме они могут оказаться совершенно тождественны.

Фактор мотивированности звукоизобразительных слов почти не учитывается при исследовании метафор. Рассмотрим в качестве примера русский глагол *мычать* (о

¹ Непонятно при этом, чем *реветь* и *выть* принципиально отличаются от *визжать*, который, как указывается, «нельзя в полном смысле назвать зооморфным, потому что он не противопоставляет человеческий и животный звук» [3].

² Относительно человека глагол *фыркать* может, кроме того, означать намеренный, семиотически наполненный звуковой жест, а также речевую неодобрительную реакцию (ср. *фыркать на кого-либо*).

³ При этом значения *выть*, *реветь* в смысле ‘плакать’, *фыркать* в смысле ‘неодобрительно высказываться’ можно признать метафорическими, но считать их производными от звуков животных все равно нет оснований.

⁴ Точно так же, глагол *бежать* не приобретает переносного смысла при изменении семантического класса аргумента: *человек бежит, собака бежит*.

корове). Для него предполагается метафорически производным значение неуверенной речи (например, в ситуации ответа двоечника на экзамене) [3]. Можно, однако, предполагать, что совмещение данных значений в форме *мычать* обусловлено сходством звуков коровы и звуков неуверенной речи. В самом деле, такая речь изобилует паузами, заполненными звуками типа *гм*, *м-м-м*, *эм-м* и т.п. Рассмотрим аргументы в пользу такого предположения.

Если совмещение данных значений действительно обусловлено метафорой, то из типологических соображений можно ожидать подобного совмещения в других языках⁵, а также в разных диалектах русского языка. Действительно, «Словарь русских народных говоров» [5] фиксирует большое количество глаголов со значением ‘мычать (о корове)’ и с корнем *му-*, *мы-* и т.п. Для некоторых из них зафиксированы также значения, связанные с речью человека, однако в большинстве случаев значение мычания коровы и значение речи распределены по разным говорам. Ряд «*му-образных*» глаголов имеют речевую семантику, но не имеют значения ‘мычать (о корове)’. То есть фактически искомое совмещение значений в русских диалектах отсутствует. Это наводит на мысль о том, что совпадение в русском литературном языке рассматриваемых значений в форме *мычать* есть следствие случайности (точнее, случайно именно полное совпадение, в то время как близкое сходство как раз закономерно в силу мотивированности).

Вообще, во многих языках «*му-образные*» глаголы неуверенной речи возникли совершенно независимо от значения ‘мычать (о корове)’: ср. хотя бы англ. *tumble*, нем. *timmeln*, мокшанск. *мокнамс*, марийск. *мугыматаш*, русск. *мялнить*. В свою очередь, глаголы звука коровы далеко не во всех языках имеют «*му-образный*» облик: англ. *mo*, нем. *tihen*, но мокшанск. *парамс*, марийск. *ломыжааш*.

Таким образом, гипотеза о производном характере значения неуверенной речи у русск. *мычать* не находит подтверждения на материале других языков и диалектов русского языка.

В защиту этой гипотезы могут быть, однако, выдвинуты некоторые косвенные аргументы. Так, употребление сравнительного оборота *мычит, как корова* усиливает связь с животным, а значит, и со звуком животного. Однако сравнение — независимый языковой прием, напрямую не связанный с метафорой. Действительно, в выражениях *спит, как сурок* или *толстый, как боров* также имеет место сравнение с животным, но мы не усматриваем переносных значений у слов *спать*, *толстый*. Далее, можно говорить, что выражение *корова мычит* носит нейтральный характер, а *мычать* в значении неуверенной речи приобретает оценочный компонент. Однако оценочность содержится в любом звукоизобразительном слове, обозначающем «нестандартную» речь, и не связана с возможным переносом. Таким образом, данные аргументы не могут свидетельствовать в пользу метафорического переноса.

Рассмотрим еще один пример: мокшанский глагол *лабордомс* в одном из своих значений описывает звук при пахтанье масла (ср. звукоподражание *лаб-лаб*), а в другом характеризует речь и имеет значение ‘болтать’⁶. Можно думать, что совмещение значений мотивировано семантикой: образ быстрых, сопровождаемых характерными звуками движений мутовки при сбивании масла переносится на речь, характеризующую быстрыми движениями языка и соответствующим звучанием (обратное маловероятно). Подобная полисемия имеется и в других языках: в удмуртском звукоизобразительная основа *пыльтыр-* обозначает быстрые движения ногами или лапами (примерно соответствует русскому выражению *сучить ногами*), а кроме того, употребляется в

⁵ При подготовке работы учитывались данные разных языков, в т.ч. славянских, германских, финно-угорских. Исследования по финно-угорским языкам поддерживаются грантом РГНФ № 16-24-17003. Источниками данных послужили база данных [1], словари соответствующих языков, полевые материалы автора разных лет.

⁶ Полевые материалы автора, с. Лесное Цibaево Темниковского района Республики Мордовия, 2013–2015 гг.

выражении *пыльтрес ым* ‘болтун (досл. болтливый рот)’⁷. Совпадение русск. *болтать* ‘взбалтывать’, *болтать* (ногами) и *болтать* (о речи) должно, казалось бы, убеждать в том, что имеет место перенос значения (движение → речь). Однако в других языках имеется большое количество глаголов сходного фонетического облика со значением ‘болтать (о речи)’, никак не связанных со значением ‘взбивать, взбалтывать’ или ‘быстро двигать чем-либо’: ср. хотя бы англ. *blabber*, нем. *plappern*, также англ. и нем. звукоподражание *bla-bla-bla*⁸. Эти данные заставляют, по крайней мере, ввести в рассмотрение гипотезу о том, что форма *лабордомс* в мокшанском языке развивалась для двух искомым значений независимо под действием мотивированности.

Теория звукоизобразительной лексики изучает, какие признаки предметов и явлений окружающего мира могут быть положены в основу номинации и какими средствами языка они могут быть выражены на уровне означающего; другими словами, как и в какой мере содержание определяет форму слова. Подчас разные языки выбирают совершенно разные признаки одних и тех же явлений, и в результате возникают совершенно непохожие слова, ср. русск. *ква-ква* и англ. *ribbit-ribbit*: и то и другое передает звук лягушки, и то и другое безусловное звукоподражание, но ни материального, ни даже структурного сходства между ними нет⁹.

С точки зрения лексико-семантической типологии более продуктивным может быть обратный подход: можно считать, что фонетический облик и структура звукоизобразительного слова определяют пространство его потенциальных значений. Такое пространство строится не произвольно, а на основании релевантных признаков потенциальных денотатов. Релевантными признаками для звучаний являются, прежде всего, акустические характеристики, такие, как громкость, высота, время, регулярность, диссонантность¹⁰; комбинации различных значений этих признаков формируют пространство потенциальных значений [4].

«Точки» такого пространства — это потенциальные фреймы, если пользоваться лексико-типологической терминологией. Вопрос о том, какой именно фрагмент пространства (другими словами, какие фреймы) покрывает конкретное слово в конкретном языке, относится целиком и полностью к компетенции лексической семантики.

Рассмотрим пример: глагол *чивордомс* в мокшанском языке относится к скрипу (например, несмазанных петель), а *чикордомс* передает звук сороки¹¹; в шокшинском диалекте эрзянского языка, наоборот, *чикырдамс* относится к скрипу дверных петель и т.п., *чивырдамс* — к звуку сороки¹². Ясно, что эти ситуации перекликаются не случайно: близки акустические характеристики соответствующих звуков. Оба слова по форме потенциально подходят для обозначения и той, и другой ситуации, и распределение не может быть предсказано, исходя из объективных характеристик ситуаций. Таким образом, соответствие между формой и значением в конкретном языке (диалекте) можно описать только в терминах лексической сочетаемости.

При таком подходе к описанию глаголов звучания с широкой (или потенциально широкой) семантикой нет нужды искать особое объяснение совмещению в некотором языке, например, значения ‘каркать (о вороне)’ со значением ‘харкать’ или ‘хрипеть’ —

⁷ Полевые материалы автора, д. Шамардан Юкаменского района Удмуртской республики, 2011–2016 гг.

⁸ Для звукоизобразительных слов весьма характерна метатеза в корне, потому мокш. *лаб-*, русск. *бол-/бал-*, англ. и нем. *bla-/pla-* хорошо соотносятся друг с другом.

⁹ Можно привести много примеров непохожих по форме слов, мотивированных одними и теми же звукообразами. Пример из области звуков животных удобен тем, что тождественность звуков-мотивов здесь очевидна; вряд ли отсутствие сходства между русским и английским подражаниями вызвано различиями между разными видами лягушек.

¹⁰ Мы опираемся на работы С. В. Воронина, см. [4] и др. Сходная схема независимо предлагается в [6].

¹¹ Полевые материалы автора, с. Лесное Цибаево Темниковского района Республики Мордовия, 2013–2015 гг.

¹² Полевые материалы автора, с. Шокша Теньгушевского района Республики Мордовия, 2013 г.

эти звуки близки акустически, для их совмещения в одном слове не требуется метафорического переноса. При этом, конечно, значение ‘предсказывать/кликать беду’ никак не укладывается пространство значений, потенциально возможных для русск. *каркать*, так что в данном случае логично видеть метафору.

Таким образом, учитывать фактор мотивированности звукоизобразительных слов при исследовании метафоры необходимо. Иначе неизбежным оказывается смешение разных случаев совмещения значений, далеко не все из которых базируются на метафорическом переносе.

В заключение необходимо подчеркнуть актуальность рассматриваемой проблемы для лексической типологии вообще и для проблематики, исследуемой в рамках проектов MLexT, в частности. Как уже было сказано, серьезные усилия MLexT в последнее время направлены на исследование глаголов движения (в широком смысле, включая сюда глаголы падения, вращения, колебания и др.) и звучания (звуков животных [1; 2; 3] и неживых объектов [6]), а как раз в этих лексико-семантических группах сосредоточено большое количество звукоизобразительных слов. Для глаголов звучания это очевидно, для глаголов движения можно привести, например, данные Л. Ф. Лихомановой: для 301 из 420 рассмотренных английских глаголов движения путем этимолого-фоносемантического анализа¹³ установлена звукоизобразительная природа [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. База данных глаголов звуков животных «Звуки Му». Режим доступа: <http://webcorpora.net/zvukimu/>
2. Глаголы звуков животных: типология метафор / Сост. Е. В. Рахилина. — М.: Языки славянской культуры, 2015.
3. Рахилина Е. В. Звуки Му / Е. В. Рахилина // Проблемы грамматики и типологии: сборник статей памяти В. П. Неद्याлкова. — М.: Знак, 2010. — С. 283–302.
4. Воронин С. В. Основы фоносемантики / С. В. Воронин. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
5. Словарь русских народных говоров. Вып. 18, 19. — Л., 1982-1983.
6. Kashkin E. et al. Verbs describing sounds of inanimate objects: towards a typology / E. V. Kashkin, T. I. Reznikova, E. K. Pavlova, E. S. Luchina // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). В 2-х т. Т. 1: Основная программа конференции. Вып. 12 (19). — М.: РГГУ, 2013. — С. 227–236.
7. Лихоманова Л. Ф. Семантическая филиация английских звукоизобразительных глаголов движения. Автореф. ... канд. филол. наук / Л. Ф. Лихоманова. — Л., 1986.

---

¹³ Этимолого-фоносемантический анализ проводился в соответствии с методикой С. В. Воронина, см. [4] и др.

К ТИПОЛОГИИ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «БРОСАТЬ»

1. Введение

В последние годы растет интерес к лексико-типологическому анализу различных семантических полей (Майсак, Рахилина 2007, Majid, Bowerman 2007 и др). К числу областей, привлекающих внимание исследователей данного направления области, относится также лексическая зона каузированного перемещения (ср. Кореска, Narasimhan 2012).

Данная статья посвящена изучению типа каузированного перемещения, который ранее не становился предметом типологического анализа, — а именно, глаголов перемещения по воздуху (ср. рус. *бросать*, *кидать*, *метать* и *швырять* и некоторые их словообразовательные производные)¹.

Материалом для исследования ситуации бросания, или каузированного перемещения по воздуху, послужили данные 8 языков. Базовый анализ был проведен на материале русского языка; также были взяты три языка индоевропейской семьи (английский, немецкий и французский), три языка уральской семьи (финский, эстонский и мокшанский) и казахский — язык тюркской семьи.

Глаголы каузированного перемещения по воздуху были выбраны для изучения не случайно. Этот класс глаголов в русском языке в основном лексикализуется с помощью двух глаголов *бросать* и *кидать*, которые относятся к редкому для естественного языка классу точных синонимов (Апресян 1974). В ходе работы, однако, были выявлены некоторые закономерности, в соответствии с которыми в том или ином контексте выбор одного глагола является для русского языка более естественным. Также были рассмотрены еще два самых частотных для ситуации бросания глагола — *швырять* и *метать*.

Кроме корпусных данных, полученных с помощью «Национального корпуса русского языка», корпусов на платформе SketchEngine, Corpus of Contemporary American English и различных других, мы также использовали данные, полученные из электронных словарей, в числе которых Multidictionnaire de la langue français, Duden-Wissensnetz deutsche Sprache и Oxford Dictionary of English. Самым главным источником исследуемых нами данных, однако, послужил онлайн-опрос, составленный на русском и английском языках.

2. Методология

Данное исследование опирается на методiku лексико-типологического исследования, описанную в недавней работе Е.В. Рахилиной и Т.И. Резниковой «Фреймовый подход к лексической типологии», согласно которой основой для сопоставления лексики служат кросс-языковые «фреймы» — «ситуации, в которых зафиксированы прототипические участники» (Рахилина, Резникова 2013).

В соответствии с методикой, применяемой в рамках фреймового подхода, первым этапом работы стал корпусной анализ русских глаголов бросания, а также классификация контекстов их употребления. Результатом этого этапа стал перечень из 33 типов бросания, которые легли в основу лексико-типологической анкеты.

Полученная анкета использовалась в ходе второго этапа исследования: был составлен онлайн-опрос, в котором респондентам предлагалось подобрать наиболее подходящий глагол для каждого из 33 контекстов анкеты. Чтобы уменьшить вероятность выбора глаголов, не относящихся к исследуемой семантической области, мы просили русскоязычных респондентов выбрать глагол (или глаголы) только из заданного списка, включавшего четыре описываемые лексемы (т.е. *кидать*, *бросать*, *швырять* и *метать*,

¹ Автор выражает огромную благодарность Т.И. Резниковой за помощь в работе над статьей.

что, однако, не ограничило их право на выбор словообразовательных производных, например, *выбросить* или *выкинуть*), в то время как носителям других языков (для них опрос был составлен на английском языке), предлагалось использовать глаголы, по значению близкие к глаголу *throw*. Составленная анкета также использовалась для прямого общения с информантами (в первую очередь это касается мокшанского и казахского языков).

В результате был определен набор лексем, которые относятся к исследуемому полю в языках нашей выборки: для английского это глаголы *throw*, *drop*, *toss*, для немецкого — *werfen*, *schmeißen*, *schleudern*, для финского — *heittää*, *pudotta*, *paiskata*, *tiputtaa*, для эстонского — *viskama*, *loopima*, *heitma*, для французского — *jeter*, *lancer*, *bombarder*, для казахского — *лақтыру*, *тастау*, для мокшанского² — *ёрямс*, *яфодемс*.

Для выделенных глаголов необходимо было выявить семантические параметры, которые определяют употребление каждого из них в той или иной ситуации. Результаты этого исследования представлены в следующей главе.

3. Данные исследованных языков

В отличие от полей, ранее изученных в рамках фреймового подхода (Майсак, Рахилина (ред) 2007), (Круглякова 2010), поле каузированного перемещения по воздуху, по-видимому, является доминантным: во всех исследованных языках имеется общий глагол, который покрывает все или почти все ситуации бросания. (ср. рус. *бросать* и *кидать*, англ. — *throw*, нем. — *werfen*). Такую же систему, по-видимому, имеет, например, поле бросания (Reznikova, Vyrenkova 2015). Однако, наряду с центральным глаголом в языках лексикализируются некоторые специальные «типы» бросания — такие ситуации, для лексикализации которых носитель может использовать помимо доминантного и некоторый другой глагол более узкой семантики. Интересно проследить, какие ситуации могут оказаться настолько когнитивно значимыми, что кодируются в языке особыми лексическими средствами.

Первая подобная ситуация — это бросание объекта как проявление **эмоционального состояния** субъекта (ср. кидание кружки в стену [в ярости], тарелки на пол [от злости], комьев глины [с отвращением]). Эмоции, побуждающие субъекта бросить какой-либо объект, как правило, бывают отрицательными: ярость, отвращение, негодование, и т.д. В подобном состоянии субъект осуществляет бросок с силой, поэтому глаголы, описывающие эмоциональное бросание, часто выражают еще и идею применения силы при совершении действия. Такая семантика характерна, например, для немецких глаголов *schleudern* и *schmeißen*, которые могут конкурировать с доминантной лексемой *werfen* как раз в тех случаях, когда бросание осуществляется с силой и отражает негативный настрой субъекта:

(1) *Nächstens schmeisse ich alle Drei die Treppe hinunter.* (DWDS)

В следующий раз я сброшу всех троих с лестницы.

(2) *Mit schrecklichem Getöse schleuderte er einen Steinbrocken gegen ihn.* (deTenTen, SketchEngine)

Со страшным ревом он бросил в него камень.

В русском языке такая ситуация чаще всего, судя по данным НКРЯ и по результатам проведенного опроса, лексикализуется глаголом *швырять*. Эту семантику подтверждают и лексикографические источники: в словарных статьях глагол *швырять* описывается как бросание «с применением силы» или «резко, небрежно».

В финском языке для этого фрейма используется глагол *paiskata*, который тоже толкуется в словарях как «бросание с силой»:

² Автор выражает благодарность Елене Захаровой, Денису Рахману и Егору Кашкину за сбор данных мокшанского языка во время экспедиции в село Лесное Цибаво в 2015 году.

(3) *Oli juuri aikeissa paiskata kupit täydellä voimalla, mutta jätti sen tekemättä, sillä olisi katunut sitä myöhemmin.* (fiTenTen, SketchEngine)

Я как раз собирался бросить чашку в стену, но не сделал этого, потому что потом пожалел бы.

Параллель к идее применения силы при броске мог бы образовывать фрейм, который бы представлял ситуацию перемещения объекта, каузированную легким движением руки субъекта. В нашей выборке эта ситуация (очевидно, гораздо менее значимая, чем эмоциональное швыряние) лексикализуется только в английском — для ее выражения используется глагол *toss*:

(4) *For breakfast, toss berries or dried fruit into cereal.* (CoCA)

На завтрак бросьте [добавьте] немного ягод в хлопья.

В казахском языке, также имеющем доминантную систему, два исследуемых в данной работе глагола противопоставляются как раз в ситуациях «легкого» движения и движения с применением силы. Так, глагол *лақтыру*, несмотря на то, что является доминантным, скорее применяется в ситуации бросания с силой (или отрицательными эмоциями), в то время как другой глагол, *тастау*, лексикализовать эту ситуацию не может:

(5) *Ол жынданып саптыаяқтарды еденге лақтырды.*

Она бросила кружки на пол от злости.

Следующий параметр, релевантный для ситуации бросания, — это **направление движения**. Потенциально их может быть три: *по дуге*, *сверху вниз* и *снизу вверх*. Перемещение *по дуге* является прототипическим для ситуации бросания — возможно, поэтому в языках нашей выборки эта ситуация не выделяется отдельными лексическими средствами.

Специальными глаголами чаще всего лексикализуется бросание *сверху вниз* (монетки в шляпу, бомбы с самолетов, вещи на землю). Так, например, в английском языке есть глагол *drop*, который совмещает семантику бросания со значением неконтролируемого действия (уронить), так что фиксированное направление движения (*сверху вниз*) является для него вполне предсказуемым:

(6) *Customers smile as he plays, make eye contact and drop coins and dollar bills in the jar.* (CoCA)

Посетители улыбаются, когда он играет, смотрят в глаза и бросают монеты и долларовые банкноты в банку.

В финском языке ситуация бросания сверху вниз лексикализуется двумя глаголами *pudottaa* и *tiputtaa*, которые образованы от глаголов *pudota* и *tippua* (оба они обозначают *падать*) соответственно с помощью добавления каузативного суффикса *-tta-*:

(7) *Hän tiputtaa kassin lattialle.* (fiTenTen, SketchEngine)

Она бросила сумку на пол.

(8) *Sattui että pommikoneet tulivat Suomesta ja juuri siinä kohdassa, jossa me olimme pudotettiin kaksi pommia.* (fiTenTen, SketchEngine)

Так получилось, что военные были из Финляндии, и сбросили бомбу как раз там, где мы были.

Также специальный глагол, используемый для лексикализации бросания сверху вниз, был найден в казахском языке — к этой ситуации чаще всего применим глагол *тастау*:

(9) *Нанды жсерге тастауға болмайды.*

Нельзя кидать хлеб на землю.

Несмотря на то, что в мокшанском языке были выделены и взяты для исследования только два глагола, обозначающих падение, опрос информантов показал, что наряду с ними используются и другие лексические средства: в основном это глаголы, которые сами по себе не обозначают бросание, но могут его лексикализовать в нужном контексте.

Среди них можно выделить три глагола, прототипической ситуацией для которых является бросание сверху вниз: *вачкодемс*, *лаподемс* и *ламбофтемс*.

Что касается бросания *снизу вверх*, то в нашем материале оно не кодируется специальными лексемами, а, скорее, всегда описывается словообразовательными средствами (ср. рус. *подбросить*, нем. *hochwerfen*).

Основанием для лексического выделения определенной разновидности ситуации бросания может служить наличие у нее **цели** или **адресата** (ср. бросание палки собаке, дротиков в мишень). В некотором смысле обратную ситуацию представляет кидание как избавление от объекта (ср. бросить что-либо в мусорное ведро). На материале французского языка это противопоставление видно наиболее ярко. При помощи глагола *lancer* чаще всего лексикализуется бросание с наличием цели:

(9) *Mais quand il a lancé le bâton, le chien est allé chercher!* (frTenTen, SketchEngine)

Но когда он бросил палку, собака пошла искать!

А вот *jeter*, скорее, обозначает избавление от объекта:

(10) *La mission: traquer les automobilistes jetant des déchets le long des routes.* (frTenTen, SketchEngine)

Задача: преследовать автомобилистов, бросающих мусор на дороги.

Это подтверждается как материалами нашего опроса, так и данными, полученными из различных корпусов. Обязательное присутствие цели, зафиксированное и в модели управления лексемы, характерно еще для одного французского глагола — *bombarder*:

(11) *Visant le professeur, elle commença à le bombarder de boules de neige.* (frTenTen, SketchEngine)

Увидев профессора, он начал забрасывать его снежками.

Для ситуации избавления от объекта в других рассмотренных нами языках не используются специальные лексические средства. Эта семантика чаще выражается через словообразование (ср. приставочные дериваты *выбрасывать* в русском, *wegwerfen* в немецком или фразовый глагол *throw away* в английском).

Наконец, лексическое выделение может быть обусловлено **множественностью объекта** (ср. бросать в кого-то помидоры). Специальный глагол для такого бросания используется во французском языке — это уже упоминавшийся глагол *bombarder*. Отметим, что множественность объекта, по-видимому, всегда подразумевает наличие цели действия — это имеет место и в случае *bombarder*, модель управления которого предполагает выражение и цели ('бросать в кого'), и объекта во множественном числе ('бросать чем'). В русском языке ситуация с множественным объектом чаще всего лексикализуется глаголом *метать*. Кроме того она может выражаться посредством префиксального маркирования (ср. *забрасывать*, *закидывать*).

4. Каузированное перемещение по воздуху: специфика лексикализации семантического поля

Исследование языкового материала показало, что для лексикализации каузированного перемещения по воздуху могут быть релевантными следующие параметры:

- направление движения
  - сверху вниз
  - снизу вверх
  - по дуге (базовый характер движения, не маркируется отдельным глаголом)
- характеристика объекта
  - единичный vs множественный объект
- способ действия
  - применение силы (в том числе участие всей руки или только ладони)
  - эмоции (бросание как проявление эмоций)
  - легкое движение (без применения силы)
- цель

- попадание в цель (или бросание адресату)
- бросание как избавление от объекта (выбрасывание)

Следует отметить, что в качестве параметров можно было бы выделить и другие особенности ситуации. В частности, изначально в нашу анкету были включены контексты, в которых в качестве каузатора выступает природная сила (например, ветер, бросающий дождевые капли в лицо или судно по волнам). Однако в ходе опроса носителей выяснилось, что во всех языках, кроме русского, подобные ситуации описываются лексемами, не относящимися к семантическому полю бросания, так что на данном этапе мы исключили эти фреймы из нашего анализа. Мы предполагали также, что для лексикализации бросания существенным может оказаться размер и вес перемещаемого объекта, однако ни в одном из исследованных нами языков этот параметр не влиял на выбор лексических средств.

В соответствии с фреймовой методикой обычно результатом анализа языкового материала становится выявление минимальных ситуаций (фреймов), которые могут лексически выделяться в том или ином языке. Исходя из данных, описанных выше, нам необходимо выделить следующие фреймы:

- легкое движение
- множественный объект
- [бросание] в цель
- эмоция + сила
- [бросание] вниз
- [бросание] вверх
- выбрасывание

Приведенный перечень фреймов оказывается, однако, крайне необычным на фоне ранее исследованных полей. Дело в том, что обычно фреймы представляют собой взаимоисключающие ситуации. Так, в зоне плавания (Майсак, Рахилина (ред) 2007) фреймами являются 'активное плавание' (т.е. плавание человека, людей, рыб, птиц и т.д.), 'плавание судов или на судах', 'плавание по течению' (ср. бревно) и 'пассивное плавание' (ср. морковка в супе). Понятно, что этим фреймам соответствуют принципиально разные ситуации: они противопоставлены в первую очередь по типу субъекта и тем самым образуют непересекающиеся множества. В нашем же случае фреймы выделяются по различным основаниям (характеристики объекта в одном случае, эмоциональное состояние субъекта — в другом и т.д.) — так что неудивительно, что многие из фреймов могут воплощаться в рамках одной и той же ситуации: можно, например, бросить что-либо вниз, при этом избавляясь от объекта, или в ярости бросить объект в какую-то цель.

И тем не менее, именно такое множество фреймов отражает принципы устройства зоны бросания в исследованных нами языках. Специальные (т.е. не доминантные) глаголы, которые выделяют тот или иной фрейм в структуре поля, никак не характеризуют ситуацию с точки зрения других ее параметров. Так, если лексема описывает эмоциональное бросание, то для нее обычно нерелевантно, целится ли субъект во что-либо при броске, направляет ли он объект в том или ином направлении и т.д.

Специфика поля определила не вполне привычный для проектов, реализованных в рамках фреймового подхода, формат семантических карт. Получившиеся карты в некоторых отношениях вполне традиционны: как обычно, каждому цвету соответствует определенная лексема того или иного языка, кругами выделены все ситуации, которые могут покрываться этим глаголом. Однако наряду с этим на карту наносится и еще один тип информации: прямоугольниками соответствующего цвета выделяются те ситуации,

которые являются наиболее характерными для данного глагола (ср. фрейм 'эмоция + сила' для русского *швырять*). Посмотреть получившиеся карты можно по ссылке³.

5. Выводы

В данной статье были рассмотрены прототипические ситуации бросания в пяти языках (русском, английском, французском, немецком, финском и эстонском). Всего было рассмотрено 20 различных лексем. На основании полученных данных была составлена карта семантической зоны бросания, точками в которой являются наиболее важные параметры, которые учитываются языком при лексикализации каузированного перемещения по воздуху.

Поле каузированного перемещения по воздуху является нестандартным по сравнению с зонами, ранее исследованными в рамках фреймового подхода к лексической типологии. Специфика рассмотренного поля заключается, во-первых, в тенденции к доминантности: во всех языках выделяется один глагол, который покрывает все или почти все типы ситуации бросания. Во-вторых, фреймы, которые задают лексем с более специальной семантикой, не образуют взаимоисключающих ситуаций — тем самым для отражения структуры поля на семантической карте потребовалась модификация их традиционного формата.

В ходе дальнейшего исследования предполагается сопоставить результаты, полученные в настоящей работе, с данными других языков, а также включить в анализ переносные значения лексем изучаемого поля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян 1974 — Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

2. Круглякова 2010 — Круглякова В.А. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс. к.ф.н. РГГУ, М., 2010.

3. Майсак, Рахилина (ред) 2007 — Майсак Т.А., Рахилина Е.В. (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология // Индрик. М., 2007

4. Рахилина, Резникова 2013 — Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии. // Вопросы языкознания № 2. М., 2013.

5. Kopecka, Narasimhan 2012 — Kopecka A., Narasimhan B. Events of Putting and Taking: A Crosslinguistic Perspective // John Benjamins Publishing, 2012.

6. Majid, Bowerman 2007 — A. Majid et al. The semantic categories of cutting and breaking events: A crosslinguistic perspective // Cognitive Linguistics, 2007.

Reznikova, Vyrenkova 2015 — Reznikova T. I., Vyrenkova A. Semantics of Falling: A Cross-Linguistic Approach // Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP. – 2015. — Т. 40.

---

³ <https://dochub.com/elizavetaivtushok/b1JBzN/lextypmap2016.pdf>

СЕМАНТИКА ХАНТЫЙСКИХ ПОЗИЦИОННЫХ ПРЕДИКАТОВ¹

1. Предмет исследования

1.1 Позиционные предикаты

Данная статья выполнена в рамках фреймового подхода к лексической типологии, предложенного Московской лексико-типологической группой под руководством Е. В. Рахилиной и Т. И. Резниковой и предполагающего системный типологический анализ различных семантических полей путем исследования сочетаемостных свойств лексики (см. подробнее [1]). Исследование, о котором пойдет речь, затрагивает глаголы, описывающие позицию субъекта и аналогичные по прототипическому употреблению русским *сидеть*, *стоять*, *лежать* и *висеть*. Типологически это поле изучено достаточно подробно, см., например, [2-3; 4: с. 288–312; 5-7].

Перечисленные выше типологические работы о глаголах позиции выявили немало противопоставлений, организующих эту семантическую зону в разных языках. Так, часто развивается детальная категоризация позиций человека ('сидеть', 'стоять', 'лежать'). Для многих систем важен параметр ориентации субъекта (вертикальная / горизонтальная / отсутствие явной ориентации): так, русский глагол *стоять* отвечает за вертикальную ориентацию (ср. стоящий столб), а глагол *лежать* – за горизонтальную ориентацию (ср. лежащая на земле лопата). Кроме того, в некоторых системах ситуации висения описываются тем же предикатом, что и ситуации стояния: в этих случаях стирается различие между опорой снизу vs. сверху (значимое для языков типа русского с противопоставлением глаголов 'стоять' vs. 'висеть'). В некоторых случаях оказывается значима плотность контакта субъекта и внешней среды, ср. употребление русского *сидеть* в контекстах вида *Гвоздь плотно сидит в стене*. Помимо перечисленных пространственных характеристик ситуации, для поля позиции важен нелокативный параметр функциональности. Так, в русском языке блюдо *стоит* на столе, будучи в функциональной позиции (и не имея при этом вертикальной ориентации), и *лежит* в чемодане, не выполняя в этом случае своей основной функции (подробный анализ параметра функциональности см. в [4] применительно и к глаголам позиции, и к целому ряду других семантических зон).

Помимо непереходных глаголов позиции, мы рассматриваем и употребление их переходных коррелятов (ср. рус. *ставить*, *сажать*, *класть*, *вешать*). Эти глаголы изучались в лексической типологии, но пока в меньшем масштабе, см. в первую очередь [8]. Вместе с тем изучение переходных глаголов помещения объекта куда-л. пока что велось независимо от исследования непереходных глаголов позиции. Попытки их сопоставительного исследования, однако, выявляют точки асимметрии в устройстве этих двух зон, не сводящихся просто к наличию / отсутствию явно выраженного каузатора ситуации, см. [9-10] о коми-зырянском материале. Поэтому в нашей работе мы рассматриваем переходные глаголы на фоне их непереходных коррелятов, фокусируясь именно на расхождениях в семантической категоризации двух этих зон.

1.2 Хантыйский язык

В статье анализируется материал хантыйского языка (угорские ← финно-угорские ← уральские). Хантыйский язык характеризуется исключительно высокой диалектной раздробленностью. В настоящем исследовании рассматриваются в первую очередь данные шурышкарского диалекта, относящегося к западной диалектной группе.

Основной материал собран в ходе полевой работы автора в с. Овгорт Шурышкарского района ЯНАО в 2016 г. Опрошенные информанты являются

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ № 14-04-00476. Автор благодарит М. А. Живлова за консультацию по вопросам диахронии, релевантным для настоящего исследования. Любые недостатки этой статьи, включая возможные неточности в изложении и интерпретации данных вопросов, находятся полностью в сфере ответственности автора статьи.

носителями сынского говора шурышкарского диалекта, а также близких говоров некоторых сопредельных территорий. Отдельные данные были собраны в том же районе в с. Восяхово (2012 г.) и в с. Мужы (2016 г.). Идиомного варьирования рассматриваемой семантической зоны в нашем полевом материале не выявлено. Хантыйский язык в рассматриваемых идиомах хорошо сохранен у представителей старшего поколения (с ними в первую очередь и велась работа), а также у многих представителей среднего поколения. Дети на хантыйском языке, как правило, не говорят (за исключением в основном детей из оленеводческих семей).

Помимо полевого материала, в статье учитываются данные хантыйских словарей. Прежде всего, это словарь [11] с обильным массивом примеров, иллюстрирующих употребление глаголов шурышкарского диалекта. Кроме того, нами использовались словарь шурышкарского и приуральского диалектов [12], словари близкого казымского диалекта [13-14], а также диалектный словарь [15].

2. Непереходные глаголы

В этом разделе мы рассмотрим непереходные глаголы позиции: *lɔjtɪ*, *ɔmɔsti* и *oltɪ*. В первую очередь мы обсудим прототипы употребления каждого из них, а затем опишем зоны их конкуренции.

2.1 Глагол *oltɪ*: прототип

Глагол *oltɪ* выражает значение ‘лежать’, применяясь к человеку (1) или крупным животным (например, собаке, кошке, оленю).

(1) *ma ike-m nori-j-ən ol-əl*
я муж-1SG нары-ST-LOC лежать-NPST
perək luŋət-əl.
бумага читать-NPST

‘Мой муж на нарах **лежит**, газету читает’

Как и русское ‘лежать’, эта лексема применима и к предметам горизонтальной ориентации. Глаголом *oltɪ* описываются лежащие на столе нож (2) или ложка, лежащая на земле срубленная береза, лежащая на полу лопата или ягушка (хантыйская меховая шуба).

(2) *p̄asan elti ol-əl keši.*
стол поверхность лежать-NPST нож

‘На столе **лежит нож**’

2.2 Глагол *ɔmɔsti*: прототип

Глагол *ɔmɔsti* выражает семантику ‘сидеть’ по отношению к человеку или животным (включая также птиц и насекомых):

(3) *pox ɔmɔs-əl ūlas-ən.*
мальчик сидеть-NPST стул-LOC

‘Мальчик **сидит** на стуле’

(4) *miw xoś-a ɔmɔs-əl p̄irəm.*
земля на-DAT сидеть-NPST овод

‘На земле **сидит овод**’

Интересно также, что по отношению к оленям, коровам, лошадям этот глагол значит ‘рожать, приносить потомство’, как в (5).

(5) *ule-m ɔmɔs-əl.*
олень-1SG сидеть-NPST

‘Олениха **телится** (букв.: сидит)’

Кроме того, глагол *ɔmɔsti* соответствует русскому ‘стоять’ в тех контекстах, где речь идет о не вытянутых вертикально предметах в устойчивой функциональной позиции: например, он характеризует стоящую на столе чашку (6), тарелку или миску, стоящее на печке ведро, устанавливаемые охотниками ловушки на птиц. В том числе, глагол *ɔmɔsti* описывает и предметы с ножками (7), для которых мы могли бы ожидать

глагола *lɔjti* ‘стоять’ вследствие метафорического уподобления человеку и крупным животным (см. в частности [5: с. 255]).

(6) *pǎsan-ən*   *ɔmɔs-əl*   *ʃaj*   *an*.
 стол-LOC   сидеть-NPST   чай   чашка

‘На столе **стоит** чашка’

(7) *pǎsan*   *ɔmɔs-əl*   *iʃni*   *puŋəl-ən*.
 стол   сидеть-NPST   окно   бок-LOC

‘Стол **стоит** у окна’

В тех случаях, когда позиция предмета неестественна для его нормального функционирования, глагол *ɔmɔsti*, как правило, не используется. Так, в (8) чашка, перевернутая вверх дном, наиболее адекватно описывается обсуждавшимся выше глаголом *olti*, а не глаголом *ɔmɔsti*. Лежащая в мешке чашка (9) тоже характеризуется глаголом *olti*, поскольку данная позиция не является нормальной для ее обычного функционирования.

(8) *ʃaj*   *an*   *xomta*   *ol-əl*
 чай   чашка   ничком   лежать-NPST
 /   *ʔxomta*   *ɔmɔs-əl*   *pǎsan-ən*.
 ничком   сидеть-NPST   стол-LOC

‘Чашка **стоит** вверх дном на столе’

(9) *an*   *xir*   *lipi-j-ən*   *ol-əl*.
 чашка   мешок   внутренность-ST-LOC   лежать-NPST

‘Чашка в мешке **лежит**’

2.3 Глагол *lɔjti*: прототип

Глагол *lɔjti* имеет значение ‘стоять’ (о человеке или крупных животных):

(10) *miŋ*   *xət-ew*   *puŋəl-ən*   *xī*   *lɔj-əl*.
 мы   дом-1PL   бок-LOC   мужчина   стоять-NPST

‘Около нашего дома мужчина **стоит**’

Он же применяется к позиции субъектов, существенно вытянутых вертикально. В (11) речь идет о хорее (длинном шесте, с помощью которого погоняют оленей в упряжке), закрепленном в земле и установленном вертикально для проведения соревнований по одному из национальных видов спорта – метанию аркана на хорей. В (12) глагол *lɔjti* использован по отношению к лопате, в (13) – по отношению к растущему дереву (в последнем случае естественен и глагол *enɔmti* ‘расти’).

(11) *lɔj-ti*   *suw-a*   *tinśaŋ*   *jɔwəl-l-a*.
 стоять-IPFV.PART   хорей-DAT   аркан   бросать-NPST-PASS

‘На стоящий хорей метают аркан’

(12) *karsǎr lɔj-əl*   *xət*   *śūŋ-ən*.
 лопата-стоять-NPST   дом   угол-LOC

‘Лопата **стоит** в углу дома’

(13) *ta*   *xət-em*   *pitər-ən*   *enm-əl /*   *ok lɔj-əl*
 я   дом-1SG   край-LOC   расти-NPST   стоять-NPST

pǎl   *sumət*.
 высокий   береза

‘Около моего дома растет / **стоит** высокая береза’

Помимо употреблений в значении ‘стоять’ по отношению к одушевленным субъектам и к вертикально вытянутым неодушевленным предметам, глагол *lɔjti* имеет и значение ‘висеть’. Топологический тип подвеса может быть самым разным: гвоздь или иной подобный «стержень» (14), вытянутый в длину предмет (как веревка в (15)), поверхность (16).

(14) *karthuk-ən*   *lɔj-əl*   *mǎlsaŋ*.
 гвоздь-LOC   висеть-NPST   малица

‘На гвозде **висит** малица’

- (15) *keł-ən*   *łj-ət*   *sǎx.*
 веревка-LOC висеть-NPST ягушка
 ‘На веревке **висит ягушка** (хантыйская меховая шуба)’
- (16) *xət*   *puŋəl-ən*   *xor*   *łj-ət.*
 дом бок-LOC рисунок висеть-NPST
 ‘На стене (букв.: На боку дома) **рисунок висит**’

В связи с наблюдаемым сосуществованием семантики ‘стоять’ и ‘висеть’ у одного и того же глагола встают любопытные диахронические вопросы. Если мы посмотрим на данные близкого казымского диалекта (в частности, по [14: с. 155-156]), то мы увидим, что в этом диалекте значение ‘стоять’ выражается лексемой *łl'ti* / *łl'si*, а значение ‘висеть’ – лексемой *łjiti*. В [15: с. 721; 759] для лексем *łl'ti* / *łl'si* и *łj(i)ti* приводится разная система соответствий в хантыйских говорах (что указывает и на различное происхождение этих лексем). В то же время, в [15: с. 721] для исследуемых нами говоров и для некоторых близких говоров тоже отмечена полисемия *łj(i)ti* как ‘стоять’ & ‘висеть’. Согласно личному сообщению М. А. Живлова, глагол *łl'ti* / *łl'si* восходит к прахантыйскому **Lāl'*- ‘стоять’, а глагол *łj(i)ti* к прахантыйскому **lāj-* ‘висеть’. В дальнейшем в исследуемых говорах произошла контаминация двух этимологически не связанных корней: глагол **lāj-* ‘висеть’ приобрёл значение ‘стоять’, вытеснив тем самым рефлекс **Lāl'*- ‘стоять’.

Тем самым, совмещение значений ‘стоять’ и ‘висеть’ у глагола *łjiti* в шурышкарском диалекте в исторической перспективе более правомерно, с нашей точки зрения, считать омонимией, поскольку значение ‘стоять’ не мотивировано в данном случае каким-либо развитием значения ‘висеть’, а приобретено от фонетически близкого глагола. С другой стороны, такое совмещение отражает типологически засвидетельствованную модель полисемии (см. в частности [7]), поэтому нельзя однозначно утверждать и его полную случайность.

2.4 Зоны конкуренции

Выше нами были рассмотрены прототипы употреблений хантыйских позиционных предикатов. Далее мы обсудим случаи конкуренции между разными интерпретациями одного глагола либо между разными глаголами.

2.4.1 Интерпретации глагола *łjiti*

Глагол *łjiti*, как обсуждалось ранее, может выражать значения ‘стоять’ и ‘висеть’. Поскольку оба эти значения логически возможны для многих типов субъектов, возникает вопрос о том, как происходит их разграничение.

Для артефактов выбор между двумя значениями определяется свойствами контекста или экстралингвистической ситуации. Так, пример (17) вне более широкого контекста допускает обе интерпретации глагола *łjiti*:

- (17) *karsǎr*   *kamən*   *łj-ət.*
 лопата на.улице стоять/висеть-NPST
 ‘Лопата на улице **стоит / висит**’

Примеры (18) и (19), записанные от одного и того же носителя, соответствуют разным контекстам и получают разные интерпретации: в (18) описываются снятые человеком и поставленные у двери сапоги, а в (19) эксплицитно задана в преконтексте идея подвешивания, в силу чего глагол *łjiti* интерпретируется здесь уже как ‘висеть’.

- (18) *əw*   *puŋəl-ən*   *səpek-ət*   *łj-t-ət.*
 дверь бок-LOC сапог-PL стоять-NPST-PL
 ‘У двери сапоги **стоят**’
- (19) *keł-ən*   *nox*   *tǎxər-man,*   *səpek-ət*   *łj-t-ət.*
 веревка-LOC вверх вешать-CONV сапог-PL висеть-NPST-PL

‘На веревке подвешенные, сапоги висят’²

Пример (20) может в идиолекте одного и того же носителя иметь две интерпретации: во второй из них он сочетает в себе и семантику ‘стоять’, и семантику ‘висеть’, распределяя ее по разным субъектам.

(20) *xət-ən*   *səpek-ət*   *pa*   *sāx-ət*   *lɔj-t-ət.*
дом-LOC   сапог-PL   и   ягушка-PL   стоять/висеть-NPST-PL

1). ‘В доме **висят сапоги** и **ягушки**’

2). ‘В доме **стоят сапоги** и **висят ягушки**’

Иначе устроен выбор интерпретаций глагола *lɔjti* для названий частей тела – конкретно, ушей и хвоста собаки. Глагол *lɔjti* дефолтно интерпретируется здесь как ‘стоять, торчать’: именно такое понимание однозначно приписывается носителями языка примеру (21).

(21) *ap*   *pāl-ət*   *lɔj-t-ət.*
собака   ухо-PL   стоять-NPST-PL

‘Уши собаки торчат вверх (букв.: стоят)’

Интерпретация ‘висеть’ может в этом контексте возникать у глагола *lɔjti* только при добавлении наречия с семантикой ‘вниз’, как в (22). Кроме того, интерпретация ‘стоять, торчать’ может быть усилена наречием с семантикой ‘вверх’ (23), семантических различий между примерами (21) и (23) при этом не выявляется.

(22) *ap*   *pāl-ət*   *illi*   *lɔj-t-ət.*
собака   ухо-PL   вниз   стоять-NPST-PL

‘Уши собаки свисают вниз (букв.: вниз стоят)’

(23) *ap*   *pāl-ət*   *noxli*   *lɔj-t-ət.*
собака   ухо-PL   вверх   стоять-NPST-PL

‘Уши собаки торчат вверх (букв.: вверх стоят)’

2.4.2 Конкуренция глаголов *lɔjti* и *ɛməsti*.

Как было сказано выше, выбор глаголов *lɔjti* и *ɛməsti* по отношению к неодушевленным субъектам определяется параметрами вертикальной ориентации и функциональности. Вертикально вытянутые предметы (как шест или дерево) характеризуются глаголом *lɔjti*, тогда как не вытянутые вертикально предметы в функциональном положении (например, чашка, тарелка на столе) будут описаны уже глаголом *ɛməsti*. Здесь возникает вопрос о том, какой глагол будет выбран для удлиненных в вертикальном измерении предметов, которые находятся в функциональной позиции: бутылки на столе, бочки около дома, сапог у двери и т. п.

Наши данные показывают, что предпочтительным в таких случаях будет глагол *ɛməsti* – тем самым, на первом плане оказывается функциональная семантика. Некоторые (но не все) носители, вместе с тем, допускают в этих случаях и употребление глагола *lɔjti*. Можно предположить, что в этом случае, с одной стороны, значим фактор более выраженной вертикальной ориентации субъекта по сравнению с такими объектами, как чашка или тарелка. С другой стороны, нельзя полностью исключать и влияния русской системы, где все эти субъекты сочетаются с глаголом *стоять*. Иллюстрации приведены в (24) – (25).

(24) *pāsən* *ɔləŋ-ən*   *kewan*   *ɛməs-ət*   *lɔj-ət.*
стол   край-LOC   бутылка   сидеть-NPST   стоять-NPST

‘На столе **стоит бутылка**’

(25) *katən*   *ɛməs-ət*   *lɔj-ət*   *karti*   *pūška.*
на.улице   сидеть-NPST   стоять-NPST   железо   бочка

‘На улице **стоит железная бочка**’

² Заметим, вместе с тем, что глагол *lɔjti* не во всех идиолектах применим к такому объекту, как сапоги, см. раздел 2.4.2 В данном случае более общая проблема иллюстрируется примером из такого типа идиолектов, который допускает для глагола *lɔjti* данную сочетаемость.

Еще один класс субъектов, для которого возникает конкуренция между лексемами *lɔʒti* и *ɔmɔsti*, – это названия жилых строений. Для носителей хантыйского языка это дом (*xɔt*) и чум, называемый тем же словом *xɔt* либо словосочетаниями *uli xɔt* (букв.: олений дом), *ūr xɔt* (букв.: ненецкий дом). Позиция дома описывается в исследуемых хантыйских идиомах глаголом *ɔmɔsti*, но не глаголом *lɔʒti* (и интересно также, что некоторые из носителей связывают такой выбор с большей устойчивостью и более постоянным местоположением дома по сравнению с чумом). В свою очередь, по отношению к чуму используется уже глагол *lɔʒti*. В данном случае не исключен метонимический сдвиг: позиция всего чума описывается тем же глаголом, что и позиция вертикально вытянутых шестов, образующих основу чума, – во всяком случае, таковы были комментарии многих информантов об этом контексте. Примеры того, как характеризуется позиция строений, можно увидеть в (26) – (27). Пример (26) при использовании глагола *ɔmɔsti* однозначно понимается носителями языка так, что речь идет о поселковом доме; если же использовать в этом примере глагол *lɔʒti*, то он будет интерпретироваться уже как относящийся к чуму (но не к поселковому дому). В примере (27), где сам субъект четко обозначает чум, употребить глагол *ɔmɔsti* нельзя. Интересно также, что местоположение населенных пунктов описывается как глаголом *lɔʒti*, так и глаголом *ɔmɔsti* без какой-либо разницы в значении (28): тем самым, в ситуации большой совокупности жилых строений и других сопутствующих артефактов различие между конкретными типами строений стирается.

(26) *muŋ xɔt-ew ɔmɔs-əl /lɔʒ-əl ūt pitər-ən.*
мы дом-1PL сидеть-NPST стоять-NPST лес край-LOC

‘Наш дом / чум **стоит** около леса’

(27) *muŋ ūr xɔt-ew as sił-ən*
мы лес дом-1PL Обь край-LOC

lɔʒ-əl /*ɔmɔs-əl.
стоять-NPST сидеть-NPST

‘Наш чум (букв.: ненецкий дом) **стоит** около Оби’

(28) *əw kūrɫ lɔʒ-əl /ɔmɔs-əl šǎŋa*
устье поселок стоять-NPST сидеть-NPST Сыня

joxan pitər-ən.
река край-LOC

‘**Овгорт** **стоит** на берегу реки Сыня’

Наконец, конкуренция между глаголами *lɔʒti* и *ɔmɔsti* возникает при описании транспортных средств, в частности стоящей у берега лодки. Дефолтно в таких случаях (см. (29)) используется глагол *ɔmɔsti*, однако некоторые (не все) опрошенные нами носители допускают и глагол *lɔʒti*, акцентируя идею остановки лодки.

(29) *joxan pitər-ən xɔp ɔmɔs-əl /lɔʒ-əl.*
река край-LOC лодка сидеть-NPST стоять-NPST

‘У берега реки **стоит лодка**’

Интересно, что в форме прошедшего времени глагол *lɔʒti* используется в значении ‘остановиться’ – такие примеры отмечены и в наших полевых данных (30), и в литературе (31). В форме не прошедшего времени такие употребления нами не отмечались, однако более широкого исследования видо-временных свойств хантыйских глаголов позиции также пока не проводилось.

(30) *xɔp uti lɔʒ-əs.*
лодка к.берегу стоять-PST

‘**Лодка** **остановилась** (букв.: к берегу остановилась)’

(31) *kew ilpi-j-ən lɔʒ-s-əw.*
камень под-ST-LOC стоять-PST-1PL

‘Под горой **остановились**’ [11: с. 76]

Заметим здесь, наконец, что глагол *olti* ‘лежать’, употребляясь по отношению к лодке, описывает нефункциональную позицию (что в целом хорошо коррелирует с его нефункциональной семантикой). Информанты, как правило, отмечают в таких случаях (см., например, (32)), что лодка расположена вверх дном.

(32) *xūl paj-ən katra xɔp ol-əl.*
ель куча-LOC старый лодка лежать-NPST

‘В ельнике **лежит** старая лодка’

3. Семантические сдвиги

3.1 Глагол *lɔjti*

Глагол *lɔjti* имеет широкий спектр употреблений, объединенных идеей плотного контакта субъекта с поверхностью или с какой-либо средой. Так, он может описывать ложку в густой каше, ягоды на ветке или родинку на щеке, в этих случаях сохраняя прозрачную связь с прототипическими употреблениями в значениях ‘стоять’ и ‘висеть’. Но, кроме того, *lɔjti* применяется и в контекстах, более далеких от прототипа, ср. описание гвоздя в стене (33), кольца на пальце или сжатых когтей зверя (34).

(33) *kartluk takan pawərt-ən lɔj-əl /*məs-əl.*
гвоздь крепко бревно-LOC стоять-NPST сидеть-NPST

‘Гвоздь крепко **сидит** (букв.: стоит/висит) в стене’

(34) *kunškar-l-əl pəxla lɔj-l-əl.*
коготь-PL-3SG вместе стоять-NPST-3PL

‘Когти (зверя) **сжаты**’ [11: с. 77]

Интересно при этом, что положение одежды на человеке может описываться как глаголом *məsti*, так и глаголом *lɔjti*. Иногда информанты предлагают здесь: противоположные реакции, ср. примеры (35) – (36), записанные от двух разных носителей. В случаях типа (36) нельзя полностью исключать и влияния русского языка, где в таком контексте используется именно глагол *сидеть*.

(35) *nāŋ sāx-en nāŋ-en jām-a*
ты ягушка-2SG ты-2SG хороший-ADV

lɔj-əl /*məs-əl.
стоять/висеть-NPST сидеть-NPST

‘Твоя ягушка тебе хорошо **подходит** (букв.: стоит/висит)’

(36) *jernas nāŋ-en jām-a*
платье ты-2SG хороший-ADV

məs-əl / *lɔj-əl.
сидеть-NPST стоять/висеть-NPST

‘Платье на тебе хорошо **сидит**’

Идея плотного контакта распространяется и на некоторые метафорические расширения глагола *lɔjti*, где он описывает устойчивую позицию какой-либо сущности. Так, именно эту семантику он выражает в сочетаниях с субъектом, обозначающим газообразное вещество (дым в воздухе, туман, ср. (37)). Кроме того, глаголом *lɔjti* характеризуется положение звезд на небе (38) – здесь, впрочем, нельзя исключать метафору от значения ‘висеть’.

(37) *xət lipi-j-ən pūsəŋ lɔj-əl /*məs-əl.*
дом внутренность-ST-LOC дым стоять-NPST сидеть-NPST

lal-ti lawərt.
дышать-IPFV.PART трудный

‘В доме дым **стоит**, трудно дышать’

(38) *nom-ən tūrəm-ən lɔj-əl /*məsəl*
север-LOC небо-LOC стоять-NPST сидеть-NPST

xūsəl ɔləŋ xūs.
заря край звезда

‘На севере на небе **находится** (букв.: стоит/висит) Полярная звезда (букв.: звезда края зари)’

3.2 Глагол *olti*

Глагол *olti* имеет в обследованных идиомах как значение ‘лежать’, так и значение ‘спать’, см. пример реализации последнего в (39). Такая полисемия хорошо укладывается в общую идею нефункциональности, характерную и для собственно позиционных употреблений глагола *olti*.

(39) хожат *ol-əl*, *nox at kilt-i*.
 человек спать-NPST вверх PRON будить-IMP

‘Человек **спит**, не буди’

Однозначно говорить о первичности одного из значений ‘лежать’ либо ‘спать’ для хантыйского *olti* не представляется возможным, поскольку эта полисемия возводится в базе данных Starling на прауральский уровень. Она отмечена в базе для корня *oda, рефлексy которого в разных языках реализуют либо оба этих значения, либо одно из них.

Что же касается конкуренции этих двух значений в современном хантыйском языке, то выбор между ними определяется экстралингвистическим контекстом, в некоторых случаях глагол *olti* может пониматься неоднозначно. Так, в (40) он означает ‘спать’, поскольку используется в сочетании с другим глаголом позиции, в (41) – ‘лежать’, поскольку контекст предполагает действие, невозможное во сне, а в (42) может иметь оба значения.

(40) *aše-n* *əməs-man* *ol-əl*.
 отец-2SG сидеть-CONV спать-NPST

‘Папа **спит** сидя’

(41) *aše-n* *ol-man* *nepek* *tuŋət-əl*.
 отец-2SG лежать-CONV бумага читать-NPST

‘Папа **лежа** читает газету’

(42) *aše-n* *ol-man* *potər-ł*.
 отец-2SG лежать/спать-CONV говорить-NPST

1). ‘Папа разговаривает **во сне**’

2). ‘Папа разговаривает **лежа**’

4. Переходные глаголы

Перейдем теперь к рассмотрению переходных глаголов смены позиции объекта, сосредоточившись на точках их асимметрии с непереходными глаголами позиции.

Глагол *əməsti* является в обследованных хантыйских идиомах лабильным, а глаголу *olti* системно соответствует глагол *pon̄ti* ‘класть’. Несимметричность возникает в случае глагола *łj̄ti*: в значении ‘стоять’ его коррелятом является глагол *łs̄ti* ‘ставить’, а в значении ‘висеть’ – глагол *t̄x̄ərt̄ti* ‘вешать’, см. (43) – (46).

(43) *muŋ* *ūr* *xət-ew* *as* *sil-ən*
 мы ненец дом-1PL Обь край-LOC

łs̄s-s-ew.

ставить-PST-1PL.S:SG.O

‘Мы **поставили** наш чум около Оби’

(44) *s̄əx-em* *t̄x̄ər-s-em* *karluŋk-a*.
 ягушка-1SG вешать-PST-1SG.S:SG.O гвоздь-DAT

‘Ягушку повесила на гвоздь’

(45) *xət* *puŋəl-a* *t̄x̄ərt-i* *nepek*.
 дом бок-DAT вешать-IMP бумага

‘На стену **повесь** плакат (букв.: бумагу)’

(46) *xət* *puŋəl-a* *łs̄s-i* *nepek*.
 дом бок-DAT ставить-IMP бумага

‘К стене **поставь** плакат (в свернутом виде)’

Глагол *tǎxǎrtti* используется также в непереходных конструкциях, описывающих позицию объекта – в форме деепричастия в сочетании либо с глаголом *ūlti* ‘быть’ (47), либо с глаголом *lǎjti* ‘стоять, висеть’ (48).

(47) *kew* *put* *tǎxǎr-man* *ūl*
 Камень котел вешать-CONV быть.NPST

tut *sil-ən.*
 огонь край-LOC

‘Котелок **подвешен** у костра’

(48) *kel-ən* *tǎxǎr-man* *lǎj-ət* *sǎx.*
 веревка-LOC вешать-CONV висеть-NPST ягушка

‘На веревке **подвешена** ягушка’

Используются такие конструкции только в ситуациях с закадровым Агенсом – что ожидаемо, учитывая наличие в их составе агентивного глагола *tǎxǎrtti* ‘вешать’. Так, в примере (49) конструкция с *tǎxǎrman* невозможна в силу отсутствия Агенса в этом фрейме.

(49) **ap* *pǎl-ət* *tǎxǎr-man* *lǎj-l-ət.*
 собака ухо-PL вешать-CONV висеть-NPST-3PL

Ожидаемое значение: ‘Уши собаки **висят**’

Для переходных глаголов помещения объекта важно еще одно семантическое измерение: происходит ли перемещение объекта с места на место без изменения типа позиции (например, если мы переставляем стул куда-то) либо меняется тип позиции объекта (например, если мы ставим упавший стул). В хантыйском языке такие семантические нюансы могут уточняться провербами, ср. использование обычного глагола *əmǎsti* (с фонетическим чередованием *m/p* в корне) в (50) и добавление к нему проверба в (51).

(50) *tǎm* *ūlas* *əps-i* *išni* *puŋət-a.*
 этот стул ставить-IMP окно бок-DAT

‘Этот стул поставь к окну’ (стул уже стоял)

(51) *ūlas* *nox* *əps-i.*
 стул вверх ставить-IMP

‘Стул **поставь** (букв.: вверх поставь)’ (стул до этого упал)

Что касается морфологического и диахронического соотношения глагола *lǎsti* с его непереходным коррелятом *lǎjti*, то синхронной морфологической производности между этими глаголами не выделяется. Исторически, по сообщению М. А. Живлова, глагол *lǎsti* восходит к прахантыйскому **Lāñć-* ‘ставить, воткнуть’ (< прауральское **sañća-* ‘стоять’), этимологически не связанному с *lǎjti* (как и не связанному с казымским *lǎl’ti* / *lǎl’si*). Из этих данных, кроме того, логично вытекает, что семантический параллелизм между глаголами *lǎsti* и *lǎjti* в шурышкарском диалекте затрагивает только значения ‘стоять’ – ‘ставить’ (но не значения ‘висеть’ – ‘вешать’).

Исторически реконструируемое значение ‘воткнуть’ присутствует у глагола *lǎsti* и в современных исследованных нами хантыйских говорах. Заметим, вместе с тем, что оно не предполагает обязательной вертикальной ориентации объекта. Так, пример (52) применим в ситуации, когда оленевод втыкает нож в еще теплое мясо забитого оленя (чтобы на ноже не скапливалось замерзшее постороннее вещество), и нож в этом случае может приобретать и не вертикальную позицию.

(52) *keše-l* *ñoxa-j-a* *lǎñś-əs.*
 нож-3SG мясо-ST-DAT воткнуть-PST

‘Нож в мясо **воткнул**’

5. Некоторые итоги

Рассмотрение хантыйских позиционных предикатов принесло нам следующие результаты.

Для хантыйской системы значимы параметры вертикальной ориентации, функциональности и плотного контакта, организующие эту семантическую зону и во многих других языках. Отметим при этом, что глагол с семантикой 'стоять' жестко связан именно с идеей вертикальной ориентации, тогда как семантика функциональной позиции (прототипически для предметов, не вытянутых вертикально) передается глаголом 'сидеть'. Глагол 'лежать' отвечает за нефункциональную позицию и за горизонтальную ориентацию, показательно и выражение этим же глаголом значения 'спать'. Наконец, в обследованных идиомах стирается противопоставление закрепления субъекта снизу ('стоять') и сверху ('висеть'): оба эти значения передаются в непереходной зоне одним и тем же предикатом – *lɔjti*.

Хантыйский материал демонстрирует, кроме того, семантическую асимметрию непереходных глаголов позиции и переходных глаголов помещения объекта. В непереходной зоне значения 'стоять' (о вертикально вытянутом субъекте) и 'висеть', как было сказано выше, выражаются одним и тем же глаголом *lɔjti*. Однако в переходной зоне соответствующие им значения 'ставить' (о вертикально вытянутом объекте) и 'вешать' выражаются разными глаголами – *lɔsti* и *təxərtti* соответственно. Асимметрия этих семантических зон отмечена нами и в зауральских говорах ижемского коми (см. подробный анализ в [9-10]). В непереходной зоне коми-ижемский глагол *сулооны* 'стоять' описывает и позицию вертикально вытянутых субъектов (например, шеста для чума), и функциональную позицию не вытянутых вертикально субъектов (например, чашки на столе). В свою очередь в переходной зоне, если речь идет об объектах типа шеста, ему соответствует морфологически связанный с ним глагол *суутэдны* 'ставить', а к объектам типа чашки относится уже не глагол *суутэдны*, а глагол *пуктыны* 'ставить, класть'. При этом морфологически глагол *пуктыны* связан с глаголом *пукооны* 'сидеть', который, однако, не описывает позицию субъектов типа чашки³. Такие примеры указывают на необходимость сопоставительного типологического изучения глаголов позиции и глаголов помещения объекта, а также более широкое привлечение к анализу переходных глаголов в тех лексико-типологических проектах, где пока рассматриваются только непереходные глаголы (ср., например, [17]).

Наконец, проведенное нами исследование свидетельствует о том, что к лексико-типологическим проектам должны более активно привлекаться диахронические данные. На синхронном уровне нами была зафиксирована полисемия 'стоять' & 'висеть' (для глагола *lɔjti*). Диахронически, однако, эта полисемия сложилась в результате контаминации значений двух этимологически не связанных глаголов, что следует различать с теми случаями, когда наличие у лексемы значения 'а' само по себе дает толчок к развитию у нее значения 'б'. Внимательный учет подобных процессов, несомненно, важен для эмпирической адекватности лексико-семантического исследования, а построение их описательной и объяснительной типологии могло бы стать любопытной теоретической задачей.

Список глосс

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; ADV – адвербиализатор; CONV – деепричастие; DAT – датив; IMP – императив; IPFV – имперфектив; LOC – локатив; NPST – непрошедшее время; O – объект; PART – причастие; PASS – пассив; PL – множественное число; PRON – прохибитив; PST – прошедшее время; S – субъект; SG – единственное число; ST – косвенная основа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии / Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова // Вопросы языкознания. № 2, 2013. С. 3–31.

³ Кроме некоторых узко локализованных случаев калькирования с ненецкого языка, отмеченных далеко не во всех говорах, см. подробнее [10; 16].

2. Newman J. (ed.) *The linguistics of sitting, standing and lying*. Amstersam, Philadelphia: John Benjamins, 2002. – 409 pp.
3. Ameka F. K., Levinson S. C. (eds.) *The typology and semantics of locative predication: posturals, positionals and other beasts*. Special issue of *Linguistics* 45 (5), 2007.
4. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. М.: Русские словари, 2008. – 416 с.
5. Рыжова Д. А., Кюсева М. В. ‘Сидеть’, ‘стоять’, ‘лежать’: локативная предикация в кабардино-черкесском языке / Д. А. Рыжова, М. В. Кюсева // *Проблемы лексико-семантической типологии: сборник научных трудов* / под ред. А. А. Кротова. Вып. 2. – Воронеж: ВГУ, 2013. С. 253–274.
6. Рыжова Д. А., Кюсева М. В., Кожемякина А. Д. ‘Сидеть’, ‘стоять’, ‘лежать’: типология локативной предикации / Д. А. Рыжова, М. В. Кюсева, А. Д. Кожемякина // *Матеріали Українсько-російської школи-конференції молодих учених «Сучасні дослідження мови та літератури»* Донецьк: ДонНУ, 2014. С. 235–237.
7. Кожемякина А. Д., Кюсева М. В., Рыжова Д. А. ‘Сидеть’, ‘стоять’, ‘лежать’: типология локативной предикации / А. Д. Кожемякина, М. В. Кюсева, Д. А. Рыжова // *Одиннадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 27 – 29 ноября 2014 г.)* / Отв. ред. О. В. Кузнецова. – СПб: Нестор-История, 2014. С. 83–85.
8. Корецка А., Narasimhan B. (eds.) *Events of ‘putting’ and ‘taking’: a cross-linguistic perspective*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2012. – 371 pp.
9. Кашкин Е. В. Глаголы позиции и их переходные корреляты: данные коми-зырянского языка / Е. В. Кашкин // *Одиннадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 27-29 ноября 2014 г.)* / Отв. ред. О. В. Кузнецова — СПб: Нестор-История, 2014. С. 73–75.
10. Кашкин Е. В. Глаголы позиции и их переходные соответствия в ижемском диалекте коми-зырянского языка / Е. В. Кашкин // *Родной язык, в печати*.
11. Лельхова Ф. М. *Словарь глаголов хантыйского языка (шурышкарский диалект)* / Ф. М. Лельхова. – Ханты-Мансийск: Издательский дом «Новости Югры», 2012. – 207 с.
12. Кошкарева Н. Б. (ред.) *Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты)*. Екатеринбург: Баско, 2011. – 208 с.
13. Соловар В. Н. *Хантыйско-русский словарь* / В. Н. Соловар. – СПб: ООО «Миралл», 2006. – 336 с.
14. Соловар В. Н. *Хантыйско-русский словарь (казымский диалект)* / В. Н. Соловар. – Тюмень: ООО «Формат», 2014. – 386 с.
15. Steinitz W. *Dialektologisches Und Etymologisches Wörterbuch Der Ostjakischen Sprache*. – Berlin, 1966-1993.
16. Кашкин Е. В., Кузнецова А. И., Муравьев Н. А. Ижемские говоры ЯНАО: диалектные и ареальные особенности / Е. В. Кашкин, А. И. Кузнецова, Н. А. Муравьев // *Пермистика 15. Диалекты и история уральских языков во взаимодействии с другими языками. Сборник статей*. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2015. С. 148–155.
17. Круглякова В. А. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс ... к.ф.н. / В. А. Круглякова – М.: РГГУ, 2010. – 350 с.

О СТРУКТУРЕ ЛОКАТИВНОЙ ПРЕДИКАЦИИ В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ¹

В статье обсуждаются особенности выражения локативной предикации в алтайских языках. Данные, на которые опирается наше исследование, получены в ходе опроса носителей рассматриваемых языков. Кроме того, мы проанализировали данные доступных словарей, а также казахского (kazkorpus.kz) и бурятского (<http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/>) корпусов.

Настоящее исследование проводится в рамках более широкого типологического проекта под руководством Д. А. Рыжовой и М. В. Кюсейвой. На данный момент в проекте имеются данные по языкам индоевропейской семьи (русский, сербский, немецкий), абхазо-адыгской семьи (кабардинский, адыгейский), картвельской семьи (лазский), уральской семьи (мокшанский, коми, ненецкий) и алтайской семьи (башкирский, казахский, киргизский, бурятский; данные по этим языкам представлены в настоящей статье), см. [9], [10], [5], [4].

Западные исследователи уделяли большое внимание семантическому полю глаголов позиции. Самыми масштабными исследованиями в этой области считаются сборники [3] и [1], в которых на материале многих языков анализируется влияние топологических характеристик фигуры, местонахождение которой описывается, на использование того или иного локативного предиката. Среди отечественных исследований необходимо выделить труды [8] и [7], где отмечается значимость для выбора глагола позиции нелокативных параметров.

1. Локализация объекта: основные стратегии описания

При описании локативной ситуации обычно используются термины «фон» (ориентир для описания позиции объекта), и «объект», или «фигура» (собственно описываемый предмет). Связь между двумя участниками локативной ситуации описывается с помощью т.н. «локативного» предиката. Например, в предложении (1) *Цветы стоят в вазе* фигурой (или объектом) являются *цветы*, в роли ориентира выступает *ваза*, а предикат, соответственно, *стоять*.

В [7] выделяются две стратегии категоризации локативных ситуаций: универсальная и классифицирующая. В первом случае в языке существует один основной предикат, который используется для описания всех возможных положений фигуры в пространстве². Такая стратегия представлена во многих европейских языках: в английском (2), во французском (3), в финском (4) и т.д.

(2) The book **is** on the table

(3) Le livre **est** sur la table

(4) Kirja **on** pöydällä

*'Книга **лежит** на столе.'*

Универсальная система не подразумевает полного отсутствия других локативных предикатов кроме основного – такие предикаты могут существовать, но иметь более узкую семантику и сочетаемость. Например, в английском языке доминантным является глагол-связка *to be*, но имеются также предикаты *stand*, *sit* и *lie*, которые в абсолютном большинстве случаев характеризуют расположение в пространстве человека, не распространяясь на неодушевленные объекты.

При классифицирующей стратегии в языке существует ряд локативных предикатов, распределяющихся по контекстам в соответствии с некоторыми закономерностями. Как правило при такой стратегии глаголы положения человека в пространстве ('сидеть', 'стоять', 'лежать') расширяют свое употребление на

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536.

² В языках мира встречается также более редкая ситуация, когда в языке нет ни одного предиката: в таком случае локативные отношения кодируются с помощью специальных маркеров локации на существительном ориентире, как, например, в языке салиба [1].

местонахождение одушевленных и неодушевленных объектов. К языкам такого типа относятся русский, немецкий, коми, где положение объектов в нейтральных локативных конструкциях описывается с помощью глаголов *сидеть*, *стоять*, *лежать*, а также *висеть*:

(5) In der Ecke **steht ein Schrank**

(6) **шкапыс сулалэ** пелес вылын

'В углу **стоит шкаф**'.

Каждый язык может по-разному распределять глаголы позиции по типам локативных ситуаций, ср. русский и башкирский (7). Одна из целей нашего исследования – показать, что такое распределение каждый из языков осуществляет не хаотично, а согласно определенным закономерностям.

(7) **себен түшәмдә тора**

'Муха сидит на потолке'

(букв. 'Муха на потолке **стоит**')

2. Локативные предикаты: типологический аспект

Как уже было сказано, при классифицирующей стратегии основными локативными предикатами являются, как правило, глаголы локализации в пространстве человека, то есть глаголы со значениями 'сидеть', 'лежать' и 'стоять'. Проанализируем каждый из этих предикатов с типологической точки зрения.

Первым рассмотрим глагол с семантикой 'сидеть'. Этот предикат в исходном значении описывает специфическое положение человека в пространстве: это не вертикально вытянутая позиция и не горизонтальное положение, а нахождение в «сложенном» положении, являющемся для человека удобным и устойчивым. Именно такая специфичность глагола *сидеть* является причиной того, что одним из основных компонентов значения для данного предиката является устойчивость положения описываемого объекта, что в ряде контекстов равноценно его фиксированности в пространстве. Такое утверждение было типологически подтверждено в ряде исследований, см. [2], [3], [8]. Кроме того, в языках мира глагол 'сидеть' очень часто описывает положение в пространстве объектов без ножек, таких как мяч или коробка, или животных, чьи конечности не видны, таких как птица или заяц. В ситуациях же, когда ножки или конечности видны, чаще всего употребляется глагол 'стоять', см. ниже.

По сравнению с глаголом 'сидеть' глагол 'лежать' типологически охватывает большее число фреймов. Основным параметром, регулирующим выбор данного предиката, обычно выступает ориентация максимальной оси фигуры. Так, например, для русского языка выбор между предикатами в предложениях *Книга лежит на полке* и *Книга стоит на полке* определяется тем, горизонтально или вертикально ориентирована данная книга относительно полки: в первом случае типологически часто языки выбирают предикат со значением 'лежать'; при вертикальном расположении наиболее предпочтительным окажется глагол 'стоять'.

В [7] отмечается, что помимо локативного параметра в некоторых случаях различие между глаголами 'стоять' и 'лежать' может описываться также нелокативными параметрами. Например, выбор локативного предиката в русских предложениях *Блюдца стоят на столе* и *Блюдца лежат в коробке* Е. В. Рахилина предлагает объяснять функциональностью фигуры. В первом случае блюдце выполняет свою основную функцию, и в таком случае наиболее предпочтительным является глагол *стоять*. Если же важно подчеркнуть, что в данный момент фигура не функционирует, может выбираться предикат *лежать*.

Глагол 'стоять' типологически имеет наиболее широкую сферу употребления и, как следствие, для многих языков именно он является наиболее нейтральным локативным предикатом. 'Стоять' часто выступает в отношении дополнительной дистрибуции с глаголом 'лежать' в ситуациях, в которых релевантным оказываются локативный параметр ориентации максимальной оси или нелокативный параметр функциональности.

Кроме того, в ряде случаев на выбор глагола влияет набор топологических характеристик рассматриваемой фигуры: например, наличие у фигуры ножек может повлиять на выбор локативного предиката, ср. (8) (в случае с животными важно, чтобы ножки были доступны для обозрения, ср. (9) и (10)).

(8) Стул стоит возле окна.

(9) Аист стоит на крыше.

(10) Голубь сидит на крыше.

3. Анализ данных алтайских языков

Наше исследование посвящено четырем языкам алтайской семьи: башкирскому, казахскому, киргизскому и бурятскому. Все вышеперечисленные языки относятся к классифицирующему типу, т.е. в каждом из этих языков есть набор глаголов позиции, распределенных по локативным ситуациям разного типа. Основным интересом для нас представляет описание этих локативных предикатов с определением возможных контекстов для их употребления, а также выявление основных закономерностей их распределения.

3.1. 'Сидеть'

В рассматриваемых языках глаголы со значением 'сидеть' описываются следующими предикатами: башк. *ултырыу*, каз. *отыру*, кирг. *отуруу*, бур. *Һууха*. Для рассмотренных алтайских языков характерна достаточно узкая сфера употребления данного глагола. В первую очередь, глагол 'сидеть' используется для обозначения положения человека или животного в пространстве:

башк.

(11) **бала** эсәһенен тубыктарында **ултыра**

'Ребенок сидит на коленях у матери'.

кирг.

(12) **атам** креслодо **отурат**

'Отец сидит в кресле'.

каз.

(13) орындықта **отырмын**

'Я сижу на стуле'.

бур.

(14) **нохой** коврик дээрэ **һууна**

'Собака сидит на коврикe'.

В бурятском языке, в отличие от тюркских, глагол *Һууха* 'сидеть' может также использоваться в ситуациях, когда фон представляет собой плотный контейнер или твердую среду, т.е. описывать такие контексты, как пробка в горлышке бутылки, гвоздь в стене, нож в мясе и т.д. В тюркских языках в этом случае используется глагол 'стоять', см. раздел 3.3.

(15) **пробко** яб байс бутылкын хоолой соо **һууна**

'Пробка плотно сидит в горлышке бутылки'.

3.2. 'Лежать'

Для алтайских языков основным контекстом для глагола 'лежать' (башк. *ятыу*, каз. *жату*, кирг. *жатуу*, бур. *хэбтэхэ*) является обозначение положения человека или крупного животного в пространстве:

бур.

(16) **бала** **жатат** потолоко карап

'Ребенок лежит и смотри в потолок' (букв. 'смотря в потолок').

кирг.

(17) **нохой** коврик дээрэ **хэбтэнэ**

'Собака лежит на коврикe'.

башк.

(18) **бесэй** тубыктарымда **ята**

*‘Кошка **лежит** на коленях’.*

каз.

(19) кырынан **жатмын**

*‘Я **лежу** на боку’.*

Кроме того, в алтайских языках, как и во многих других, релевантным является параметр ориентации максимальной оси: предикат ‘лежать’ употребляется для обозначения положения фигуры, ориентированной горизонтально:

каз.

(20) үстелде **пышак жатыр**

*‘На столе **лежит** нож’.*

баи.

(21) **буш ток мөйөштө ята**

*‘Пустой мешок **лежит** в углу’.*

кирг.

(22) **китеп столдо жатат**

*‘Книга **лежит** на столе’.*

бур.

(23) Стол дээрэ **хадхуур хэбтэнэ**

*‘На столе **лежит** вилка’.*

Аспект функциональности также значим для выбора локативного предиката в алтайских языках, ср., например, киргизский:

кирг.

(24) **сковородка плитында турат**

*‘Сковородка на плите **стоит**’.*

(25) **сковородка шкафтын ичинде жатат**

*‘Сковородка **лежит** в шкафу’.*

3.3. ‘Стоять’: типологический анализ и данные алтайских языков

В алтайских языках ‘стоять’ (башк. *тороу*, каз. *түрү*, кирг. *туруу*, бур. *һууха*) охватывает больший набор фреймов, чем в европейских языках. Во-первых, он описывает положение человека и крупных животных в пространстве:

башк.

(26) **бала бүлмә уртаһында тора**

*‘Ребенок **стоит** посреди комнаты’.*

кирг.

(27) **бала төрт аяктап туруу**

*‘Ребенок **стоит** на четвереньках’ (букв. ‘на четырех ногах’).*

каз.

(28) **ая цирк алаңында түр**

*‘Медведь **стоит** на арене цирка’.*

бур.

(29) **нохой коврик дээрэ байна**

*‘Собака **стоит** на коврике’.*

Во-вторых, релевантными являются параметры вертикальной ориентации максимальной оси фигуры (30–33) и функциональности (24–25).

кирг.

(30) **китептер столдо турат**

*‘Книги **стоят** на столе’.*

каз.

(31) **етік кіре берісте түр**

*‘Сапоги **стоят** в прихожей’.*

баи.

(32) **сәскә һауыты тәзрә төбөндә тора**

*‘Цветочный горшок **стоит** на подоконнике’.*

бур.

(33) Ваза соо сэсэгууд **байна**

*‘В вазе **стоят** цветы’.*

В тюркских языках глагол *стоять* употребляется также в ситуации с фоном – плотным контейнером или твердой средой (34-36). Как было показано выше, бурятский язык в таких случаях выбирает глагол ‘сидеть’ (15).

кирг.

(34) бутылканын тыгынсы катту **турат**

*‘Пробка **плотно сидит** (букв. ‘**стоит**’) в горлышке бутылки’.*

баиш.

(35) аскыс йозак эсендэ **тора**

*‘Ключ в замочной скважине (букв. ‘**стоит**’)’.*

каз.

(36) шеге жарда тығыз **түр**

*‘Гвоздь **плотно сидит** (букв. ‘**стоит**’) в стене’.*

Кроме того, для алтайских языков характерен целый набор других ситуаций, когда возможно употребление глагола ‘стоять’. В частности, во всех рассматриваемых языках ситуация проживания, помимо глагола ‘жить’, может описываться этим локативным предикатом (37-40). Стоит отметить, что ‘стоять’ и ‘жить’ в таких контекстах одинаково приемлемы, а для казахского и бурятского глагол позиции является даже более нейтральным. В тюркских языках глагол ‘стоять’ используется без каких-либо изменений, тогда как бурятский требует присоединения показателя хабитуального причастия (40).

башк.

(37) был өйзэ миңең дустарым йәшэй / **тора**

*‘В этом доме **живут** (букв. **живут** / **стоят**) мои друзья’.*

кирг.

(38) биз ики жума Москвада жашдык / **турдук**

*‘Мы две недели жили (букв. ‘**жили** / **стояли**’) в Москве’.*

каз.

(39) тауыктар тауыққорада өмір сүрады / **тұрады**

*‘Куры **живут** в курятнике’.*

бур.

(40) би Москвада ажаһуунаб / **бай-да-габ** (стоять-РСТР.НАВ-1SG)

*‘Я **живу** в Москве’.*

Бурятский язык пошел дальше тюркских по пути расширения семантики глагола ‘стоять’: на синхронном уровне *байха* выступает в роли универсального глагола-связки, буквально обозначающего факт существования (ср. англ. *to be*), и может произвольно заменять другие глаголы позиции, когда нет необходимости отдельно подчеркивать специфику расположения фигуры в пространстве или относительно фона:

(41) сай соо һүн **байна**

*‘В чае молоко’ (букв. ‘В чае молоко **стоит**’).*

(42) аба креслэ соо **һууна** / **байна**

*‘Отец **сидит** в кресле / отец в кресле’ (букв. ‘Отец в кресле **сидит** / **стоит**’).*

Стоит отметить, что глагол *байха* не употребляется в значении ‘быть, иметься’: для такого контекста в бурятском существует отдельный глагол *биш*:

(43) бидэндэ **бинг** хартаабха?

*‘У нас **есть** картошка?’*

Поскольку глагол *байха* может иметь достаточно нейтральное значение, в бурятском существует также другой глагол, который может описывать единичный вертикально ориентированный объект, а именно глагол *ёдойхо* ‘одинокое стоять, торчать’

(44-45), который может быть употреблен по отношению к человеку, дереву, зданию, гвоздю в стене и т.д. В отличие от русского глагола *торчать*, *ёдойхо* не несет в себе никакой отрицательной оценки.

(44) хуреэ соо модон ёдойно

'Во дворе стоит (букв. 'торчит') дерево'.

(45) тулхюур замаг соо ёдойно

'Ключ в замочной скважине (букв. 'торчит')'.

Глагол 'стоять' в алтайских языках также покрывает некоторые ситуации «висения» (этим глаголом не покрываются контексты, когда фигура и фон связаны отношением «часть-целое», об этом подробнее см. в разделе 2.4):

башк.

(46) түшәмдә люстра тора

'На потолке висит (букв. 'стоит') люстра'.

каз.

(47) перделер терезеде түр

'Шторы висят (букв. 'стоят') на окне'.

кирг.

(48) жарыя дубалда турат

'Объявление висит (букв. 'стоит') на стене'.

бур.

(49) плати гоходо байна

'Платье висит (букв. 'стоит') на крючке'.

В связи с этим интересно то, как тюркские языки разводят ситуации нахождения насекомых на прототипической горизонтальной поверхности (например, на столе) и на не прототипической поверхности (под горизонтальной поверхностью (например, на потолке) или на вертикальной поверхности (например, на стене)). Согласно нашим данным, в первом случае носители используют глагол 'сидеть', тогда как во втором чаще всего употребляется глагол 'стоять':

каз.

(50) шыбын үстелде отыр

башк.

(51) себен өстәлдә ултыра

кирг.

(52) чымын столдо оторат

'Муха сидит на столе' (букв. 'Муха на столе сидит')

каз.

(53) шыбын жарда/төбеде түр

башк.

(54) себен стенада / түшәмдә тора

кирг.

(55) чымын стенада / потолокто оторат

'Муха сидит на стене/на потолке' (букв. 'Муха на потолке/на стене стоит').

Употребление глагола 'стоять' в таких случаях, как нам кажется, можно объяснить тем, что данный локативный предикат здесь выступает в значении 'висеть': тюркские языки не проводят разницы между «прикрепленными» к потолку или стенам объектами, концептуализируя их в один фрейм.

Для бурятского языка, как и для русского, в данном случае решающим оказывается параметр отсутствия у насекомых видимых ножек, поэтому в обоих контекстах употребляется глагол 'сидеть':

(56) алаяһан хаяа дээрэ / үһээ дээрэ һууна

'Муха сидит на стене / на потолке'.

3.4. 'Висеть'

Интересно также проанализировать выбор предиката в контекстах «висения». Рассмотрим отдельно тюркские языки и бурятский язык.

В тюркских языках наблюдается тройное противопоставление: во-первых, это глагол-связка *бар* (он выглядит одинаково во всех исследуемых тюркских языках), во-вторых, это локативный предикат ‘стоять’ (башк. *тороу*, каз. *тұруу*, кирг. *туруу*), наконец, это особая конструкция, состоящая из пассивного деепричастия глагола ‘повесить’ и локативного предиката ‘стоять’ (башк. *эленеп тороу*, каз. *ілулі тұруу*, кирг. *илинип туруу*).

Представленные возможности распределены по ситуациям в соответствии с двумя нелокативными параметрами. Первый из таких параметров – мереологическая связь между фигурой и фоном. Если имеет место отношение «часть-целое», то в такой ситуации может использоваться только глагол-связка *бар*:

башк.

(57) алмагаста алмалар бар / *тора / *эленеп тороу

‘На яблоне яблока’.

кирг.

(58) дарахна жалбырактар бар / *турат

‘На дереве листья’.

каз.

(59) бұл үйде әдемі шатыр бар / *тұр / *ілулі тұр

‘У этого дома красивая крыша’.

Однако в тех контекстах, когда при наличии ситуации «висения» между фигурой и фоном нет отношения мереологической связи, релевантным становится другой параметр – семантический класс фигуры. Для случаев, когда фигурой является природный объект, в тюркских языках, помимо глагола-связки, употребляется глагол ‘стоять’:

каз.

(60) үй шатырында сүмелеке муздар бар / тұр / *ілулі тұр ‘На крыше дома сосульки’

В тех случаях, когда объектом ситуации «висения» является артефакт, в качестве локативного предиката могут употребляться все три варианта:

кирг.

(61) жарыя дубалда бар / турат / илинип турат

‘Объявление висит на стене’.

В бурятском языке также наблюдается тройное противопоставление: наиболее нейтральным является глагол *байха* ‘стоять’; далее, существует глагол *һэнжэлдэхэ* ‘висеть, болтаться’, наконец, так же, как и в тюркских, существует конструкция *үлгөөтэй байха*, состоящая из пассивного причастия от глагола ‘повесить’ и глагола *стоять*, которую дословно можно перевести как ‘стоять подвешенным’ (в этой конструкции глагол *байха* часто опускается). Однако для бурятского действуют иные правила выбора предиката.

Только глагол *байха* ‘стоять’ используется в случае, когда фигура и фон являются *неотделимыми*. Таким образом, такие объекты, как руки у человека, глаза на лице и т.п., не допускают других предикатов (62-63), тогда как для таких объектов, как яблоко на ветке, перья на шляпе и т.п., *байха* не является единственно возможным, поскольку, несмотря на то, что и в первой, и во второй группе случаев имеет место отношение «часть-целое», во второй группе объекты более естественно отделяются от фона, чем в первой.

(62) тэрэнэй хасар дээрэ мүнгэн байна / *һэнжэлдэнэ / *үлгөөтэй

‘У нее на щеке родинка’.

(63) шубунда хүхэ үдэд байна / *һэнжэлдэнэ / *үлгөөтэй

‘У птицы синие перья’.

Когда фигура и фон являются *отделимыми*, в силу вступает параметр семантического класса фигуры: если фигура является природным объектом, то, помимо глагола ‘стоять’, может употребляться глагол *һэнжэлдэхэ* ‘висеть, болтаться’, но не может употребляться конструкция *үлгөөтэй байха* или одиночное причастие *үлгөөтэй*:

(64) модон дээрэ яблоко байна / һэнжэлдэнэ / *үлгөөтэй

'На дереве висит (букв. болтается) яблоко.'

(65) дал дээрэһэ дуһаа мүльһэн байна / һэнжэлдэнэ / *үлгөөтэй

'На крыше висит сосулька.'

Для случаев же, когда фигура является отделимой от фона и представляет собой артефакт, в бурятском языке действует еще один фактор – фактор статичности фигуры относительно фона. В случае, если артефакт закреплен, глагол *һэнжэлдэхэ* использовать нельзя (ср. (67-69) и (66)), а причастие *үлгөөтэй (байха)* может использоваться как для закрепленной, так и для незакрепленной фигуры.

(66) скатерть стол дээрэһэ байна / һэнжэлдэнэ / үлгөөтэй

'Скатерть свисает со стола.'

(67) хүшэгэ сонходо байна / һэнжэлдэнэ / үлгөөтэй

'Шторы висят на окне.'

(68) үһээдэ люстра байна / үлгөөтэй / *һэнжэлдэнэ

'На потолке висит люстра.'

(69) ковер хаяада байна / үлгөөтэй / *һэнжэлдэнэ

'Ковер висит на стене.'

Таким образом, по нашим данным можно сделать вывод, что правила выбора предикатов в алтайских языках регулируются целой группой параметров, причем и в тюркских, и в бурятском эти параметры организованы иерархически.

4. Заключение

Итак, в статье была проанализирована семантическая структура локативной предикации в четырех алтайских языках – в башкирском, казахском, киргизском и бурятском. Наши данные показали, что глагол со значением 'стоять' имеет наиболее широкую сферу употребления. В бурятском языке этот глагол достиг наибольшей степени нейтральности, выступая в качестве глагола-связки.

Наиболее специфичным для алтайских языков оказался локативный предикат 'сидеть', что может объясняться тем, что в исходном значении он описывает особую антропоцентричную ситуацию, связанную не столько с пространственными, сколько с нелокативными характеристиками положения объекта (в частности, подчеркивается устойчивость этого положения).

Предикат 'лежать' в алтайских языках занимает промежуточное положение, поскольку он дополнительно распределен с глаголом 'стоять' в тех контекстах, когда релевантными выступают параметры ориентации максимальной оси или функциональности.

Полученная шкала специфичности / нейтральности коррелирует со степенью грамматикализации локативных предикатов: более нейтральные глаголы легче подвергаются процессу грамматикализации. Так, согласно [6: 171], в тюркских языках сериальные конструкции с глаголом 'сидеть' встречаются реже, чем с глаголами 'стоять' и 'лежать'. В бурятском же вспомогательный глагол 'стоять' отличается от вспомогательных глаголов 'сидеть' и 'лежать' тем, что при нем сериальная конструкция перестает быть аналитической [11: 194]: происходит сращение формы деепричастия знаменательного глагола и вспомогательного глагола, т.е. в сериальных конструкциях предикат 'стоять' постепенно грамматикализуется в глагольный аффикс, например, *бэшэжэй-* 'писать' происходит из *бэшэжэ бай-* – букв. 'пиша стоять'.

Кроме того, наше исследование показало, что правила выбора предикатов в алтайских языках регулируются целой группой параметров, как локативных, так и нелокативных. К релевантным локативным параметрам относятся тип фигуры, вертикальная vs. горизонтальная ориентация максимальной оси, плотный vs. не плотный контакт фигуры и фона, пространственная ориентация опоры, статичность фигуры относительно фона и др. Среди нелокативных параметров можно назвать функциональность фигуры, отделяемость vs. неотделяемость фигуры от фона и др. Важно, что эти параметры организованы иерархически.

Рассмотренные алтайские языки имеют сходную систему глаголов позиции. В бурятском языке глагол 'стоять' демонстрирует бóльшую, чем в тюркских, степень нейтральности, выступая в том числе в тех контекстах, в которых тюркские языки используют глагол-связку *бар*.

Еще одно несоответствие в бурятском языке и в тюркских языках наблюдается в контекстах, где фон является плотным контейнером (ключ в замочной скважине) или твердой средой (гвоздь в стене): башкирский, казахский и киргизский языки в такой ситуации используют глагол 'стоять', тогда как носители бурятского языка предпочитают глагол 'сидеть'. Возможно, такой выбор предиката в случае с бурятским языком может объясняться калькой с русского.

Самое значительное различие между бурятской и тюркской системами наблюдается в контекстах «висения». В башкирском, казахском и киргизском языках в данном случае выбирается либо глагол-связка, либо локативный предикат 'стоять', либо конструкция, дословно означающая 'стоять повешенным'. В бурятском языке в таких контекстах используются глаголы со значениями 'стоять' и 'одиноко стоять, торчать' или пассивное причастие от глагола 'повесить' (иногда в сочетании с глаголом 'стоять'). Выбор предикатов осуществляется по особым правилам, различным для бурятского и для тюркских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ameka F. K., Levinson S. C. Introduction: the typology and semantics of locative predicates: posturals, positionals, and other beasts // *Linguistics*. – 2007. – Т. 45. – №. 5part6. – С. 847-871.
2. Lemmens, M. 'LOCATION versus POSITION: coding strategies for referent location', Paper presented at the 7-th International Cognitive Linguistic Conference, University of California, Santa Barbara, 22-27 July, 2001.
3. Newman, J. (ed.). *The Linguistics of Sitting, Standing and Lying*. Amsterdam, 2002.
4. Кашкин Е. В. Глаголы позиции и их переходные корреляты: данные коми-зырянского языка // *Одиннадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 27-29 ноября 2014 г.)*. / Отв. ред. О. В. Кузнецова — СПб: Нестор-История, 2014. С. 73-75.
5. Кожемякина А. Д., Кюсева М. В., Рыжова Д. А. 'Сидеть', 'стоять', 'лежать': типология локативной предикации // *Одиннадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 27 – 29 ноября 2014 г.)* / Отв. ред. О. В. Кузнецова. Санкт-Петербург, 2014. С. 83–85.
6. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции.: дис. – М.: МГУ им. Ломоносова, 2002.
7. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость. – М.: «Русские словари», 2008.
8. Рахилина Е. В., Lemmens M. Русистика и типология: лексическая семантика глаголов со значением 'сидеть' в русском и нидерландском (*Russian and Typological Linguistics: The Lexical Semantics of Verbs with the Meaning Sit in Russian and Dutch*) // *Russian Linguistics*. – 2003. – Т. 27. – №. 3. – С. 313-327.
9. Рыжова Д. А., Кюсева М. В. 'Сидеть', 'стоять', 'лежать': локативная предикация в кабардино-черкесском языке // *Проблемы лексико-семантической типологии: сборник научных трудов / под ред. А. А. Кретьова*. Вып. 2. Воронеж, 2013. С. 253–274.
10. Рыжова Д. А., Кюсева М. В., Кожемякина А. Д. 'Сидеть', 'стоять', 'лежать': типология локативной предикации // *Матеріали Українсько-російської школи-конференції молодих учених «Сучасні дослідження мови та літератури» Донецьк*, 2014. С. 235– 237.
11. Санжеев Г. Д. (ред.). *Грамматика бурятского языка: фонетика и морфология*. – Изд-во Восточной лит-ры, 1962.

КАРТА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЯЗЫКОВ ЕВРОПЫ

Для компьютерного генерирования карты лингвокультурного пространства языков Европы использовалась информация о словах, вошедших в параметрическое ядро лексики каждого из 35 государственных языков Европы по трем и более параметрам (назовём эту главную часть параметрического ядра лексики *Большим параметрическим ядром* - БПЯ).

Далее анализировалась семантика этих ядер, высчитывалось количество совпадений по дефинициям для каждой пары языков. Совпадением операционально признаются слова, дефиниции которых совпадают на 50 и более процентов. Например, алб. *apel* 'переключка; вызов' ~ болг. *извикване* 'вызов'.

Для определения близости лексико-семантических систем двух языков число совпадений дефиниций делится на среднее арифметическое от размера ядер двух сравниваемых языков, что и дает величину, именуемую в дальнейшем коэффициентом корреляции. Результаты представлены в таблице 1 (см. Приложение).

По данным Таблицы 1 с помощью компьютерной программы, разработанной программистом кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского госуниверситета М.В. Катовым, была построена Карта лингвокультурного пространства языков Европы по данным лексики (см. Рис. 1).

Для начала простым сравнением всех рассчитанных расстояний между БПЯ сравниваемых языков определялось наименьшее. Таким образом выбираем два языка с номерами i и j , наиболее схожие друг с другом. Наносим их в виде двух точек на плоскости, расстояние между которыми равно R_{ij} в выбранном масштабе.

Перебираем все остальные языки и выбираем тот из них, у которого сумма расстояний до двух уже нанесенных на карту является минимальной.

Помещаем новый язык на карту вблизи середины отрезка, получаем треугольник. Точка нанесена заведомо ближе, чем должна быть с учетом рассчитанных расстояний. Поэтому будем постепенно увеличивать расстояния от новой точки до уже имеющихся, перемещая новую точку, пока два расстояния не будут соответствовать заявленному условию (т.е. больше или равны рассчитанным значениям). Три точки нашли свое место.

Следующую точку мы можем поместить вблизи любого из отрезков треугольника. Перебираем все сочетания оставшихся языков и имеющихся отрезков границы треугольника и выбираем тот язык и ту границу, для которых сумма рассчитанных расстояний от нового языка до двух языков – вершин отрезка границы является минимальной. Наносим новую точку и снова двигаем её, удаляя от уже имеющейся границы, пока все расстояния нашего построения не будут удовлетворять условию задачи. Четыре точки нанесены, граница фигуры образовали четырехугольник.

В дальнейшем алгоритм тот же. Определяем следующий язык и следующий отрезок границы, выбирая наименьшую сумму расчетных расстояний, наносим новую точку с внешней стороны выбранной границы имеющейся фигуры, отодвигаем ее от

---

¹ Статья основана на результатах НИР «Исследование единства Европы по данным лексики», выполнявшейся в Воронежском государственном университете в рамках государственного задания в 2012-2013 гг. Код ГРНТИ 16.21.47; 16.41.21, № госрегистрации 01201263908. Анализ романских языков, кроме каталанского, осуществлен В.Т. Титовым, каталанского – Е.В. Долбиловой, нидерландского – Д.С. Воевудским, прочих германских – О.М. Воевудской, славянских – И.А. Меркуловой, остальных языков – А.А. Кретовым, Д.С. Воевудским и О.М. Воевудской.

фигуры, пока все расстояния до уже имеющихся вершин не станут больше или равны рассчитанным значениям из таблицы.

Если имеющаяся фигура имеет сложную конфигурацию, и располагается вокруг новой точки, может возникнуть ситуация, при которой последовательными сдвигами от всех окружающих точек мы никогда не сможем удовлетворить условию нужной удаленности от всех нанесенных ранее точек. В этом случае вносим небольшую корректировку в алгоритм: позволяем не только более ранним точкам отодвигать от себя новую, но и новой точке понемногу выдавливать уже имеющиеся, освобождая себе пространство.

Шагом 1 построения карты является выбор двух языков с наименьшим расстоянием между ними.

Шаг 2. Помещаем эти языки в виде узлов графа и соединяющего их отрезка прямой, пропорционального расстоянию между ними (чем больше коэффициент корреляции, тем меньше расстояние).

Шаг 3. Добавляем Английский на линию Датский-Норвежский.

Шаг 4. Добавляем Шведский на линию Датский-Английский и т.д.

Как следует из рисунка 1 (см. ниже) и процедуры построения карты, ядро лингвокультурного пространства Европы образуют германские языки, образующие компактный связный граф, в центре которого находится английско-датско-норвежский треугольник, добавление к которому шведского образует ромб. Добавление же к линии датский-шведский немецкого образует треугольник и немецко-шведско-датско-английский ромб. К германскому ядру примыкают славянские (белорусский, словацкий, польский, македонский), финно-угорские (венгерский, эстонский), балтийские (латышский), балканские (албанский, турецкий) и романские (каталанский) языки. Неожиданным результатом является то, что для германского ареала центром является не английский (пять внутригрупповых связей) и не немецкий (три связи в группе), а английский и датский, имеющий 5 связей в германской группе языков и одну – с каталанским. По 5 внутригрупповых связей имеют в романской группе – испанский, а в славянской – украинский.

Также целый граф образуют славянские языки, контактирующие с балтийскими (латышский), балканскими (албанский, турецкий), финно-угорскими (финский), греческим, латинским, романскими (румынский, итальянский, французский) и германскими (английский, шведский, фризский, фарёрский) языками. Разумеется речь идёт не о географическом пространстве (тогда не было бы смысла в нашем исследовании), а о лингвокультурном пространстве описываемой карты. Связь русского языка с греческим наполнена глубоким смыслом. Именно греческий оказал сильнейшей влияние на старославянский, церковнославянский, а через последний – и на русский литературный язык. То, что славянский граф связан с романским через румынский также глубоко закономерно: именно славянские языки (через православие и старославянский язык) оказали наибольшее влияние на румынский литературный язык.

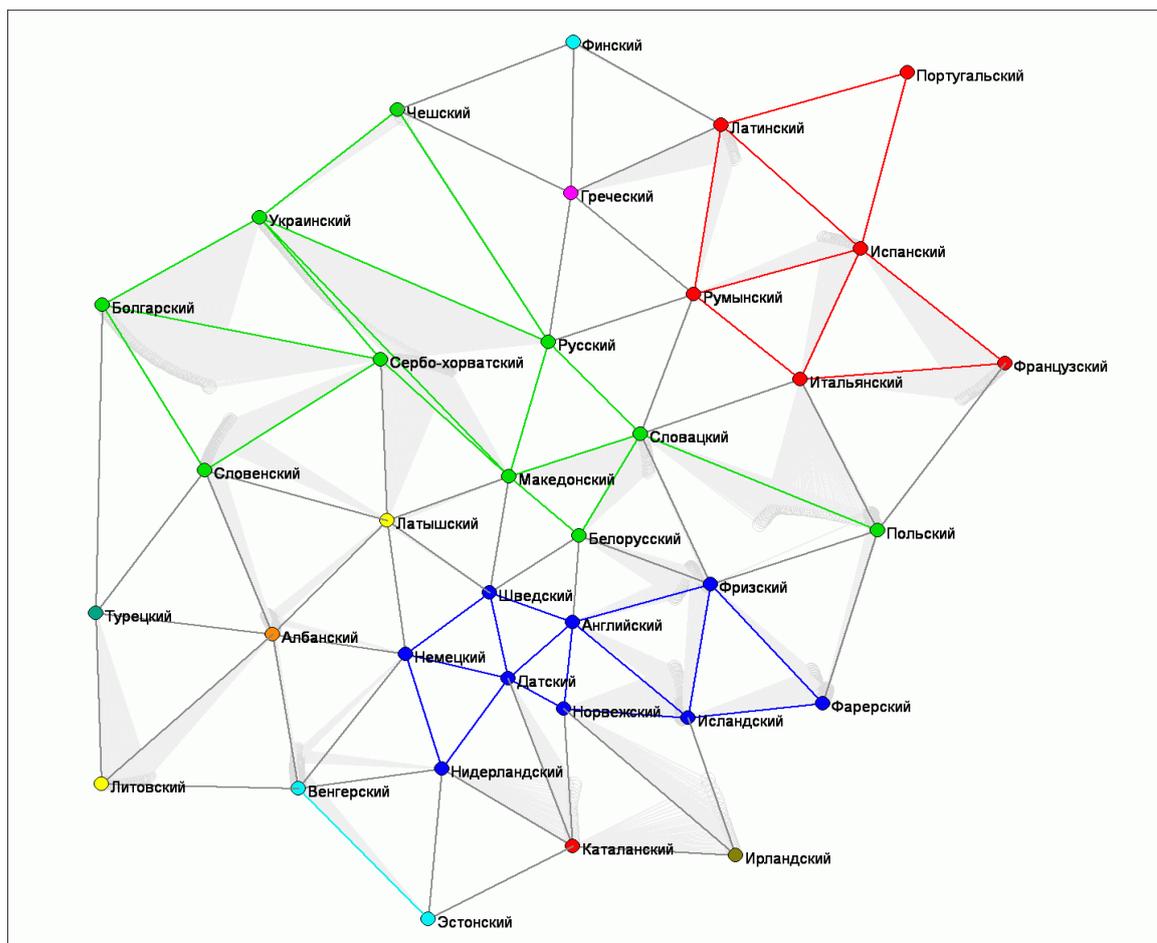

Рис. 1. Карта лингвокультурного пространства языков Европы (по коэффициенту корреляции больших параметрических ядер лексики)

Что касается романских языков, то они также образуют связный граф, но с нарушенной целостностью: от романского массива откололся каталанский язык, оказавшийся под германским и кельтским влиянием. По-своему это закономерно, потому что соседи-испанцы не случайно называют каталонцев «немцами Пиреней». А кельтский субстрат является отражением кельт-иберской эпохи Пиренейского полуострова. Глубоко закономерно и положение латинского языка между романскими, для которых он является не только языком-предком, но и языком культуры, и греческим, явившимся языком культуры для латинского. Контакты романского ареала со славянским через румынский и итальянский языки понятна и закономерна. Нетривиальная же связь французского и польского языков также (вопреки географии) имеет глубокие корни в истории (Варшавское герцогство 1807-1815, «которое стало самым верным из союзников Наполеона и выставило стотысячную армию, сражавшуюся с первого до последнего дня войны» [http://ru.wikipedia.org/wiki/Варшавское_герцогство]) и культуре польского и французского народов (достаточно вспомнить судьбу Фредерика Шопена).

Не обладает целостностью и финно-угорская группа языков. Венгерский и эстонский граничат с германским ареалом (немецкий, нидерландский), тогда как финский граничит с латинским (пришедший с протестантизмом) и греческим (пришедшим с православием), а также со славянским ареалом (чешский и – через греческий – русский).

Не едины и балтийские языки: латышский примыкает к германскому и славянскому ареалам, а литовский оказался в группе европейских языков-одиночек: в соседстве с турецким, албанским и венгерским.

Анализируя лексико-семантическую карту языков Европы, следует иметь в виду ее условность и принципиальную неполноту: наличие 35-ти сопоставляемых языков предполагает построение 35-мерного объекта, который мы вынуждены проецировать на двухмерную плоскость, неизбежно (и вынужденно) огрубляя реальное богатство связей каждого из узлов нашего графа.

Что касается разорванности Балканского ареала на албанско-турецко-болгарскую и румынско-греческую части с отколовшимся македонским, а также полярного расположения географически и генетически близких финского и эстонского языков, то следует иметь в виду, что мы имеем дело с одной из множества двумерных проекций 35-мерного объекта. Всё богатство связей каждого из объектов представлено в таблице корреляций и не может быть отражено на плоскости. Тем не менее даже такая вынужденно несовершенная визуализация лингвокультурного пространства Европы, как свидетельствует проведенный анализ, несёт богатую и далеко не тривиальную информацию.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Исходные данные и коэффициенты корреляции больших параметрических ядер лексики государственных языков Европы

язык1	язык2	ядро1	ядро2	среднее	совпало	корреляция
1	2	3	4	5	6	7
Албанский	Английский	491	1265	878	200,67	0,22855
Албанский	Белорусский	491	593	542	144,00	0,26568
Албанский	Болгарский	491	263	377	50,17	0,13307
Албанский	Венгерский	491	482	486,5	83,50	0,17163
Албанский	Греческий	491	187	339	48,00	0,14159
Албанский	Датский	491	842	666,5	137,17	0,20580
Албанский	Ирландский	491	512	501,5	91,33	0,18212
Албанский	Исландский	491	990	740,5	141,33	0,19086
Албанский	Испанский	491	146	318,5	38,00	0,11931
Албанский	Итальянский	491	166	328,5	43,00	0,13090
Албанский	Каталанский	491	519	505	94,67	0,18746
Албанский	Латинский	491	236	363,5	48,00	0,13205
Албанский	Латышский	491	951	721	127,83	0,17730
Албанский	Литовский	491	132	311,5	30,00	0,09631
Албанский	Македонский	491	669	580	116,33	0,20057
Албанский	Немецкий	491	897	694	154,50	0,22262
Албанский	Нидерландский	491	651	571	87,50	0,15324
Албанский	Норвежский	491	1332	911,5	174,17	0,19108
Албанский	Польский	491	331	411	68,00	0,16545
Албанский	Португальский	491	51	271	22,50	0,08303
Албанский	Румынский	491	118	304,5	44,00	0,14450
Албанский	Русский	491	234	362,5	60,00	0,16552
Албанский	Сербо-хорватский	491	312	401,5	82,50	0,20548
Албанский	Словацкий	491	333	412	76,00	0,18447
Албанский	Словенский	491	162	326,5	37,00	0,11332
Албанский	Турецкий	491	93	292	38,50	0,13185
Албанский	Украинский	491	307	399	53,17	0,13325
Албанский	Фарерский	491	977	734	107,00	0,14578
Албанский	Финский	491	204	347,5	49,50	0,14245
Албанский	Французский	491	166	328,5	22,00	0,06697
Албанский	Чешский	491	281	386	40,50	0,10492
Албанский	Шведский	491	1438	964,5	203,67	0,21116
Албанский	Эстонский	491	497	494	74,50	0,15081
Албанский	Фризский	491	758	624,5	115,00	0,18415
Английский	Белорусский	1265	593	929	287,00	0,30893

Английский	Болгарский	1265	263	764	97,83	0,12805
Английский	Венгерский	1265	482	873,5	175,50	0,20092
Английский	Греческий	1265	187	726	92,00	0,12672
Английский	Датский	1265	842	1053,5	336,17	0,31910
Латинский	Шведский	236	1438	837	128,00	0,15293
Английский	Исландский	1265	990	1127,5	301,67	0,26755
Английский	Испанский	1265	146	705,5	72,00	0,10206
Английский	Итальянский	1265	166	715,5	78,00	0,10901
Английский	Каталанский	1265	519	892	198,33	0,22235
Английский	Латинский	1265	236	750,5	113,00	0,15057
Английский	Латышский	1265	951	1108	278,17	0,25105
Английский	Литовский	1265	132	698,5	43,50	0,06228
Английский	Македонский	1265	669	967	222,83	0,23044
Английский	Немецкий	1265	897	1081	299,50	0,27706
Английский	Нидерландский	1265	651	958	236,33	0,24669
Английский	Норвежский	1265	1332	1298,5	402,33	0,30984
Английский	Польский	1265	331	798	112,17	0,14056
Английский	Португальский	1265	51	658	29,50	0,04483
Английский	Румынский	1265	118	691,5	75,00	0,10846
Английский	Русский	1265	234	749,5	100,00	0,13342
Английский	Сербо-хорватский	1265	312	788,5	117,00	0,14838
Английский	Словацкий	1265	333	799	141,00	0,17647
Английский	Словенский	1265	162	713,5	60,00	0,08409
Английский	Турецкий	1265	93	679	45,00	0,06627
Английский	Украинский	1265	307	786	110,33	0,14037
Английский	Фарерский	1265	977	1121	273,50	0,24398
Английский	Финский	1265	204	734,5	91,83	0,12503
Английский	Французский	1265	166	715,5	41,00	0,05730
Английский	Чешский	1265	281	773	77,67	0,10047
Английский	Шведский	1265	1438	1351,5	429,00	0,31743
Английский	Эстонский	1265	497	881	152,17	0,17272
Английский	Фризский	1265	758	1011,5	284,00	0,28077
Белорусский	Болгарский	593	263	428	82,50	0,19276
Белорусский	Венгерский	593	482	537,5	137,50	0,25581
Белорусский	Греческий	593	187	390	73,00	0,18718
Белорусский	Датский	593	842	717,5	194,50	0,27108
Белорусский	Ирландский	593	512	552,5	134,50	0,24344
Белорусский	Исландский	593	990	791,5	197,50	0,24953
Белорусский	Испанский	593	146	369,5	55,00	0,14885
Белорусский	Итальянский	593	166	379,5	63,00	0,16601
Белорусский	Каталанский	593	519	556	147,00	0,26439
Белорусский	Латинский	593	236	414,5	80,00	0,19300
Белорусский	Латышский	593	951	772	198,50	0,25712
Белорусский	Литовский	593	132	362,5	39,00	0,10759
Белорусский	Македонский	593	669	631	193,00	0,30586
Белорусский	Немецкий	593	897	745	196,50	0,26376
Белорусский	Нидерландский	593	651	622	150,00	0,24116
Белорусский	Норвежский	593	1332	962,5	263,00	0,27325
Белорусский	Польский	593	331	462	98,00	0,21212
Белорусский	Португальский	593	51	322	22,00	0,06832
Белорусский	Румынский	593	118	355,5	57,00	0,16034
Белорусский	Русский	593	234	413,5	122,00	0,29504
Белорусский	Сербо-хорватский	593	312	452,5	97,00	0,21436
Белорусский	Словацкий	593	333	463	139,00	0,30022
Белорусский	Словенский	593	162	377,5	60,00	0,15894
Белорусский	Турецкий	593	93	343	42,00	0,12245

Белорусский	Украинский	593	307	450	122,00	0,27111
Белорусский	Фарерский	593	977	785	173,50	0,22102
Белорусский	Финский	593	204	398,5	67,00	0,16813
Белорусский	Французский	593	166	379,5	29,00	0,07642
Белорусский	Чешский	593	281	437	78,00	0,17849
Белорусский	Шведский	593	1438	1015,5	281,50	0,27720
Белорусский	Эстонский	593	497	545	114,00	0,20917
Белорусский	Фризский	593	758	675,5	173,50	0,25685
Болгарский	Венгерский	263	482	372,5	55,67	0,14944
Болгарский	Греческий	263	187	225	29,00	0,12889
Болгарский	Датский	263	842	552,5	83,33	0,15083
Болгарский	Ирландский	263	512	387,5	34,00	0,08774
Болгарский	Исландский	263	990	626,5	65,67	0,10482
Болгарский	Испанский	263	146	204,5	26,00	0,12714
Болгарский	Итальянский	263	166	214,5	27,00	0,12587
Болгарский	Каталанский	263	519	391	42,00	0,10742
Болгарский	Латинский	263	236	249,5	35,00	0,14028
Болгарский	Латышский	263	951	607	65,00	0,10708
Болгарский	Литовский	263	132	197,5	17,00	0,08608
Венгерский	Нидерландский	482	651	566,5	113,50	0,20035
Болгарский	Немецкий	263	897	580	80,50	0,13879
Болгарский	Нидерландский	263	651	457	52,50	0,11488
Болгарский	Норвежский	263	1332	797,5	94,50	0,11850
Болгарский	Польский	263	331	297	46,33	0,15600
Болгарский	Португальский	263	51	157	10,00	0,06369
Болгарский	Румынский	263	118	190,5	28,00	0,14698
Болгарский	Русский	263	234	248,5	35,00	0,14085
Болгарский	Сербо-хорватский	263	312	287,5	55,00	0,19130
Болгарский	Словацкий	263	333	298	43,00	0,14430
Болгарский	Словенский	263	162	212,5	17,00	0,08000
Болгарский	Турецкий	263	93	178	16,00	0,08989
Болгарский	Украинский	263	307	285	35,00	0,12281
Болгарский	Фарерский	263	977	620	61,50	0,09919
Болгарский	Финский	263	204	233,5	31,83	0,13633
Болгарский	Французский	263	166	214,5	9,00	0,04196
Болгарский	Чешский	263	281	272	37,00	0,13603
Болгарский	Шведский	263	1438	850,5	121,50	0,14286
Болгарский	Эстонский	263	497	380	40,00	0,10526
Болгарский	Фризский	263	758	510,5	69,50	0,13614
Венгерский	Греческий	482	187	334,5	58,00	0,17339
Венгерский	Датский	482	842	662	144,33	0,21803
Венгерский	Ирландский	482	512	497	65,33	0,13146
Венгерский	Исландский	482	990	736	128,67	0,17482
Венгерский	Испанский	482	146	314	27,00	0,08599
Венгерский	Итальянский	482	166	324	49,00	0,15123
Венгерский	Каталанский	482	519	500,5	87,83	0,17549
Венгерский	Латинский	482	236	359	70,00	0,19499
Венгерский	Латышский	482	951	716,5	128,75	0,17969
Венгерский	Литовский	482	132	307	28,50	0,09283
Венгерский	Македонский	482	669	575,5	103,50	0,17984
Венгерский	Немецкий	482	897	689,5	134,33	0,19483
Венгерский	Норвежский	482	1332	907	161,83	0,17843
Венгерский	Польский	482	331	406,5	60,00	0,14760
Венгерский	Эстонский	234	497	365,5	46,00	0,12585
Венгерский	Румынский	482	118	300	46,00	0,15333
Каталанский	Сербо-хорватский	519	312	415,5	74,00	0,17810

Венгерский	Сербо-хорватский	482	312	397	65,50	0,16499
Венгерский	Словацкий	482	333	407,5	72,00	0,17669
Венгерский	Словенский	482	162	322	41,00	0,12733
Венгерский	Турецкий	482	93	287,5	28,00	0,09739
Венгерский	Украинский	482	307	394,5	49,62	0,12577
Венгерский	Фарерский	482	977	729,5	116,33	0,15947
Венгерский	Финский	1332	204	768	94,67	0,12326
Венгерский	Французский	482	166	324	14,00	0,04321
Венгерский	Чешский	482	281	381,5	53,83	0,14111
Венгерский	Шведский	482	1438	960	185,00	0,19271
Венгерский	Эстонский	482	497	489,5	74,17	0,15152
Венгерский	Фризский	482	758	620	118,33	0,19086
Греческий	Датский	187	842	514,5	67,50	0,13120
Греческий	Ирландский	187	512	349,5	46,00	0,13162
Греческий	Исландский	187	990	588,5	73,00	0,12404
Греческий	Испанский	187	146	166,5	24,00	0,14414
Греческий	Итальянский	187	166	176,5	26,00	0,14731
Греческий	Каталанский	187	519	353	54,00	0,15297
Греческий	Латинский	187	236	211,5	33,00	0,15603
Греческий	Латышский	187	951	569	67,50	0,11863
Греческий	Литовский	187	132	159,5	16,00	0,10031
Греческий	Македонский	187	669	428	63,50	0,14836
Греческий	Немецкий	187	897	542	64,00	0,11808
Греческий	Нидерландский	187	651	419	50,00	0,11933
Греческий	Норвежский	187	1332	759,5	86,67	0,11411
Греческий	Польский	187	331	259	35,00	0,13514
Греческий	Португальский	187	51	119	10,00	0,08403
Греческий	Румынский	187	118	152,5	25,00	0,16393
Греческий	Русский	187	234	210,5	36,00	0,17102
Греческий	Сербо-хорватский	187	312	249,5	31,00	0,12425
Греческий	Словацкий	187	333	260	40,00	0,15385
Греческий	Словенский	187	162	174,5	21,00	0,12034
Греческий	Турецкий	187	93	140	18,00	0,12857
Греческий	Украинский	187	307	247	37,00	0,14980
Греческий	Фарерский	187	977	582	69,00	0,11856
Греческий	Финский	187	204	195,5	33,50	0,17136
Греческий	Французский	187	166	176,5	15,00	0,08499
Греческий	Чешский	187	281	234	22,50	0,09615
Греческий	Шведский	187	1438	812,5	102,50	0,12615
Греческий	Эстонский	187	497	342	39,00	0,11404
Греческий	Фризский	187	758	472,5	67,00	0,14180
Датский	Ирландский	842	512	677	131,67	0,19449
Датский	Исландский	842	990	916	238,17	0,26001
Датский	Испанский	842	146	494	58,00	0,11741
Датский	Итальянский	842	166	504	60,00	0,11905
Датский	Каталанский	842	519	680,5	156,50	0,22998
Датский	Латинский	842	236	539	87,00	0,16141
Датский	Латышский	842	951	896,5	205,33	0,22904
Датский	Литовский	842	132	487	26,00	0,05339
Датский	Македонский	842	669	755,5	164,33	0,21752
Датский	Немецкий	842	897	869,5	245,17	0,28196
Датский	Нидерландский	842	651	746,5	193,33	0,25899
Датский	Норвежский	842	1332	1087	397,42	0,36561
Датский	Польский	842	331	586,5	87,83	0,14976
Датский	Португальский	842	51	446,5	26,50	0,05935
Датский	Румынский	842	118	480	56,00	0,11667

Датский	Русский	842	234	538	76,00	0,14126
Датский	Сербо-хорватский	842	312	577	91,00	0,15771
Датский	Словацкий	842	333	587,5	104,00	0,17702
Датский	Словенский	842	162	502	39,00	0,07769
Датский	Турецкий	842	93	467,5	41,00	0,08770
Датский	Украинский	842	307	574,5	72,50	0,12620
Датский	Фарерский	842	977	909,5	201,17	0,22118
Датский	Финский	842	204	523	77,33	0,14786
Датский	Французский	842	166	504	22,00	0,04365
Датский	Чешский	842	281	561,5	62,50	0,11131
Датский	Шведский	842	1438	1140	352,42	0,30914
Датский	Эстонский	842	497	669,5	113,00	0,16878
Датский	Фризский	842	758	800	200,50	0,25063
Ирландский	Исландский	512	990	751	137,25	0,18276
Ирландский	Испанский	512	146	329	31,00	0,09422
Ирландский	Итальянский	512	166	339	41,00	0,12094
Ирландский	Каталанский	512	519	515,5	94,92	0,18413
Ирландский	Латинский	512	236	374	32,00	0,08556
Ирландский	Латышский	512	951	731,5	89,50	0,12235
Ирландский	Литовский	512	132	322	13,50	0,04193
Ирландский	Македонский	512	669	590,5	93,17	0,15778
Ирландский	Немецкий	512	897	704,5	131,00	0,18595
Ирландский	Нидерландский	512	651	581,5	82,50	0,14187
Ирландский	Норвежский	512	1332	922	152,33	0,16522
Ирландский	Польский	512	331	421,5	56,50	0,13405
Ирландский	Португальский	512	51	281,5	11,00	0,03908
Ирландский	Румынский	512	118	315	40,00	0,12698
Ирландский	Русский	512	234	373	50,00	0,13405
Ирландский	Сербо-хорватский	512	312	412	57,00	0,13835
Ирландский	Словацкий	512	333	422,5	56,17	0,13294
Ирландский	Словенский	512	162	337	23,50	0,06973
Ирландский	Турецкий	512	93	302,5	32,00	0,10579
Ирландский	Украинский	512	307	409,5	41,92	0,10236
Ирландский	Фарерский	512	977	744,5	106,33	0,14283
Ирландский	Финский	512	204	358	43,50	0,12151
Ирландский	Французский	512	166	339	20,00	0,05900
Ирландский	Чешский	512	281	396,5	37,83	0,09542
Ирландский	Шведский	512	1438	975	153,58	0,15752
Ирландский	Эстонский	512	497	504,5	70,50	0,13974
Ирландский	Фризский	512	758	635	104,50	0,16457
Исландский	Испанский	990	146	568	53,00	0,09331
Исландский	Итальянский	990	166	578	61,00	0,10554
Исландский	Каталанский	990	519	754,5	142,83	0,18931
Исландский	Латинский	990	236	613	78,00	0,12724
Исландский	Латышский	990	951	970,5	189,50	0,19526
Исландский	Литовский	990	132	561	32,00	0,05704
Исландский	Македонский	990	669	829,5	154,00	0,18565
Исландский	Немецкий	990	897	943,5	198,00	0,20986
Исландский	Нидерландский	990	651	820,5	149,83	0,18261
Исландский	Норвежский	990	1332	1161	295,83	0,25481
Исландский	Польский	990	331	660,5	80,50	0,12188
Исландский	Португальский	990	51	520,5	25,50	0,04899
Исландский	Румынский	990	118	554	56,00	0,10108
Исландский	Русский	990	234	612	64,00	0,10458
Исландский	Сербо-хорватский	990	312	651	77,00	0,11828
Исландский	Словацкий	990	333	661,5	96,00	0,14512

Исландский	Словенский	990	162	576	45,50	0,07899
Исландский	Турецкий	990	93	541,5	39,00	0,07202
Исландский	Украинский	990	307	648,5	77,00	0,11874
Исландский	Фарерский	990	977	983,5	220,50	0,22420
Исландский	Финский	990	204	597	70,33	0,11781
Исландский	Французский	990	166	578	34,00	0,05882
Исландский	Чешский	990	281	635,5	60,00	0,09441
Исландский	Шведский	990	1438	1214	290,83	0,23957
Исландский	Эстонский	990	497	743,5	117,50	0,15804
Исландский	Фризский	990	758	874	177,50	0,20309
Испанский	Итальянский	146	166	156	29,00	0,18590
Испанский	Каталанский	146	519	332,5	53,00	0,15940
Испанский	Латинский	146	236	191	20,00	0,10471
Испанский	Латышский	146	951	548,5	38,00	0,06928
Испанский	Литовский	146	132	139	9,00	0,06475
Испанский	Македонский	146	669	407,5	41,00	0,10061
Испанский	Немецкий	146	897	521,5	52,00	0,09971
Испанский	Нидерландский	146	651	398,5	39,00	0,09787
Испанский	Норвежский	146	1332	739	58,00	0,07848
Испанский	Польский	146	331	238,5	33,00	0,13836
Испанский	Португальский	146	51	98,5	10,00	0,10152
Испанский	Румынский	146	118	132	27,00	0,20455
Испанский	Русский	146	234	190	24,00	0,12632
Испанский	Сербо-хорватский	146	312	229	23,00	0,10044
Испанский	Словацкий	146	333	239,5	29,00	0,12109
Испанский	Словенский	146	162	154	10,00	0,06494
Испанский	Турецкий	146	93	119,5	15,00	0,12552
Испанский	Украинский	146	307	226,5	20,00	0,08830
Испанский	Фарерский	146	977	561,5	40,00	0,07124
Испанский	Финский	146	204	175	21,00	0,12000
Испанский	Французский	146	166	156	17,00	0,10897
Испанский	Чешский	146	281	213,5	15,00	0,07026
Испанский	Шведский	146	1438	792	66,00	0,08333
Испанский	Эстонский	146	497	321,5	30,00	0,09331
Испанский	Фризский	146	758	452	44,00	0,09735
Итальянский	Каталанский	166	519	342,5	52,00	0,15182
Итальянский	Латинский	166	236	201	23,00	0,11443
Итальянский	Латышский	166	951	558,5	49,00	0,08774
Итальянский	Литовский	166	132	149	10,00	0,06711
Итальянский	Македонский	166	669	417,5	48,00	0,11497
Итальянский	Немецкий	166	897	531,5	63,00	0,11853
Итальянский	Нидерландский	166	651	408,5	41,00	0,10037
Латышский	Словенский	951	162	556,5	60,33	0,10842
Итальянский	Польский	166	331	248,5	42,00	0,16901
Итальянский	Португальский	166	51	108,5	10,00	0,09217
Итальянский	Румынский	166	118	142	30,00	0,21127
Итальянский	Русский	166	234	200	25,00	0,12500
Итальянский	Сербо-хорватский	166	312	239	29,00	0,12134
Итальянский	Словацкий	166	333	249,5	37,00	0,14830
Итальянский	Словенский	166	162	164	20,00	0,12195
Итальянский	Турецкий	166	93	129,5	14,00	0,10811
Итальянский	Украинский	166	307	236,5	24,00	0,10148
Итальянский	Фарерский	166	977	571,5	47,00	0,08224
Итальянский	Финский	166	204	185	26,00	0,14054
Итальянский	Французский	166	166	166	27,00	0,16265
Итальянский	Чешский	166	281	223,5	26,00	0,11633

Итальянский	Шведский	166	1438	802	81,00	0,10100
Итальянский	Эстонский	166	497	331,5	40,00	0,12066
Итальянский	Фризский	166	758	462	47,00	0,10173
Каталанский	Латинский	519	236	377,5	27,00	0,07152
Каталанский	Латышский	519	951	735	128,33	0,17460
Каталанский	Литовский	519	132	325,5	26,00	0,07988
Каталанский	Македонский	519	669	594	123,00	0,20707
Каталанский	Немецкий	519	897	708	155,00	0,21893
Каталанский	Нидерландский	519	651	585	131,17	0,22422
Каталанский	Норвежский	519	1332	925,5	182,50	0,19719
Каталанский	Польский	519	331	425	67,00	0,15765
Каталанский	Португальский	519	51	285	21,00	0,07368
Каталанский	Румынский	519	118	318,5	42,00	0,13187
Каталанский	Русский	519	234	376,5	64,00	0,16999
Каталанский	Словацкий	519	333	426	82,33	0,19327
Каталанский	Словенский	519	162	340,5	36,50	0,10720
Каталанский	Турецкий	519	93	306	37,50	0,12255
Каталанский	Украинский	519	307	413	64,58	0,15638
Каталанский	Фарерский	519	977	748	103,00	0,13770
Каталанский	Финский	519	204	361,5	52,33	0,14477
Каталанский	Французский	519	166	342,5	27,00	0,07883
Каталанский	Чешский	519	281	400	41,00	0,10250
Каталанский	Шведский	519	1438	978,5	176,67	0,18055
Каталанский	Эстонский	519	497	508	82,00	0,16142
Каталанский	Фризский	519	758	638,5	126,00	0,19734
Латинский	Латышский	236	951	593,5	68,00	0,11457
Латинский	Литовский	236	132	184	14,00	0,07609
Латинский	Македонский	236	669	452,5	51,00	0,11271
Латинский	Французский	118	166	142	18,00	0,12676
Латинский	Нидерландский	236	651	443,5	30,00	0,06764
Латинский	Норвежский	236	1332	784	96,00	0,12245
Латинский	Польский	236	331	283,5	22,00	0,07760
Латинский	Португальский	236	51	143,5	14,00	0,09756
Латинский	Румынский	236	118	177	34,00	0,19209
Латинский	Русский	236	234	235	28,00	0,11915
Латинский	Сербо-хорватский	236	312	274	23,00	0,08394
Латинский	Словацкий	236	333	284,5	39,00	0,13708
Латинский	Словенский	236	162	199	14,00	0,07035
Латинский	Турецкий	236	93	164,5	11,00	0,06687
Латинский	Украинский	236	307	271,5	49,00	0,18048
Латинский	Фарерский	236	977	606,5	76,00	0,12531
Латинский	Финский	236	204	220	32,00	0,14545
Латинский	Французский	236	166	201	12,00	0,05970
Латинский	Чешский	236	281	258,5	26,00	0,10058
Латинский	Эстонский	236	497	366,5	23,00	0,06276
Латинский	Фризский	236	758	497	63,00	0,12676
Латышский	Литовский	951	132	541,5	49,00	0,09049
Латышский	Македонский	951	669	810	186,67	0,23045
Латышский	Немецкий	951	897	924	188,50	0,20400
Латышский	Нидерландский	951	651	801	168,00	0,20974
Латышский	Норвежский	951	1332	1141,5	239,17	0,20952
Латышский	Польский	951	331	641	79,00	0,12324
Латышский	Португальский	951	51	501	19,00	0,03792
Латышский	Румынский	951	118	534,5	58,00	0,10851
Латышский	Русский	951	234	592,5	87,00	0,14684
Латышский	Сербо-хорватский	951	312	631,5	92,50	0,14648

Латышский	Словацкий	951	333	642	99,00	0,15421
Латышский	Турецкий	951	93	522	35,50	0,06801
Латышский	Украинский	951	307	629	88,67	0,14096
Латышский	Фарерский	951	977	964	127,50	0,13226
Латышский	Финский	951	204	577,5	66,00	0,11429
Латышский	Французский	951	166	558,5	25,00	0,04476
Латышский	Чешский	951	281	616	73,00	0,11851
Латышский	Шведский	951	1438	1194,5	290,58	0,24327
Латышский	Эстонский	951	497	724	118,50	0,16367
Латышский	Фризский	951	758	854,5	151,00	0,17671
Литовский	Македонский	132	669	400,5	42,50	0,10612
Литовский	Немецкий	132	897	514,5	38,00	0,07386
Литовский	Нидерландский	132	651	391,5	32,00	0,08174
Литовский	Норвежский	132	1332	732	39,00	0,05328
Литовский	Польский	132	331	231,5	22,00	0,09503
Литовский	Португальский	132	51	91,5	7,00	0,07650
Литовский	Румынский	132	118	125	17,00	0,13600
Литовский	Русский	132	234	183	23,00	0,12568
Литовский	Сербо-хорватский	132	312	222	26,00	0,11712
Литовский	Словацкий	132	333	232,5	22,50	0,09677
Литовский	Словенский	132	162	147	12,50	0,08503
Литовский	Турецкий	132	93	112,5	14,00	0,12444
Литовский	Украинский	132	307	219,5	25,00	0,11390
Литовский	Фарерский	132	977	554,5	20,00	0,03607
Литовский	Финский	132	204	168	14,50	0,08631
Литовский	Французский	132	166	149	4,00	0,02685
Литовский	Чешский	132	281	206,5	10,50	0,05085
Литовский	Шведский	132	1438	785	56,00	0,07134
Литовский	Эстонский	132	497	314,5	20,00	0,06359
Литовский	Фризский	132	758	445	19,00	0,04270
Македонский	Немецкий	669	897	783	172,00	0,21967
Македонский	Нидерландский	669	651	660	135,17	0,20480
Македонский	Норвежский	669	1332	1000,5	201,17	0,20107
Македонский	Польский	669	331	500	98,33	0,19667
Македонский	Португальский	669	51	360	21,50	0,05972
Македонский	Румынский	669	118	393,5	56,00	0,14231
Македонский	Русский	669	234	451,5	87,00	0,19269
Македонский	Сербо-хорватский	669	312	490,5	116,50	0,23751
Македонский	Словацкий	669	333	501	106,50	0,21257
Македонский	Словенский	669	162	415,5	47,33	0,11392
Македонский	Турецкий	669	93	381	47,00	0,12336
Македонский	Украинский	669	307	488	85,50	0,17520
Македонский	Фарерский	669	977	823	126,00	0,15310
Македонский	Финский	669	204	436,5	64,00	0,14662
Македонский	Французский	669	166	417,5	26,00	0,06228
Македонский	Чешский	669	281	475	58,50	0,12316
Македонский	Шведский	669	1438	1053,5	255,00	0,24205
Македонский	Эстонский	669	497	583	86,00	0,14751
Македонский	Фризский	669	758	713,5	140,50	0,19692
Немецкий	Нидерландский	897	651	774	183,50	0,23708
Немецкий	Норвежский	897	1332	1114,5	296,50	0,26604
Немецкий	Польский	897	331	614	87,50	0,14251
Немецкий	Португальский	897	51	474	19,00	0,04008
Немецкий	Румынский	897	118	507,5	52,00	0,10246
Немецкий	Русский	897	234	565,5	69,00	0,12202
Немецкий	Сербо-хорватский	897	312	604,5	107,50	0,17783

Немецкий	Словацкий	897	333	615	103,50	0,16829
Немецкий	Словенский	897	162	529,5	52,00	0,09821
Немецкий	Турецкий	897	93	495	33,00	0,06667
Немецкий	Украинский	897	307	602	75,00	0,12458
Немецкий	Фарерский	897	977	937	171,00	0,18250
Немецкий	Финский	897	204	550,5	61,50	0,11172
Немецкий	Французский	897	166	531,5	24,00	0,04516
Немецкий	Чешский	897	281	589	67,50	0,11460
Немецкий	Шведский	897	1438	1167,5	326,50	0,27966
Немецкий	Эстонский	897	497	697	123,50	0,17719
Немецкий	Фризский	897	758	827,5	188,50	0,22779
Нидерландский	Норвежский	651	1332	991,5	216,83	0,21869
Нидерландский	Польский	651	331	491	81,00	0,16497
Нидерландский	Португальский	651	51	351	16,00	0,04558
Нидерландский	Румынский	651	118	384,5	47,00	0,12224
Нидерландский	Русский	651	234	442,5	68,00	0,15367
Нидерландский	Сербо-хорватский	651	312	481,5	81,50	0,16926
Нидерландский	Словацкий	651	333	492	87,00	0,17683
Нидерландский	Словенский	651	162	406,5	33,50	0,08241
Нидерландский	Турецкий	651	93	372	33,50	0,09005
Нидерландский	Украинский	651	307	479	44,25	0,09238
Нидерландский	Фарерский	651	977	814	107,00	0,13145
Нидерландский	Финский	651	204	427,5	55,50	0,12982
Нидерландский	Французский	651	166	408,5	31,00	0,07589
Нидерландский	Чешский	651	281	466	55,00	0,11803
Нидерландский	Шведский	651	1438	1044,5	257,67	0,24669
Нидерландский	Эстонский	651	497	574	107,00	0,18641
Нидерландский	Фризский	651	758	704,5	165,00	0,23421
Норвежский	Польский	1332	331	831,5	99,67	0,11986
Норвежский	Португальский	1332	51	691,5	25,50	0,03688
Норвежский	Румынский	1332	118	725	60,00	0,08276
Норвежский	Русский	1332	234	783	87,00	0,11111
Норвежский	Сербо-хорватский	1332	312	822	117,00	0,14234
Норвежский	Словацкий	1332	333	832,5	121,50	0,14595
Норвежский	Словенский	1332	162	747	60,50	0,08099
Норвежский	Турецкий	1332	93	712,5	45,00	0,06316
Норвежский	Украинский	1332	307	819,5	92,67	0,11308
Норвежский	Фарерский	1332	977	1154,5	250,83	0,21727
Норвежский	Французский	1332	166	749	33,00	0,04406
Норвежский	Чешский	1332	281	806,5	69,00	0,08555
Норвежский	Шведский	1332	1438	1385	412,37	0,29774
Норвежский	Эстонский	1332	497	914,5	154,50	0,16894
Норвежский	Фризский	1332	758	1045	262,00	0,25072
Польский	Португальский	331	51	191	13,00	0,06806
Польский	Румынский	331	118	224,5	38,00	0,16927
Польский	Русский	331	234	282,5	33,00	0,11681
Польский	Сербо-хорватский	331	312	321,5	62,50	0,19440
Польский	Словацкий	331	333	332	60,50	0,18223
Польский	Словенский	331	162	246,5	24,00	0,09736
Польский	Турецкий	331	93	212	16,50	0,07783
Польский	Украинский	331	307	319	40,33	0,12644
Польский	Фарерский	331	977	654	67,83	0,10372
Польский	Финский	331	204	267,5	43,50	0,16262
Польский	Французский	331	166	248,5	12,00	0,04829
Польский	Чешский	331	281	306	43,00	0,14052
Польский	Шведский	331	1438	884,5	124,17	0,14038

Польский	Эстонский	331	497	414	57,00	0,13768
Польский	Фризский	331	758	544,5	72,83	0,13376
Португальский	Румынский	51	118	84,5	9,00	0,10651
Португальский	Русский	51	234	142,5	14,00	0,09825
Португальский	Сербо-хорватский	51	312	181,5	16,00	0,08815
Португальский	Словацкий	51	333	192	8,00	0,04167
Португальский	Словенский	51	162	106,5	6,00	0,05634
Португальский	Турецкий	51	93	72	6,00	0,08333
Португальский	Украинский	51	307	179	16,50	0,09218
Португальский	Фарерский	51	977	514	18,00	0,03502
Португальский	Финский	51	204	127,5	11,00	0,08627
Португальский	Французский	51	166	108,5	7,00	0,06452
Португальский	Чешский	51	281	166	14,00	0,08434
Португальский	Шведский	51	1438	744,5	31,50	0,04231
Португальский	Эстонский	51	497	274	13,00	0,04745
Португальский	Фризский	51	758	404,5	24,00	0,05933
Румынский	Русский	118	234	176	32,00	0,18182
Румынский	Сербо-хорватский	118	312	215	29,00	0,13488
Румынский	Словацкий	118	333	225,5	39,00	0,17295
Румынский	Словенский	118	162	140	17,00	0,12143
Румынский	Турецкий	118	93	105,5	10,00	0,09479
Румынский	Украинский	118	307	212,5	33,00	0,15529
Румынский	Фарерский	118	977	547,5	48,00	0,08767
Румынский	Финский	118	204	161	23,00	0,14286
Румынский	Чешский	118	281	199,5	23,00	0,11529
Румынский	Шведский	118	1438	778	83,00	0,10668
Румынский	Эстонский	118	497	307,5	32,00	0,10407
Румынский	Фризский	118	758	438	54,00	0,12329
Русский	Сербо-хорватский	234	312	273	41,00	0,15018
Русский	Словацкий	234	333	283,5	63,00	0,22222
Русский	Словенский	234	162	198	25,00	0,12626
Русский	Турецкий	234	93	163,5	21,00	0,12844
Русский	Украинский	234	307	270,5	62,00	0,22921
Русский	Фарерский	234	977	605,5	50,00	0,08258
Русский	Финский	234	204	219	28,00	0,12785
Русский	Французский	234	166	200	12,00	0,06000
Русский	Чешский	234	281	257,5	43,00	0,16699
Русский	Шведский	234	1438	836	104,00	0,12440
Русский	Фризский	234	758	496	68,00	0,13710
Сербо-хорв.	Словацкий	312	333	322,5	51,50	0,15969
Сербо-хорватский	Словенский	312	162	237	38,50	0,16245
Сербо-хорватский	Турецкий	312	93	202,5	29,00	0,14321
Сербо-хорватский	Украинский	312	307	309,5	31,00	0,10016
Сербо-хорватский	Фарерский	312	977	644,5	78,00	0,12102
Сербо-хорватский	Финский	312	204	258	42,50	0,16473
Сербо-хорватский	Французский	312	166	239	13,00	0,05439
Сербо-хорватский	Чешский	312	281	296,5	44,00	0,14840
Сербо-хорватский	Шведский	312	1438	875	141,50	0,16171
Сербо-хорватский	Эстонский	312	497	404,5	57,50	0,14215
Сербо-хорватский	Фризский	312	758	535	88,00	0,16449
Словацкий	Словенский	333	162	247,5	27,50	0,11111
Словацкий	Турецкий	333	93	213	17,50	0,08216
Словацкий	Украинский	333	307	320	47,67	0,14896
Словацкий	Фарерский	333	977	655	74,00	0,11298
Словацкий	Финский	333	204	268,5	43,00	0,16015
Словацкий	Французский	333	166	249,5	15,00	0,06012

Словацкий	Чешский	333	281	307	40,00	0,13029
Словацкий	Шведский	333	1438	885,5	132,00	0,14907
Словацкий	Эстонский	333	497	415	54,67	0,13173
Словацкий	Фризский	333	758	545,5	76,00	0,13932
Словенский	Турецкий	162	93	127,5	14,50	0,11373
Словенский	Украинский	162	307	234,5	20,50	0,08742
Словенский	Фарерский	162	977	569,5	42,50	0,07463
Словенский	Финский	162	204	183	19,00	0,10383
Словенский	Французский	162	166	164	9,00	0,05488
Словенский	Чешский	162	281	221,5	17,00	0,07675
Словенский	Шведский	162	1438	800	76,00	0,09500
Словенский	Эстонский	162	497	329,5	28,00	0,08498
Словенский	Фризский	162	758	460	41,50	0,09022
Турецкий	Украинский	93	307	200	12,00	0,06000
Турецкий	Фарерский	93	977	535	28,00	0,05234
Турецкий	Финский	93	204	148,5	20,00	0,13468
Турецкий	Французский	93	166	129,5	6,00	0,04633
Турецкий	Чешский	93	281	187	14,00	0,07487
Турецкий	Шведский	93	1438	765,5	53,00	0,06924
Турецкий	Эстонский	93	497	295	21,50	0,07288
Турецкий	Фризский	93	758	425,5	32,50	0,07638
Украинский	Фарерский	307	977	642	70,33	0,10955
Украинский	Финский	307	204	255,5	21,50	0,08415
Украинский	Французский	307	166	236,5	7,00	0,02960
Украинский	Чешский	307	281	294	38,00	0,12925
Украинский	Шведский	307	1438	872,5	124,87	0,14311
Украинский	Эстонский	307	497	402	43,50	0,10821
Украинский	Фризский	307	758	532,5	54,67	0,10266
Фарерский	Финский	977	204	590,5	53,50	0,09060
Фарерский	Французский	977	166	571,5	20,00	0,03500
Фарерский	Чешский	977	281	629	43,50	0,06916
Фарерский	Шведский	977	1438	1207,5	260,33	0,21560
Фарерский	Эстонский	977	497	737	87,00	0,11805
Фарерский	Фризский	977	758	867,5	190,50	0,21960
Финский	Французский	204	166	185	8,00	0,04324
Финский	Чешский	204	281	242,5	26,00	0,10722
Финский	Шведский	204	1438	821	85,50	0,10414
Финский	Эстонский	204	497	350,5	48,50	0,13837
Финский	Фризский	204	758	481	64,00	0,13306
Французский	Чешский	166	281	223,5	7,00	0,03132
Французский	Шведский	166	1438	802	40,00	0,04988
Французский	Эстонский	166	497	331,5	17,00	0,05128
Французский	Фризский	166	758	462	25,00	0,05411
Чешский	Шведский	281	1438	859,5	106,00	0,12333
Чешский	Эстонский	281	497	389	32,00	0,08226
Шведский	Эстонский	1438	497	967,5	165,17	0,17071
Фризский	Чешский	758	281	519,5	42,00	0,08085
Фризский	Шведский	758	1438	1098	258,50	0,23543
Фризский	Эстонский	758	497	627,5	93,50	0,14900

ЛИТЕРАТУРА

1. Кретов А.А. Проблемы квантитативной лексикологии славянских языков / А.А. Кретов, И.А. Меркулова, В.Т. Титов // Вопросы языкознания. – М.: РАН, 2011. – № 1. – С.52-65.

2. *Титов В.Т.* Общая квантитативная лексикология романских языков (Монография) / В.Т.Титов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. – 240 с.
3. *Титов В.Т.* Частная квантитативная лексикология романских языков (Монография) / В.Т. Титов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 552.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ-ИСТОЧНИКОВ

1. Англо-русский словарь: 40000 сл./ Сост. В.К. Мюллер, С.К. Боянус. – М.: Локид, 2000. – 1390 с.
2. *Андрианов Б.А.* Карманный румынско-русский словарь: ок. 8000 слов / сост. Б.А. Андрианов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Советская Энциклопедия, 1964. – 314 с.
3. *Барщевский Л.* Норвежско-русский, русско-норвежский словарь: 27 тыс. слов /Л. Барщевский Л., Ю. Железко, А. Нурданг. – М.: Мартин, 2004. – 446 с.
4. Белорусско-русский словарь: ок. 90000 слов/ под ред. К.К. Крапивы. – М.: Изд. иностр. и нац. словарей, 1962. – 1048 с.
5. *Берков В.П.* Исландско-русский словарь: 35000 слов / В.П. Берков; с прилож. краткого очерка грамматики исландского языка, сост. А. Бедварссоном. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1962. – 1032 с.
6. *Бернштейн С.Б.* Болгарско-русский словарь : ок. 58 000 слов / С.Б. Бернштейн. – Изд. 2-е, стер. – М.: Русский язык, 1975 . – 768 с.
7. Большой нидерландско-русский словарь: Ок. 180 000 сл. и словосочетаний / С.А. Миронов, В.О. Белоусов, Л.С. Шечкова и др.; под рук. С.А. Миронова. – 3-е изд., испр. – М.: Живой яз., 2006. – 916 с.
8. *Бондаренко А.В.* Новогреческо-русский и русско-новогреческий словарь общеупотребительной и деловой лексики. – М.: АСТ, Астрель 2002 г. – 256 стр.
9. *Вахрос И.* Финско-русский словарь: 82000 слов / И. Вахрос, А. Щербаков; ред. В. Оллыкайнен, И. Сало. – М.: Рус. яз., 1975. – 816 с.
10. *Гак В.Г.* Новый французско-русский словарь: ок. 70000 слов/ В.Г. Гак, К.А. Ганшина. – 4-е изд. – М. : Рус. яз., 1998 . – 1194 с.
11. *Ганич Д.И., Олейник И.С.* Русско-украинский и украинско-русский словарь: 12000 слов/ – 6-е стер. изд. – Київ: МП ‘Феникс’, 1992 – 560 с.
12. *Грабчиков С.М.* Белорусско-русский словарь /Под ред. А.Е. Баханькова/ 2-е изд., переработанное. – Минск: ‘Нар. Света’, 1975. – 240 с.
13. *Гудков В.П.* Сербско-русский и русско-сербский словарь = Српско-русски и руско-српски речник: 20000 слов / В. П. Гудков, С. Иванович. – 6-е изд., стер. – М.: Рус. яз. Медиа, 2007. – 425 с.
14. *Гуськов А.П.* Венгерско-русский словарь. – М.: Рус. яз.: Медиа, 2005. – 630 с.
15. Датско-русский и русско-датский словарь / под ред. Е. В. Бабушкиной-Лорентцен. – 6-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 2002. – 653 с.
16. *Длуги Д.А.* Чешско-русский словарь: ок. 11000 слов/ Д.А. Длуги, Б.Г. Раевский, Н.Р. Буравцева – 2-ое стер. изд./ Д.А. Длуги, Б.Г. Раевский, Н.Р. Буравцева. – М.: Советская энциклопедия, 1973.
17. *Ефремова В.В.* Шведско-русский и русско-шведский словарь / В.В. Ефремова; под ред. К. Давидсон. – М.; СПб. : Дельта : М.Г.В., 2003. – 908 с.
18. *Загнітко А.П.* Великий українсько-російський і російсько-український словник: ок. 22000 слов / А.П. Загнітко., М.О. Вінтонів, І.Г. Данилюк. – Донецьк: ТОВ ВКФ ‘БАО’, 2007. – 949 с.
19. *Зорько Г.Ф.* Большой итальянско-русский словарь = Grande dizionario italiano-russo: ок. 300000 слов и словосочетаний / Г.Ф. Зорько, Б.Н. Майзель, Н.А. Скворцова. – 7-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 2004 . – 1018 с.
20. *Иоанидис А.А.* Новогреческо-русский словарь: ок. 40000 слов / А.А. Иоанидис; под ред. А.А.Белецкого. – М.: ГИИНС, 1961. – 849 с.

21. Карманный словацко-русский и русско-словацкий словарь / сост. Д. Коллар [и др.]. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1982. – 512 с.
22. *Косухин В.* Литовско-русский словарь: около 22 000 слов / В. Косухин, А. Либерис; под ред. Х.Лемхена. – Вильнюс: Гос. Изд-во политехнич. и науч. лит-ры Литовской ССР, 1956. – 392 с.
23. *Котник Я.* Словенско-русский словарь / сост. Янко Котник. – 2-е изд. – Любляна : Гос. издание Словении, 1967. – 817 с.
24. *Кочи Р.Д.* Краткий албанско-русский словарь: 13000 слов / сост.: Р.Д. Кочи [и др.]; ред. А. Косталлари, с прил. краткого очерка грамматики албанского языка сост. Б.А. Серебренниковым. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1951. – 547 с.
25. *Красова Г.А.* Карманный итальянско-русский словарь = Dizionario Tascabile Italiano-Russo: около 12000 слов / Г.А. Красова, Г. Дзаппи. – 2-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1993. – 350 с.
26. Латышско-русский словарь: в 2 т.: около 53000 слов / М. Бейтиня, А. Дарбиня, Ф. Марцинкевич и др. – Рига: Лиесма, 1979. – Т. 1: А – М. – 699 с.; Рига: Авотс, 1981. – Т.2: N – Ž. – 755 с.
27. *Леонидова М.А.* Карманный болгарско-русский словарь = Джебен българско-русски речник: 10600 слов / сост. М.А. Леонидова. – 8-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1980. – 520 с.
28. *Либерис А.* Литовско-русский словарь. – 3 изд. – Вильнюс: Mokslas, 2001. – 949 с.
29. *Марцишевская К.А.* Карманный испанско-русский словарь: 11000 слов / К.А. Марцишевская. – 3-е изд., стер. – М. Русский язык, 1974. – 420 с.
30. *Митронова И.Н.* Карманный польско-русский и русско-польский словарь = Slownik Kieszonkowy Polsko-Rosyjski i Rosyjsko-Polski / И.Н. Митронова, Г.В. Сеницына. – Изд. 21-е, испр. – М.: Русский язык, 1989. – 606 с.
31. Новый большой норвежско-русский словарь = Ny stor norsk-russisk ordbok : в 2 томах : свыше 300000 словарных статей, значений слов и выражений /рук. проекта и отв. ред. В. Берков; ред. Х. Харальдсон, С. Коттум. – М.: Живой язык, 2006. – Т. 1: А – L. – 748 с.; – Т. 2: М – А. – С. 757-1584.
32. Новый большой шведско-русский словарь /координатор проекта Б.-М. Берглунд, рук. проекта и отв. ред. У. Биргегорд, отв. ред. Э. Марклунд-Шарапова. – М.: Живой язык, 2007. – 992 с.
33. Новый немецко-русский словарь/ под ред. М.Я. Цвиллинга. – М.: ОНИКС 21 век, 2005. – 524 с.
34. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Около 70 000слов / С.И. Ожегов; Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1990. – 922 с.
35. *Раевская О. В.* Французско-русский и русско-французский словарь (краткий) / О.В. Раевская. – М. : Рус. яз., 1995. – 598 с.
36. *Розвадовская М.Ф.* Польско-русский словарь: ок. 50000 слов и выражений. – Изд. 7-е. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1963. – 817 с.
37. *Тамм Й.* Эстонско-русский словарь. – Таллин: Валгус, 1974. – 768 с.
38. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]: более 2500000 слов / сост. и ред. Д.Н. Ушаков. – Электрон. версия 4-т. словаря. – Электрон. текстовые дан. – М.: ЭТС, 1999. – 1 электрон. опт. диск (CD).
39. *Толовски Д.* Македонско-русский словарь: 30000 слов: с прил. краткого грамматического справочника, сост. В.М. Иллич-Свитычем. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1963. – 576 с.
40. *Хоригов И.П.* Новогреческо-русский словарь: ок. 67000 слов / И.П. Хоригов, М.Г. Малев. – М: Русский язык, 1980. – 853 с.

41. *Шалагина И.Н.* Карманный португальско-русский словарь = Dicionario de bolso Portugues-Russo: 9000 слов / И.Н. Шалагина. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1987. – 352 с.
42. *Шобаков А.В.* Ирландско-русский словарь. – Tristamson, 2006. – 363 с.
43. *Щербинин В.Г.* Краткий турецко-русский словарь: ок. 10000 слов / В.Г. Щербинин. – М.: Русский язык, 1977. – 405 с.
44. *Bank S.* Diccionari rus-català y català-rus / S. Bank, D. Szmidt, M.Zgustová. – Barcelona: Enciclopèdia Catalana, 1999. – 585 p.
45. *Dykstra A.* Frisian-English Dictionary / Anne Dykstra. – Fryske Akademy / Afûk – Ljouwert / Leeuwarden, 2000. – 1153 p.
46. *Young G.V.C.* Faroese-English Dictionary / G.V.Ch. Young, C.R. Clewer. – Republic of Ireland, 1985. – 684 p.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО «ХРУПКИЙ»

Ведение

Как известно, многие языки мира характеризуются наличием синонимов – слов с очень похожими значениями. Полнозначных синонимов не существует: каждый из синонимов обладает своими собственными семантическими и синтаксическими особенностями, отличающими данный синоним от других членов синонимического ряда. Совокупность элементов ряда задает своего рода пространство семантических возможностей – ситуаций, для которых может использоваться тот или иной синоним из данного ряда. Каждый синоним занимает определенный участок в общем семантическом поле. Существенно при этом, что разные языки по-разному распределяют семантический материал между словами синонимического ряда. Исследованием различий между способами выражения тех или иных значений в языках мира занимается лексическая типология [1, 2: 3-31, 3].

В данном исследовании будет рассмотрено лексическое поле прилагательного «хрупкий» и будут описаны основные особенности семантических классов, которые обычно влияют на выбор одного из синонимов.

Методология

Прежде всего, для данного исследования была проведена большая работа со словарями. Первым делом, были выявлены все синонимы для прилагательного «хрупкий» в русском языке, а затем для каждого из остальных рассматриваемых в текущем исследовании языков. Данные по синонимам для пяти языков представлены в таблице ниже.

Русский: *хрупкий, ломкий, непрочный*;

Английский: *fragile, brittle, frail, delicate*;

Немецкий: *zerbrechlich, spröde, brüchig, zart*;

Итальянский: *fragile, gracile, esile, delicate*;

Французский: *fragile, cassant, frêle, délicat*.

Настоящее исследование является корпусным, опирающимся на материалы трех русскоязычных корпусов: RuTenTen, Leeds Corpora и Национального корпуса русского языка. В каждом из вышеперечисленных корпусов был задан поиск по коллокациям со словом «хрупкий» так, чтобы данное прилагательное стояло только в атрибутивной позиции. Полученные лексемы были объединены и разбиты на классы, в соответствии с семантикой лексемы. Важно отметить, что не были взяты слова с переносным значением слова. Далее было изучено, какие прилагательные из синонимического ряда каждого языка могут употребляться с каждым из семантических классов лексем. Данное сопоставление было основано на результатах выдачи корпусов по рассмотренным языкам [4, 5, 6, 7]. Кроме того, были добавлены недостающие лексемы, которых не встретилось в русском языке, из других языков. Пример таблицы, отображающего выражение смысла «хрупкий» для каждого семантического класса, представлен ниже.

	стекло	фарфор	лед	скорлупа	кости	части тел
Русский	хрупкий	хрупкий	хрупкий	хрупкий	хрупкий	хрупкий
			ломкий	ломкий	ломкий	
			непрочный	непрочный		
Английский	fragile	fragile	fragile	fragile		
	brittle	Brittle	brittle	brittle	brittle	
					frail	frail
	delicate	delicate		delicate	delicate	
Французский	fragile	Fragile	fragile	fragile	fragile	fragile
	cassante	Cassante	cassante	cassante	cassant	
	délicat	délicat				Délicat
					frêle	
Немецкий	zerbrechl	zerbrechl	zerbrechl	zerbrechlich		zerbrechl
			zart	zart	zart	zart
					brüchig	
Итальянский	delicato					
						esile
						gracile
	fragile	fragile	fragile	fragile	fragile	

Далее данные были обобщены таким образом, чтобы получившиеся семантические классы образовывали фреймы. Если в нескольких языках одновременно для выражения нескольких типов объектов используется один и тот же синоним, т.е., как показано выше, для таких объектов, как *лед*, *стекло*, *фарфор* и *скорлупа* в каждом из рассмотренных языков используется одно и то же прилагательное (*хрупкий* в русском, *fragile* в английском, *fragile* во французском, *zerbrechlich* в немецком и *fragile* в итальянском), то такие объекты объединяются один фрейм. Таким образом, получаются следующие фреймы: ветки (тонкие, палочкообразные объекты); растения (небольшие растения); опоры (объекты, выступающие как вертикальная или горизонтальная опора); кости; ногти (волосы и ногти); мебель; здания; ткани (тонкие ткани); стекло (стекло, тонкие стеклянные или с похожей на стекло структурой объекты); тесто; части тела (тонкие части тела человека и части тела мелких животных); материалы (только *пластик* и *металл*); камни (драгоценные камни); лодка (только существительное *лодка*); шов (только существительное *шов*); бумага (тонкая бумага); украшения (маленькие женские украшения); нитки (тонкие нитки для шитья).

Из получившихся фреймов были отобраны наиболее частотные, т.е. такие, с которыми употребление прилагательного «хрупкий» наиболее характерно: ветки (тонкие, палочкообразные объекты); растения (небольшие растения); опоры (объекты, выступающие как вертикальная или горизонтальная опора); кости; ногти (волосы и ногти); мебель; здания; ткани (тонкие ткани); стекло (стекло, тонкие стеклянные или с похожей на стекло структурой объекты).

На основании получившихся фреймов можно сделать вывод о том, от чего зависит употребление определенного синонима прилагательного «хрупкий», т.е. какой именно характеристикой должен обладать объект, чтобы он мог быть выражен одним из прилагательных данного синонимического ряда.

Результаты

Прежде всего, стоит остановиться на результатах, полученных на материале русского языка. *Хрупкими* могут быть все объекты из выделенных наиболее частотных фреймов (см. выше), кроме ткани. Ткани, в свою очередь, так же, как и опоры, здания и мебель могут быть *непрочными*. *Ломкими* может быть только немногочисленная группа объектов, включающая в себя ветки, кости и ногти. Таким образом, можно предположить, что *ломкие* объекты – это, скорее, небольшие объекты вытянутой формы, которые могут ломаться «пополам», а *непрочные* объекты – достаточно массивные объекты, которые могут обрушиться, и легко рвущиеся объекты.

Далее, рассмотрим английский язык. Мебель, здания, ткани и стекло могут быть *fragile*. *Brittle* обычно являются ветки, кости, ногти, мебель, здания, стекло. Кости, ногти и опоры могут использоваться с прилагательным *frail*.

Во французском языке только ветки и растения не могут быть *fragile*. Все растения, кости и ветки являются *frêle*. *Délicat* могут быть только ткани. В свою очередь, стекло, ветки и кости используются с *cassant*. Напрашивается предположение, что *frêle* «выбирают» тонкие объекты вытянутой формы, а с *cassant* используются объекты, которые по своей структуре твердые, но легко ломающиеся или разбивающиеся.

В немецком языке стеклянные объекты могут использоваться только с *zerbrechlich*. Ветки и опоры объединяются, потому что могут появляться с прилагательным *spröde*. Растения, кости и ткани являются обычно *zart*. *Brüchig* выступают опоры, кости, ногти, здания и ткани.

В итальянском ветки, растения и ткани не могут быть *fragile*. Так же, как и в немецком ветки и опоры выражаются одним прилагательным – в итальянском языке *esile*. *Delicato* может использоваться только с тканями и стеклянными объектами.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что употребление синонимов слова «хрупкий» может зависеть от:

- Материала объекта;
- Формы объекта;
- Размера объекта;
- Суждения говорящего об объекте.

Расширение типологического материала позволит более точно определить, какие параметры ситуации обуславливают выбор того или иного элемента синонимического ряда в каждом из языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.А. Плузьян, Е.В. Рахилина. К типологии глаголов 'летать' и 'прыгать' / Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина // Глаголы движения в воде: лексическая типология. – М.: 2007.
  2. Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. – 2013. – № 2. – С. 3-31.
  3. М. Коптјевскаја-Тамм. Approaching lexical typology / М. Vanhove // From polysemy to semantic change: Towards a typology of lexical semantic associations. Amsterdam: 2008.
  4. Корпус немецкого языка LIMAS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://korpora.zim.uni-due.de/Limas/>. – Доступ свободный.
  5. Корпус английского языка СОСА [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/cosa/>. – Доступ свободный.
  6. Корпус французского языка Lexiquum [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://retour.iro.umontreal.ca/cgi-bin/lexiquum>. – Доступ свободный.
  7. Корпус итальянского языка CORIS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://korpora.dslo.unibo.it/TCORIS/>. – Доступ свободный.
  8. Национальный Корпус Русского Языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>. – Доступ свободный.
  9. Корпус RuTenTen (Sketch Engine) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sketchengine.co.uk>. – Доступ свободный.
- Leeds Corpora [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://corpus.leeds.ac.uk/internet.html>. – Доступ свободный.

ОТБОР ЛЕКСИКИ ДЛЯ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА¹

Задача лексико-типологического исследования состоит в том, чтобы сравнивать фрагменты лексической системы. Фрагменты традиционно выделяются по тематике: выбирается то или иное семантическое поле, например, лексика колебательного движения, температуры или протяженности в пространстве. Формально при этом материал ограничен только отношением к некоторой группе явлений действительности. Фактически же одновременно с семантическим критерием действует более или менее явно еще одно ограничение рассматриваемой лексики: по части речи. Объектом исследования стандартно становятся, скажем, *глаголы* разрушения, *прилагательные* температуры и т.п. Из проектов Московской лексико-типологической группы можно назвать исследования глаголов перемещения в воде [2], глаголов звуков животных [4], а также качественных прилагательных [5].

Судя по тому, что такая практика довольно широко распространена, она не является препятствием для типологического исследования. Но о ней нельзя не задуматься, если руководствоваться этими неявными ограничениями по части речи, подходя к данным японского языка.

Прежде всего приходится встретиться со словоизменительным классом, не имеющим прямых аналогов в грамматике западных языков: это идеофоны. Если в европейских языках мы привыкли видеть их на периферии как языковой системы, так и узуса, то в японском область их употребления гораздо шире – нехарактерны они только для официальной письменной речи, но в остальном употребляются очень активно, и многие из них даже не сильно маркированы стилистически.

Японские идеофоны очень многочисленны и описывают не только звуки, но и всевозможные ощущения – например, зрительные (*kira-kira* «сверкающий») и тактильные (*nuru-nuru* «скользящий», *fuwa-fuwa* «пушистый»).

Их присутствие определяет пейзаж многих лексико-семантических полей, и исключив их из рассмотрения, исследователь рискует получить искаженную картину. Так, в семантическом поле боли многие конкретные виды боли выражаются идеофонами: *ude ga chiku-chiku suru* «руку покалывает» (букв. «рука делает укол-укол»), *ha ga zuki-zuki itamu* «зуб дергает» (букв. «зуб болит дерг-дерг»). При сопоставлении с болевой лексикой других языков оказывается, что переносные употребления глаголов горения, воздействия острым инструментом, деформации и другие метафоры, которые являются отличительной типологической особенностью этого поля по данным исследования [3], в японском представлены слабее. Кажется небезосновательным предположить, что место этих глаголов заняли идеофоны. Некоторые из них сами демонстрируют такой же переход от физического значения к болевому (ср. *hari de chiku-chiku sasu* «колоть иглой», букв. «иглой колоть укол-укол», где упомянутый выше идеофон колющей боли *chiku-chiku* использован в основном значении). Однако для других, таких как идеофон пульсирующей боли *zuki-zuki* или идеофон жжения *hiri-hiri*, болевое значение является исходным и единственным. В этих случаях смыслы, описываемые во многих языках с помощью метафор, в японском получают выражение напрямую.

Исследователь, слишком привыкший к тому, чтобы мыслить категориями европейских языков, рискует вообще не привлечь идеофоны к рассмотрению – и упустить существенную особенность лексической системы.

---

¹ Работа выполнена по проекту РФФИ 14-06-00343 «Научно-информационный портал по признаковой лексике».

Еще одна проблема касается всего набора японских словоизменительных классов. Общеизвестно, что соответствие между частями речи в языках разного строя является приблизительным, и в особенности сложно бывает выделить класс, соответствующий прилагательному. В японском языке за статус прилагательного соперничают две части речи. Одна из них – так называемые полупредикативные прилагательные, открытый класс слов, который принимает в себя в том числе заимствования (например, *gurōbaru-na nettowāku* «глобальная сеть»). Вторая, предикативные прилагательные, морфологически больше всего общего имеет с японскими глаголами: они так же изменяются по временам и образуют конвербы. Прилагательными, а не особым спряжением глаголов, их считают, среди прочего, на том основании, что именно в этом классе состоят слова с прототипической для прилагательных семантикой (*ookii* «большой», *wakai* «молодой», *shiroi* «белый» и тому подобные).

Японские предикативные прилагательные регулярно встречаются при поисках «прилагательных чего-либо»: ими выражаются многие качественные признаки. Но иногда они появляются и вместо «глаголов чего-либо» – пусть не движения или деформации, но, скажем, центральной лексемой в поле боли оказался не глагол *itamu* «болеть», а именно предикативное прилагательное *itai* «больно». Оно свободно встречается и в позиции сказуемого, и в позиции определения (например, *mimi ga itai* «уши болят», *itai chūsha* «болезненная инъекция»). Включая такие единицы в рассмотрение наравне с глаголами, приходится делать оговорку о специфике японских частей речи.

Встречную проблему представляют собой глаголы. Некоторые стативные глаголы в японском языке функционируют практически как прилагательные; в частности, они тяготеют к определительной позиции (и, как правило, выступают в ней в форме прошедшего времени, хотя обозначают постоянный признак [1, с.108]).

Их часто приходится обнаруживать вместо качественных прилагательных. Так, семантическое поле влажности не содержит ни одного прилагательного – основные лексемы в нем, *nureta* «мокрый», *shimetta* «влажный» и *shiketa* «сырой», образованы от глаголов. В семантическом поле 'острый' пару к (предикативному) прилагательному *surudoī* «острый» составляет слово *togatta* «остроконечный» (например, *togatta hana* «острый нос»), формально прошедшее время от глагола *togaru* «заостряться».

Статус этих единиц во многом аналогичен русским прилагательным, образованным от причастий: они материально неотличимы от форм, входящих в парадигму глагола, а словари дают некоторые из них отдельными входами, демонстрируя при этом значительный разброс.

Мы сможем соблюсти ограничение на часть речи, объявив все слова типа *togatta* отдельными лексемами, независимыми от глаголов. После этого их придется различать при отборе примеров. К глаголу отойдут все формы, кроме прошедшего времени и длительного вида, например, деепричастие предшествования из следующего фрагмента: *ōshūjin ga hana ga togatte takaku natta no wa* «Тот факт, что у европейцев носы заострились и удлинились». Глагольными же, по-видимому, надо будет считать такие контексты, где у формы прошедшего времени или длительного вида есть собственные зависимые – например, в следующем фрагменте будет усмотрен не адъектив *togatta*, а прошедшее время глагола *togaru* в составе определительного придаточного, поскольку у него есть подлежащее *saki* «кончик»: *saki ga togatta hana* «Нос, у которого заострен кончик».

Вопрос состоит не в том, можно ли различить глаголы и производные от них адъективные образования, если поставить такую цель – с очевидностью можно, даже если не всегда тривиально. Но насколько это необходимо в рамках задачи описать семантическое поле? Совершенно неочевидно, что примеры с глаголом чем-либо плохи. Почему надо отказываться от контекстов типа *Kayaku ga shikete-ireba bakuatsu shinai*

«Порох не взрывается, если отсырел», где мы имеем глагол в условной форме, в пользу однозначно адъективных контекстов типа *shiketa tabako* «отсыревшие сигареты»?

Если не ограничивать часть речи, в поле рассмотрения попадает больше слов. Так, в поле 'пустой' наряду с *kara* «пусто» в любом случае придется затрагивать отглагольную единицу *aita* «пустой, свободный» от *aku* «открываться; пустеть, освободиться» (например, *Aita gurasu ga nai ka kakunin shi-tsuzukeru* «(Во время застолья) непрерывно проверяет, нет ли пустых стаканов»).

Если расширить круг исследования и учесть всю парадигму глагола *aku*, естественным следующим шагом будет привлечь его частичный квазисиноним *suku* «пустеть». В ситуациях, описываемых глаголом *aku*, содержимое исчезает полностью, как показывают контексты *seki / heya / jikan ga aita* «освободилось кресло / комната (например, в гостинице) / время». Глагол *suku* предполагает лишь, что количество содержимого уменьшилось, но не обязательно до нуля, например, *densha ga suite-kita* «в электричке стало свободно» (или «свободнее»). Противопоставление по количеству содержимого важно для концептуализации контейнеров, и кажется жаль игнорировать японский материал из-за того, что интересующее нас семантическое различие представлено не в прилагательном, а в глаголе.

Еще более яркий случай такого рода можно наблюдать в поле размеров. Это поле в японском языке богато прилагательными, и среди них есть, в частности, *takai* «высокий» (например, *takai kabe* «высокая стенка») и *nagai* (например, *nagai ita* «длинная доска»). Однако наряду с этими прилагательными существует глагол *nobiru*, который означает «увеличиваться по наибольшему измерению», т.е. становиться длиннее или выше вне зависимости от пространственной ориентации: *ki ga nobiru* «дерево растет», *gomu ga nobiru* «резинка растягивается». В следующих примерах глагол *nobiru* употреблен вместе с прилагательными *takai* «высокий» и *nagai* «длинный»: *takaku nobita kusa* «высоко выросшая трава», *nagaku nobita kami* «длинно отросшие волосы».

Тот факт, что в японском языке, при наличии оппозиции «высокий» vs. «длинный», все же есть лексема, которая не делает этого различия, кажется заслуживающим упоминания. Однако он неизбежно ускользнет от внимания исследователя, если тот ограничится прилагательными и не будет рассматривать глаголы.

Похожая ситуация имеет место и в семантическом поле 'полный': там хочется учесть глагол *umeru* «закапывать; заполнять». Он интересен тем, что характеризует устранение пустоты в материальном или абстрактном объекте как возвращение этого объекта из дефектного состояния в нормальное – например, *kabe no sukima o pate de umeru* «замазать щели в стене шпаклевкой» (стена не должна иметь щелей), *ketsuin o umeru* «заполнить вакансию» (штат должен быть укомплектован), *akaji o umeru* «компенсировать дефицит бюджета» и проч.

Здесь проявляется сближение семантических полей 'полный' и 'неповрежденный', которое типологически засвидетельствовано и для других языков. Японский не описывает комплектность прилагательным со значением 'полный', как рус. *полный набор*, но семантика глагола *umeru* показывает, что связь между идеями пустоты и дефекта для японского языка тоже актуальна.

Подводя итог, можно сказать, что японский в качестве экзотического языка полезен для лексической типологии. Интерес заключается не только в том, насколько ожидаемую или, наоборот, нетривиальную структуру в нем имеют конкретные семантические поля, но также в том, что его материал наравне с содержанием исследования заставляет обратить внимание на методологию.

Отбор лексики по словоизменительному классу – один из аспектов работы лексического типолога, который для японского материала приходится формулировать в явном виде.

По сравнению с другими методологическими вопросами, такими как выбор источника материала, важность использования корпусов текстов или процедура

анкетирования, смысл отбора слов по части речи редко обсуждается. Хотелось бы, чтобы явления японского и других языков разного строя стали поводом пролить дополнительный свет на эту сторону типологического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. М., Наталис, 2008.
2. Майсак Т.А., Рахилина Е.В. (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., Индрик, 2007.
3. Брицын В.М., Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Яворская Г.М. (ред.). Концепт «боль» в типологическом освещении. Киев, Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009.
4. Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Выренкова А.С., Орехов Б.В. (ред.). Глаголы звуков животных: типология метафор. М., Языки славянской культуры, 2016 (в печати).
5. Rakhilina E., Reznikova T. (eds.). The Typology of Physical Qualities. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2017 (в печати).

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ СЕМАНТИКИ –СЯ/-СЬ

«...пределы межъязыкового варьирования в конечном итоге обуславливаются особенностями человеческого интеллекта и коммуникации, то есть когнитивной способностью человека. Именно это обстоятельство обеспечивает глубинное единство всех человеческих языков. ...Объяснительная типология ищет мотивацию ограничений на межъязыковое варьирование»

Кибрик А.Е.

Какие бы гипотезы не выдвигались в наше время о происхождении *homo sapiens*, неоспоримым остаётся факт, что человечество, а с ним и язык, прошли один и тот же начальный путь развития. Удивительные типологические, и нередко материальные, сходства между языками, удалёнными пространственно и структурно, глобальный характер архаичной мифологии, хорошо отражённой в наиболее древних и изолированных языках, дают прекрасную возможность в этом убедиться.

В русском языке, являющемся одним из языков славянской группы, широко распространены глагольные формы с аффиксом –ся/-с', выражающие значения возвратности, взаимности, медиальности, страдательности, квазивозвратности и др.

Семантика русских глаголов с –ся настолько разнообразна, что у русистов до сих пор нет единого подхода к классификации этих глаголов. С грамматической точки зрения была предпринята не одна попытка втиснуть эти глаголы в категорию залога, но и залогов получается слишком уж много. Ср. у В.В. Виноградова значений возвратного залога 15 [1, с.512-517].

Классификация семантических категорий глагольных форм с аффиксом –ся/-с', предложенная В.В. Виноградовым, является наиболее полной и подробной. Но тем не менее существуют глаголы на –ся/-с', значения которых невозможно соотнести ни с одной из выделенных групп.

Интересно, что в древнерусских памятниках наблюдается двойное *ся*, например в «Слове о полку Игореве»: *Вежи ся Половецкии подвизашася*; *А древо с(я) тугою къ земли преклонилос(я)*. В берестяных грамотах представлена препозиция *ся* в 50% примеров [2, с. 53-54].

В употреблении аффикса –ся/-с' наблюдается сложное взаимодействие лексических и грамматических значений. Он придаёт глаголам разнообразную семантику: возвратность, взаимность, страдательность, безличность. Страдательные конструкции легко трансформировать в активные, при этом непереходный глагол с аффиксом –ся/-с' меняется на переходный глагол без –ся/-с', ср.: *Гнедко торжественно выводитсяся* (> выводить) *с чёрного на чистый двор и подтягиваетсяся* (> подтягивать) *к близстоящей водовозной бочке* (Гарин-Михайловский Н.Г. «Детство Тёмы. Гимназисты». С. 133).

Формант –ся/-с' (*s'a / s'*) имеется не только в русском языке, но и в других славянских языках. В славянских языках этот элемент принимает разные фонетические виды, в основном меняя вокалический исход. Таковы славянские частицы *sa, se, si, sь*. Особое место занимает так называемое *s-mobile*, ср.: русск. *с-мерть, ш-кура (s>š-kora), с-кольцо*. Этот вариант служит и опорой деривативных цепочек: русск. *с-его дня, с-ию минуто, утро-сь, по-ся-мест*, древнерусск. *си-ночь*, макед. *си-нока*.

Материал болгарского языка даёт представление о свободном употреблении букво-, звукосочетания *S+V* в роли возвратно-личного местоимения. Ср.: *По този начин аз наказвам себе си*. Сокращённая форма – *се/си*. Последняя форма выражает и возвратную притяжательность, ср: *Той повреди неговия си часовник*. Следуя за глаголом, *се/си* делают его возвратным, ср.: *обличам се, нося се, смея се, нея си и др*. Так же выражается страдательная форма глагола с постановкой местоимения-частицы в препозицию, ср.: *Председателят се избира за две години*. В то же время *се* и *си* являются здесь частицами [3, с. 90-94; 160-163; 189].

Выйдем за рамки славянских языков. В литовском языке интересующий нас консонант *-s* особенно широко функционален. Так, в сочетании с гласными *-a-* и *-u-* в препозиции он выражает мужской род, например: *tàs mǎžas nãmas* ‘тот маленький дом’ (литовский материал здесь и далее взят из учебника литовского языка Э. Орвидене [4]), *saldūs cùkrus* ‘сладкий сахар’; участвует в образовании форм 1-го и 2-го лица настоящего времени глагола «быть, находиться, являться, иметься», ср.:

Единственное число	Множественное число
<i>àš esù</i>	<i>mēs ėsame</i>
<i>tù esi</i>	<i>jūs ėsate</i>

Будущее время (*būsimàsis laĩkas*) глагола образуется от основы неопределённой формы при помощи суффикса *-s-* и прибавлением личных окончаний *-iu*, *-i*, *-ime*, *-ite*. Третье лицо без окончания.

Будущее время	
Единственное число	Множественное число
<i>àš dirbsiu</i>	<i>mēs dirbsime</i>
<i>tù dirbsi</i>	<i>jūs dirbsite</i>
<i>jìs, jì dirbs</i>	<i>jiẽ, jõs dirbs</i>

Возвратные глаголы литовского языка имеют частицу *-si* (*-s*). Если глагол без приставки, частица *-si* стоит после окончания: *judkiasi*, *džiaũgiasi*. Если глагол имеет приставку, частица *-si-* стоит между корнем и приставкой: *nesijuokia*, *apsidžiaugẽ*, *atsĩmenu*.

Частица *-si* может употребляться и в сокращённом виде. Сокращённую частицу *-s* имеют следующие формы глагола:

- неопределённая форма: *aũtis*, *praũstis*, *stėngtis*;
- все глаголы в 1-м и во 2-м лицах множественного числа: *mēs džiaũgiamės*, *jūs džiaũgiate*;
- 3-е лицо глагола будущего времени: *jìs džiaũgsis*;
- глаголы повелительного наклонения: *džiaũkitės*.

Местоимение *mēs*, по О. Семереньи, как и окончание глагола в 1-м лице множественного числа, следует возводить к и.-е. **mes*, форме номинатива для 1-го лица мн. числа. Эту форму он представляет как мн. число местоимения **em-* ‘я’ > **(e)m-es* ‘мы’. Местоимение *jūs* возводится к и.-е. **twes* > **tu-es* [5, с.232-233].

К.В. Бабаев считает материальное несоответствие между личным местоимением **tū* / **tu* / **tV* и основным глагольным показателем второго лица в единственном числе **si* / **s* одной из самых больших загадок сравнительно-исторической морфологии индоевропейских языков [6, с. 178].

Строчной элемент **-s* можно встретить во многих частях речи на разных этапах развития индоевропейских языков. Например, в древнегерманских языках **-s* являлось основообразующим формантом существительных. Малочисленное склонение с этими основами сохранилось в древнеанглийском, где по закону ротацизма суффикс *-s-* перешел в *-r-* и проявляется только во множественном числе [7, с. 276].

В древневерхненемецком языке существительные с этими основами в некоторых случаях перешли в *u*-основы, но большинство таких слов перешли в *a*-основы. Отдельные формы сохранились в косвенных падежах, в собственных именах типа *Kelbirisbach* и в качестве суффикса множественного числа, в особенности в названиях животных, где употребление суффикса *-ir* дало умлаут, например: *lamb* ‘ягненок’ – мн.ч. *lambir*, (ср. нем. *das Lamm – die Lämmer*) [8, с. 230, 201-202].

В готском и древнеисландском склонение существительных с основами на *-s* было утрачено. О.А. Осипова предполагает, что переход существительных с основой на *-s* в другие склонения связан с потерей в них одушевленной (активной) семантики [9, с. 143].

Согласно нашим выводам, склонения на консонантные основы как раз и характеризуются формальными показателями – основообразующими формантами,

выделяющими слова, а не их отдельные формы. В то же время основообразующие форманты являются маркерами одушевленности (активности), первоначально сочетающимися с определенными группами слов [10, с.56].

Из других древних индоевропейских языков склонение существительных с основами на *-s* имеется в древнеиндийском, где оно довольно многочисленно и представлено именами среднего рода с основами на *-as*, *-is*, *-us*. Во многих случаях имена среднего рода употребляются и как существительные, и как прилагательные, различаясь только ударением: *ápas* 'работа', *apás* 'активный', *táras* 'скорость', *tarás* 'скорый, быстрый', *yaças* 'слава', *yaçás* 'славный, великолепный'. Но имеются примеры, где ударение уже не играет смысловозначительной роли: *tápus* 'тепло' и 'теплый', *vápus* 'чудо' и 'чудесный' [11, с. 153-156].

По мнению Г. Хирта, первоначальные падежные показатели не выражали какого-либо определенного падежного значения, а также не обозначали рода. На примере индоевропейских флексий *-s*, *-em*, *-om* Г. Хирт показывает, что эти окончания могли употребляться и в других падежах, т.е. не имели закрепленного падежного значения, которое развилось в них с течением времени. Их истоки он видит в дейктических частицах или наречиях, которые употреблялись с усилительной функцией [12, с. 29, 263-264]. Г. Хирт считает показатель индоевропейского именительного падежа единственного числа *-s* производным от основы **-so*, которая является, по его мнению, не местоименной, а адвербиальной. Падежный же показатель *-s* он трактует как слабую ступень от *-se*, *-so*. Существительное и глагол, по Хирту, имеют много общего, поскольку их флексия происходит от одних источников – дейктических частиц, т.е. одни и те же элементы (*m*, *s*, *es*, *ai*) встречаются и в глаголе, и в имени [13, с. 56, 211], ср. наши выводы о былом синкретизме имени и глагола на материале енисейских языков [10, с. 9-13].

Славянские, романские, германские языки имеют общую характерную черту в употреблении возвратных местоимений: как правило, они заменяют косвенные формы личных местоимений (русск. *себя*, *себе*; болг. *себе си*; нем. *sich*; англ. *self*; фр. *se* и др.). Основа в готском – **se*. Эта же основа в латинском: акк. *se*, дат. *sibi* из **se-bhi*. В санскрите сохранилась только несклоняемая притяжательная форма *sva* 'свой' [14, с. 242].

Интересно проследить этимологию немецкого возвратно-определительного местоимения *selbst* 'сам'. По данным М.М. Маковского, обычно это слово соотносится с сочетанием индоевропейского **se-* 'сам', 'сама', 'само' + местоименный формант *-l-* + суффикс **-bho-*.

«Самость» в древности отождествлялась с Душой (ср. нем. *selb* 'сам' и и.-е. **s(u)el-* 'гореть', нем. *Seele* 'душа', а также иранск. **(s)lep-* 'гореть' > 'душа'). Интересно, что значение 'огонь, гореть' непосредственно связано со значением 'внутри, внутренний': ср. англ. *in*, *inner* 'внутри, внутренний', русск. *нутро* < и.-е. **ueter-*, др.-инд. *uatar* 'огонь', лат. *uetrus* 'матка' и др. Слова со значением 'гореть' в индоевропейском часто соотносятся со значением 'внутренности'; внутренности олицетворяли для язычников 'центр огня', 'внутренний огонь', а сами кишки осмыслялись как языки пламени. Буквально нем. *selbst* означает 'внутренний огонь'.

Язычники считали, что люди и животные при рождении «съедают» свою душу, которая и является их «самостью»: ср. нем. *Seele* 'душа'; русск. *сила* + и.-е. **pa-* 'съесть'. «Самость» – это то, что для каждого существа является «своим», «собственным». Самость в представлении древнего человека неизменно связывалась с Божеством, которое олицетворялось Шестом: ср. и.-е. *шест*. Душа – символ Самости – представлялась как женское начало, отождествляемое с Жидкостью (ср. швед. диал. *slevig*). Можно полагать, что нем. *selbst* – олицетворение Андрогина: ср. и.-е. *sal*, *syl* 'женщина' + и.-е. **peu-*, **pu-* 'мужчина, мужской' [15, с. 470–471].

Обратимся к материалу неиндоевропейских языков.

В кавказских языках формант *-s* выражает падежную флексию. Так, например, в лазском языке различают семь падежей, четыре из которых имеют в составе окончания *-s*: дательный (аффикс *-s*), родительный (*-š(i)*), направительный (аффикс *-ša*) и исходный (аффикс *-še*) [16, с. 62].

В сванском языке в дательном падеже употребляются пять окончаний, среди которых флексия *-s*. Творительный имеет одну морфему *-wš/-šw*; родительный падеж обладает тремя алломорфами: *-iš*, *-eš*, *-ša* [17, с. 68].

Формант *-s* может быть и составной частью местоимений. Так, в убыхском языке двум семасиологическим классам имён существительных соответствуют два вопросительных местоимения: к классу человека относится местоимение *š'a* 'кто', к классу вещей – местоимение *sa* (или *sak'a*) 'что'. Значение одушевлённости/неодушевлённости выражается лишь лексически [18, с. 149].

В современном грузинском языке определённая выражается посредством соответствующих указательных местоимений *es* 'этот, эта, это', *is* 'тот, та, то' [19, с. 41].

В тюркских языках формант *-s* можно встретить при выражении взаимного залога, при формировании категории собирательности и множественности имен существительных, при выражении диатезной версии, а также в маркировке инфинитива с возвратным значением [20 с., 174].

В языках финно-угорской семьи (удмуртском, марийском, мордовском) элемент *-s* ярко представлен в падежных формах. Суффиксом местного падежа в мордовском языке является *-co*, *-cə/-ca*. Инессивный суффикс, как и в финском и марийском, является сложным, ср. финский суффикс *-ssa* > **-sna* (лат. **-s* + лок. **-na*): *talossa* 'в доме' (< **talosna*); *kirjassa* 'в книге' (< **kirjasna*). [21, с. 87].

В бесписьменном финно-угорском вепском языке среди указательных местоимений имеется форма *se* 'тот', которая указывает на предмет, расположенный на некотором расстоянии от говорящего. Местоимение *se* употребляется и как усилительная частица, присоединяясь к имени в единственном или множественном числе: *laps-se uinoz* 'ребенок-то уснул'; *vouget se ollž, ka oteižin* 'белый-то был бы (платок), то взяла бы'. Другое назначение частицы *-se* в вепском языке – образование слов (*kense* 'кто-то' ср. *ken* 'кто', *kunase* 'куда-то' ср. *kuna* 'куда'). Основа *si-* (местоимение *se*) встречается в целом ряде сложных образований, например: *sigou* 'там', *sigoipei* 'оттуда', *sinna* 'туда', *sinnapei* 'в ту сторону', *sihe* 'тут' и т.д.

Местоимение *se* участвует в образовании возвратных форм глагола настоящего времени индикатива: в единственном числе 3-е лицо имеет окончание *-se/-še*; во множественном числе 3-е лицо – *-soi/-šoi*, например: *koir poigiše* 'собака оцелится', *koirad poigišoi* 'собаки оцелятся' [22, с. 278, 298].

В тунгусо-маньчжурских языках формант *-c* (*-s*) употребляется для выражения глагольного вида. В негидальском языке длительный вид имеет аффикс *-c(u)*; отправительный вид, а также вид исходности и однократности действия выражаются с помощью аффикса *-син* ~ *-c*: *Хуктијй бэјунмэ асасинчәтин* 'Они погнались за бегущим лосем' [23, с. 118]. В нанайском языке длительный вид также выражается при помощи суффиксов *-си* ~ *-co/-cy*. В удэгейском языке многократность, длительность, распространенность действия передается рядом суффиксов, среди которых *-си/-ci-*: *ана-си* 'толкать (неоднократно)' [23, с. 100, 227].

В языке ороков (южная ветвь тунгусо-маньчжурских народностей) элемент *-s* встречается, во-первых, в формах личных местоимений 2-го лица единственного (*си* ~ *сии* 'ты') и множественного числа (*су* 'вы'), во-вторых, в активных причастиях глагольных основ. В настоящем времени такие причастия имеют суффикс *-си* [24, с. 96].

В языке волоф, входящего в западнобантоидную (атлантическую) группу языков, выделяют несколько семантических групп существительных. Прежде всего, для нас представляет интерес класс *s*, который включает существительные, начинающиеся с согласного *s*. Этот класс включает существительные, связанные с понятием «земля», а также некоторые другие, например: *safara* 'огонь', *sangara* 'вино', *suuf* 'земля', *tefes*

‘песок’. Имя существительное в языке волоф характеризуется тремя категориями: класса, числа и определенности / неопределенности. Все эти категории выражаются синкретически, т.е. одним показателем *в* зависимости от положения по отношению к существительному и от собственной структуры: CV или VC.

Консонантный элемент однозначно указывает на класс существительного и число. Гласный элемент *определяет*, на каком расстоянии от говорящего находится *выраженный* данным существительным предмет (лицо): *-i* (I серия), если предмет (лицо) находится в непосредственной *близости* от говорящего; *-u* (II серия), если предмет (лицо) на некотором расстоянии; *-a* (III серия), если предмет (лицо) находится в удалении. Причем *-a* указывает на отдаленность предмета не только в пространстве, но и во времени [25, с. 21].

Енисейские бесписьменные языки, как известно, относятся к наиболее архаичным языкам мира. Рассматриваемый строевой элемент *-s-* представлен, в кетском языке в качестве как словообразующего форманта, ср.: *s'i* ‘я ем’, *as* ‘что?’, *as'is* ‘какой?’, *es* ‘Бог’, *es'kogd* ‘осень’, *kites* ‘зима’, *es'tajyon* ‘похолодало’, *es'ta bo'k* ‘северное сияние’, *ul'es* ‘дождь’ и др., так и формообразующего показателя, ср.: *-as'* – показатель орудно-совместного падежа, *s'a* – частица будущего времени, *-si* – суффикс предикативности, безразличный к лицу и роду, *-es'/-as'*, *-s'a* – деривационные аффиксы кетских наречий. Сравним лат. *is*, гот. *is*, нем. *er* ‘он’, *sie* ‘она’, *es* – заместитель существительных среднего рода. В немецком языке широко представлено так называемое безличное местоимение *es*. Как морфема *-es* является показателем родительного падежа мужского и среднего рода единственного числа при склонении артикля, местоимений, сильных прилагательных. Активна роль *es* при образовании сложных слов. Обращает на себя внимание тот факт, что именно *s* является корнеобразующим в таких словах, как «есть» (в двух смыслах) и «быть», ср.: русск. *есть, суть*; нем. *essen, sein*; кет. *s'i* – есть, существовать.

По представлениям кетов, на небе живут невидимые рядовым людям существа. Большинство из них является олицетворением природных явлений. Само небо олицетворяется в образе одноименного верховного начала Еся (*Es'*) – ‘бог, небо, дух, погода’. К другим персонажам высокого мифологического уровня относятся Усесь (*Us'es*) – Теплое небо, Хыльесь (*Hyl'es*) – Ясное небо, Боксейдесь (*Boks'ejdes*) – Место огня и др. В целом на небе находятся есьденг (*es'den*) – духи-помощники шамана. По нашим выводам, именно от *es'* развиваются строевые элементы: *es'/is' – as' - us'*; *s'e / s'i - s'a - s'u*, широко представленные в кетском языке [26, с. 276], где *s* выражает одушевленный денотат, а гласные – степень удаленности объекта (предмета) от говорящего: *i* – ближайший, *u* – видимый, *a* – далекий. Сравним кетские указательные местоимения: *ki* ‘этот (здесь)’ – *tu* ‘этот, тот’ (в пределах видимости) – *qa* ‘тот (далеко)’. Ср. кетское личное местоимение 2-го лица *u* ‘ты’.

Анализ материала различных языков позволяет говорить о наличии элемента *s'a/s'si/-as/is* в индоевропейских, финно-угорских, палеоазиатских, кавказских, тюркских, семито-хамитских и др. языках. Формант *-ся/-c' (s'a / s',-as/-is/-us, -si)* принимает участие в слово- и формообразовании почти всех частей речи (имя существительное, глагол, местоимения, артикль и др.). Одной из функций этого форманта является выражение падежных отношений (староаккадский, древнесемитский, греческий древнеиндийский, кавказские и финно-угорские языки). Выражение глагольной формы залога (среднего) – *ся/-c' (s'a / s')* в тохарском, хеттском, славянских, тюркских и монгольских языках. Глагольная категория вида выражена с помощью суффиксов, в состав которых входит элемент *-c (-s)* в негидальском, нанайском и удэгейском.

Функционирование рассматриваемого форманта в грамматическом строе архаичных языков свидетельствуют о его древнем происхождении и о том, что он восходит к исходным строевым элементам языка в целом.

Метатеза *-is/-si, -as/-sa, -us/-su*, конечно, значима. Она лишь подтверждает, что формирование языка началось с синтаксиса, с порядка расположения знаков языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Рус. Яз., 2001. – 720 с.
2. *Зализняк А.А.* «Слово о полку Игореве». Взгляд лингвиста. / А.А. Зализняк. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 352 с.
3. *Пашов, Петър.* Практическа българска граматика / Петър Пашов. – София: Народна просвета, 1989. – 376 с.
4. *Орвидене Э.Д.* Учебник литовского языка. / Э.Д Орвидене. - Вильнюс: Минтис, 1975 – 520 с.
5. *Семереньи, О.* Введение в сравнительное языкознание. / О. Семереньи. - М.: Прогресс, 1980. – 406 с.
6. *Бабаев К.В.* Происхождение индоевропейских показателей лица. Исторический анализ и данные внешнего сравнения. / К.В. Бабаев. – М.- Калуга: Эйдос, 2008. – 298 с.
7. *Прокош, Э.* Сравнительная грамматика германских языков. / Э. Прокош. – М.: ЛИБРОКОМ ИЯНЕ., 2010. – 384 с.
8. *Braune, W.* Althochdeutsche Grammatik. / W/ Braune. - Halle. 1955. – 362 с.
9. *Осипова О.А.* Типология древнегерманских именных склонений в свете индоевропейских и уральских языков. / О.А. Осипова. - Томск: ТГПУ, 2007. – 312 с.
10. *Поленова Г.Т.* Происхождение грамматических категорий глагола (на материале енисейских языков). / Г.Т. Поленова. – Таганрог: ТГПИ, 2002. – 202 с.
11. *Whitney, W.D.* Sanscrit Grammar. / W.D. Whitney. - Leipzig, London: Breitkopf&Härtel, 1889. – 551 p.
12. *Hirt, H.* Geschichte der Deutschen Sprache. 2 Aufl. / H. Hirt. - München, 1925. – 299 S.
13. *Hirt, H.* Die Hauptprobleme der Indogermanischen Sprachwissenschaft. / H. Hirt. - Halle/Saale: M. Niemeyer, 1939. – 226 S.
14. *Савченко, А.Н.* Сравнительная грамматика индоевропейских языков. / А.Н. Савченко. - М.: Едиториал УРСС, 2003. – 416 с.
15. *Маковский М.М.* Этимологический словарь современного немецкого языка. / М.М. Маковский. – М.: Азбуковник, 2004. – 630 с.
16. *Климов Г.А.* Лазский язык / Г.А. Климов // Языки мира: Кавказские языки. – М.: Academia, 2001. – 480 с.
17. *Шарадзенидзе Т.С.* Сванский язык / Т.С. Шарадзенидзе // Языки мира: Кавказские языки. – М.: Academia, 2001. – С. 66–74.
18. *Кумахов М.А.* Убыхский язык / М.А. Кумахов // Языки мира: Кавказские языки. – М.: Academia, 2001. – 472 с.
19. *Дзидзигури Ш., Чанишвили Н.* Грузинский язык / Ш. Дзидзигури, Н. Чанишвили // Языки мира: Кавказские языки. – М.: Academia, 2001. – С. 20–51.
20. *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX веков / А.Н. Кононов. – Л.: Наука, 1980. – 254 с.
21. *Хакулинен, Л.* Развитие и структура финского языка / Л. Хакулинен. – М., 1953. – Ч. 1. – 311 с.
22. *Зайцева М.И.* Грамматика вепского языка (фонетика и морфология) / М.И. Зайцева. – Л.: Наука, 1981. – 360 с.
23. *Колесникова В.Д., Константинова О.А.* Негидальский язык / В.Д. Колесникова, О.А. Константинова // Языки народов СССР: Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. – Л.: Наука, 1968. – Т. 5. – 522 с.
24. *Петрова Т.И.* Язык ороков (ульта) / Т.И. Петрова. – Л.: Наука, 1967. – 155 с.
25. *Никифорова Л.А.* Язык волоф / Л.А. Никифорова. – М.: Наука, 1981. – 94 с.
26. *Поленова Г.Т.* В поисках истоков языка: сб. избр. трудов / Г.Т. Поленова – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2011. – 336 с.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСЕМ ВЕСНА / FRÜHLING

Сознание представляет собой скоординированное единство прагматических и когнитивных структур. Исходными принято считать прагматические структуры сознания, отвечающие за субъективную оценку всего наблюдаемого и переживаемого человеком с точки зрения его интересов и ценностной ориентации в мире. Субъективные интересы питаются объективным знанием.

Значения, как известно, подразделяются на значения когнитивного и прагматического типов. Когнитивный компонент значения, который называют ещё денотативным, а также семантическим (в особом узком значении термина), представляется сам по себе, вне субъективной оценки, переживания его индивидом. Прагматический компонент значения относится к информации о субъективном отношении, оценке, переживании означаемого факта и субъективной установке индивида на этот факт. Различаясь по своей природе, когнитивный и прагматический компоненты значения вместе с тем коррелируют друг с другом [Никитин 1996: 30-31]. А „яркое разнообразие лексических единиц заставляет лексикографов - причём даже тех, кто безусловно признаёт системность лексики, - говорить об индивидуальной «истории» слов ...“ [Рахилина, Плунгян 2007: 9]. Говоря об истории слов, Е.В. Рахилина и В.А. Плунгян опираются на авторитетную точку зрения В.В. Виноградова [Виноградов 1999].

При анализе семантической структуры слова непременно встаёт вопрос о его полисемии и возникает необходимость в семемном анализе многозначных лексем, для которого мы используем типологию значений многозначного слова М.М. Копыленко и З.Д. Поповой [Копыленко, Попова 1978].

В соответствии с целью исследования в исследовательской части нашей работы представлена только коннотативная мотивированная семема.

Покажем фрагмент анализа лексем ВЕСНА / FRÜHLING, о которых мы подробно писали ранее в наших работах [Попова 2008; 2011]

Рассмотрение большого числа примеров со всей очевидностью показало, что, судя по лексической сочетаемости, ВЕСНА - некое антропоморфное существо, земное и неземное одновременно, обладает многими признаками человека. Об этом говорят многочисленные контексты, из которых мы узнаём, что ВЕСНА как человекоподобное существо имеет:

- *тело и его части* (внешние признаки человека)

Ещё последний снег в долине мглистой
На светлый лик весны бросает тень,
Но уж цветёт душистая сирень,
И барвинок, и ландыш серебристый.
(Бальмонт К.Д.. Зарождающаяся жизнь);

Бессмертный *взор её сияет, И ни морщины на челе...* (Тютчев Ф. Весна);

Взволнованный, я их беру в венок – Твои стихи, стихи моего детства
И юности, исполненные детства,
Из-под твоих, Весна, невинных ног. (Северянин И. Увертюра к т. VIII);

- *миимику*

С улыбкой страстно Весна сходила в доли: Желаний вечность – *взор, уста* – истомный плен... (Иванов В.И. "MAGNIFIKAT" Боттичелли);

Пока снежинки пляшут у окна... И, словно ласки ароматной ванны, *Весны улыбки* здесь благоуханны. (Эллис (Кобылинский Л.Л.)). Сонеты – гобелены. III);

Судите его [солнце - Н.П.] вашим судом судомоек
За то, что в преддверьях *Очень улыбчивой весны*
Оно вложило в нас эти красивые мысли,
Эти слова и дало Эти гневные взоры.
Виновник – Оно. (Хлебников Велимир. Воззвание председателей земного шара);

- *жесты*

И в иные дали *манила юная весна.* (Белый А. Сергею Соловьеву).

ВЕСНА облачена в одежды (значит, у неё, как у всякого человека, есть какая-то собственность):

Пускай *весна наряд свой пёстрый кажет*, И я вокруг гляжу. (Фет А. Добрый день);
Наряд весны нежданной стужей смят, А сад ещё весной благоухает. (Северянин И.

Вариация).

ВЕСНА способна:

- *перемещаться в пространстве*

Пора домой; залив зеркален, *Идёт весна* к дверям моим. (Северянин И. Грустный опыт);

В дыму зелёном ивы... Камелии бледны. Нежданно торопливы *шаги* чужой *весны*. (Гиппиус З.Н. Крылатое);

Благоуханна и светла Уж с февраля *весна* в сады вошла. (Тютчев Ф. Итальянская весна);

В московские особняки *врывается весна* нахрапом ... (Пастернак Б. Земля);

Весна умчалась, и нам осталась Лишь память о весне Среди жизни смутной, как сон минутной, Как счастье во сне. (Соловьёв В. «В былые годы любви невзгоды...»);

Бежит весна топтать луга Эллады. (Мандельштам О.Э. Черепаха);

У мысли нет орудья измерить глубину, Нет сил, чтобы замедлить *бегущую весну*. (Бальмонт К.Д. Сказать мгновенью: Стой!);

- *менять положение тела*

Ну, здравствуй, мать-*весна!* Ты вон теперь какая: *Расселась – ноги вниз – на Каменном мосту* И первых ласточек бросает в пустоту. (Тарковский А. Ранняя весна);

Весна, отпраздновав свой срок, *легла на землю*, выстлала ее белым, нежным. (Николаева Г. Наш сад).

ВЕСНА оказывает разнообразные воздействия на предметы и людей:

- *созидает*

Их взрастила весна благовонная В зелени майской лесов и лугов. (Бунин И. Полевые цветы);

- *меняет внешний вид объектов*

Когда *поля твои весна травой одела*, Ты в даль туманную стремишь свои мечты... (Сологуб Ф. Россия);

А потом И снег сошёл, и ранняя *весна* На цыпочки привстала и *деревья окутала* своим платком зелёным. (Тарковский А. Полевой госпиталь);

Мне холодно. *Прозрачная весна* В зелёный пух *Петрополь одевает*, Но, как медуза, невская волна Мне отвращенье некое внушает. (Мандельштам О.Э. Петрополь);

Весна, пришедшая из рая, *Чело украсит мне венцом*. (Северянин И. Сонет);

- *разрушает*

Жестокая студёная *весна* *Налившиеся почки убивает*. (Ахматова А. Майский снег);

- *изменяет функциональное, физиологическое и эмоциональное состояния людей*

Всех разбудила ранняя *весна*. (Парамонова Л.Г.);

Погода изменилась к худшему или, вернее сказать, к лучшему, ибо не суть ли эти слякоть и ветер предзнаменования *весны*, милой маленькой *весны*, которая даже в сердце пожилого человека будит неясные желания? (Набоков В. Соглядатай);

И как будто истомою жадной Нас *весна на припеке прожгла*, Только в той вон аллее прохладной Среди полудня вечерняя мгла... (Фет А. Зной);

Живёт *весна – живет весна!* Весь мир дыханьем кружит! (Северянин И. Весенний звон. Триолеты);

Я этот городок люблю, ... потому ли, что его сонная *весна особенно умащивает* душу, не знаю... (Набоков В. Весна в Фиальте).

ВЕСНА как существо одушевленное является СУБЪЕКТОМ

- *физиологических проявлений:*

Сквозь занавесь прозрачную окна *Глядит весна* безлунным небосводом. (Фофанов К.М. Сонет);

И только изморозь, мутна, На тление лилась. Да тупо чёрная *весна* глядела в студень глаз – С облезлых крыш, из бурых ям, С позеленелых лиц. (Анненский И. Чёрная весна);

О, я продал бы книги свои и жилет (Весною они не нужны!) И под свежим *дыханьем весны* Купил бы билет И поехал в провинцию, в страшную глушь... (Чёрный Саша Ошибка);

В вечер такой золотистый и ясный, В этом *дыханьи весны* всепобедной Не поминай мне, о друг мой прекрасный, Ты о любви нашей робкой и бедной. (Фет А. «В вечер такой золотистый и ясный...»);

Шли тополя по придорожью, Ветрам зимы обнажены, Но маленькие листья – *дрождью Напоминали сон весны*. (Брюсов В. «Осенний день был тускл и скуден...»);

Пробуждение весны. (Чёрный Саша. Название стихотворения);

Старинным серебром отяжелели на бурых брёвнах шапки крыш, и небеса, как *вдох весны*, вдруг синим цветом зацвели... (Некрасова К. День моей Родины);

Весна себя переросла, И рост её – жесток... (Северянин И. Поэза майских дней);

- *речемыслительной деятельности*:

Весна не помнит осени дождливой... Опять шумит весёлая волна, С холма на холм взбегая торопливо, В стоцветной пене вся озарена... Здесь лист плетёт, там гонит из зерна Весёлый стебель... Звонка, говорлива, В полях, лесах раскинулась она... *Весна не знает* осени дождливой. (Балтрушайтис Ю.К. «Весна не помнит осени дождливой...»);

Весна ... она о вас не знает, О вас, о горе и о зле... (Тютчев Ф. Весна);

Из дряхлой Византии в жизнь – *весна* Вошла, *напомнив* о любви, о теле... (Брюсов В. Светоч мысли. Венок сонетов);

Весна, беззвучная сначала, *Заговорила* лишь тогда, Когда под снегом зажурчала Шальная талая вода. (Стюарт Е. Скворцы);

Ну, а здесь – *весны* смешные *бредни* Выслушала, сердце сжав в тисках, С неувядшей прелестью последней, С первой сединою на висках... (Стюарт Е. «Я читаю памятные даты...»);

Меня *зовёт* к безвестным высям В горах *поющая весна*, А эта груда женских писем И нежива, и холодна! (Брюсов В. У себя);

И страшно, и легко, и больно; Опять *весна* мне *шепчет*: встань... И я целую богомольно Её невидимую ткань. (Блок А. «Так. Буря этих лет прошла...»);

В дни отрочества, я *пророчествам Весны* восторжённо внимал: За первым праздничным подснежником, Блажен пьянящим одиночеством, В лесу, ещё сыром, блуждал. (Брюсов В. Пророчества весны);

Ещё *весна смеялась*, вспенив снегу с солнцем. (Пастернак Б. Белые стихи);

Тёплый, вольный *смех весны* Выгнет хрупкие цветочки – Фиолетовые «сны». (Чёрный Саша «Пуща-водица»);

Весна как *трель* серебряного *смеха*. (Ахматова А. «Сегодня мне письма не принесли...»);

- *субъектом эмоциональных состояний*:

И в Божьем мире то ж бывает, И в мае снег идёт порой, А всё ж *Весна не унывает* И говорит: «Черёд за мной!» (Тютчев Ф. «И в Божьем мире то ж бывает...»);

Но сегодня *весна беспечальна*, Как и все Ваши кино-капризы... (Вертинский А. Испано-Сюиза);

Теперь весна, и *грусть весны* отравна. (Ахматова А. «Сегодня мне письма не принесли...»);

В томленьи твоём иступлённом *Тоска* небывалой *весны* Горит мне лучом отдалённым И тянется песней зурны. (Блок А. Демон);

Ликование вечной, *блаженной весны*, Упоительные, соловьиные трели И магический блеск средиземной луны Головокружительно мне надоели. (Иванов Г.В. «Ликование вечной, блаженной весны...»);

Было это в мае, когда *маялась весна* Песнями в моём дворе. (Розенбаум А. «Баловалась вечером гитарой тишина...»);

Ещё *весна* таинственная *млела*, Блуждал прозрачный ветер по горам. (Ахматова А. «Ещё весна таинственная млела...»);

- *субъектом модально-волевых состояний*:

Высокая голубизна И снега талого лоскутья... Чуть запоздалая *весна* Устало ждёт на перепутье. (Стюарт Е. Запоздалая весна);

И новая *весна* их *ожидает* За синими, за тёплыми морями... (Бунин И. В степи).

ВЕСНА ведёт себя как *ДЕЯТЕЛЬ*, участвующий в разного рода действиях и событиях:

В *борьбе с весной* редет зимний холод, Сеть проволок свободней и нежней, Снег, потемневший, сложен в кучи, сколот, Даль улицы исполнена теней. (Брюсов В. «В борьбе с весной редет зимний холод...»);

Весне и горя мало: *Умылась* в снегу и лишь румяней стала наперекор врагу. (Тютчев Ф. «Зима недаром злится...»);

Весна играет в плеске волн шумливых, Ведёт весёлый с ними разговор. (Кржижановский Г.М. Сонеты...);

А вокруг костра священнейшие *вёсны* Уже вели надгробный *хоровод*... (Ахматова А. Сожжённая тетрадь);

Цветами *сыплет* над землёю, Свежа, как первая *весна*... (Тютчев Ф. Весна);

Весна их [скворцов - Н.П.] *гнала из-за чёрных скал Бичами морских ветров*. (Багрицкий Э. Последняя ночь);

Как у дюжей скотницы работа, *Дело у весны кипит в руках*. (Пастернак Б. Март) - (зд.: «дело кипит в руках у кого-н.» – фразеосочетание);

... когда прошли метели, *Дары весны* природу раздели. (Корш Ф.Е. Сонетный венок. XIV);

И дрогнет душа, потому что она несёт две утраты тяжёлые: Утрату любви, что была так полна Блаженных надежд в дни, когда мать – *весна* *дарила* ей грёзы весенние. (Полонский Я. В альбом Г... В...);

В тылу шла жизнь. Дворы тонули в скверне, *Весну* за взлом *судили*. (Пастернак Б. «Сегодня мы исполним грусть его...»);

ВЕСНА является также *СУБЪЕКТОМ* социальных отношений:

- *управления*:

В гостиной, нежась, *царствует Весна*. (Эллис (Кобылинский Л.Л.)). Сонеты – гобелены. III);

Кто же нас успокоит, бесконечно усталых, Кто укажет нам путь в это *царство Весны?* (Вертинский А. Сумасшедший шарманщик);

Я весь объят расцветом обновленья, И надо мною *властвует весна*. (Голенищев – Кутузов А.А. Сонеты к ночи);

- *брака*:

Так тоскуют они об одном, Так летают они вечерком, Так *венчалась весна* с колдуном. (Блок А. «На весеннем пути в теремок...»);

ВЕСНЕ как человекоподобному существу, приписываются *физиологические и психологические свойства и качества*:

Отбирают берёзу на полоз Пусть и с малою кривизной, Но с низин, чтоб в мороз не кололась, Не лохматилась *робкой весной*. (Кванин О. Примета);

Прихлопывали взрослые в ладони, В окне сияла *кроткая весна*. (Чёрный Саша Дом в Монморанси);

День весёлый, час блаженный, *Нежная весна*. (Блок А. Песня Алискана);

Среди цариц весёлой пляски Я вольно предызбрал одну: Да обрету в желаньи ласки свою *безвольную весну!* (Брюсов В. Возвращение);

Весна во всём осталась девственной: Что для земли десятки лет! (Брюсов В. Пророчества весны);

Там безмятежней грусть закатная И умиленной тишина, Свежее в травах свежесть мятная И *непорочнее весна.* (Мережковский Д.С. «На те холмы, в леса сосновые...»).

ВЕСНА проявляет себя также *звуками:*

Зима ещё хлопочет И на *весну* ворчит, *Та* ей в глаза хохочет и пуще лишь *шумит.* (Тютчев Ф. «Зима недаром злится...»);

Ты пришла – и светло, Зимний сон разнесло, И *весна загудела* в лесу! (Блок А. Сольвейг);

Звонит весна! Шумит весна! (Северянин И. Вешний звон. Триолеты).

ВЕСНА представлена очень яркими чёткими женскими и детскими образами *матери, ребёнка, девочки, девы, красавицы, невесты, старушки, вдовы, неряхи:*

Ну, здравствуй, *мать – весна!* (Тарковский А. Ранняя весна);

Взбесилась ведьма злая (*зима – Н. П.*) И, снегу захватя, пустила, убегая, В прекрасное *дитя* (*в весну – Н. П.*)... (Тютчев Ф. «Зима недаром злится...»);

Лиловая в Крыму и белая в Париже, В Москве моя *весна* скромней и сердцу ближе, Как *девочка* в слезах. (Тарковский А. Первая гроза);

Здесь, где *весна, как дева,* пела Над свежей зеленью лугов... Теперь торжественность пустыни, Да ветер, бьющий по кустам... (Брюсов В. В моей стране);

Я смеюсь и крушу вековую сосну, Я встречаю *невесту - весну!* (Блок А. Сольвейг);

Есть что-то в весне старушье, Как вешнее есть в былом. (Северянин И. Поэза оттенков);

И в День Победы, нежный и туманный, Когда заря, как зарево красна, *Вдовою у могилы безымянной хлопочет запоздалая весна.* (Ахматова А. Памяти друга);

Эй, в черном ситчике, *неряха* городская, Ну, здравствуй, *мать – весна!* (Тарковский А. Ранняя весна).

Кроме того, образное значение поддерживается и другими контекстами, из которых, несомненно, видно, что *ВЕСНА* имеет, как правило, *женскую* суть:

Дождь был грибным. По крышам дождь названивал, и солнце протянуло руки в комнату, и не шадя ни возраста, ни звания, *весна пришла как старая знакомая.* И, кажется, что солнцем все расплавлено и что *на коромысле от колодца сама весна, покачиваясь плавно, несёт в двух ведрах два дрожащих солнца.* (Евтушенко Е. «Дождь был грибным...»);

Пусть, как ребёнок, на твоих руках Лежат цветы, рождённые весной. (Иванов Г.В. «Поговори со мной о пустяках...»);

Мысль о себе – как *капюшон* Чернеет на *весне капризной.* (Пастернак Б. «Я в мысль глухую о себе...»);

Что же мне делать, когда не пресыщен *Я - вечно юной весной!* (Брюсов В.Я. *Sed non satiatus...*).

ВЕСНА выражена и *мифологическими образами ангела и божества,* что указывает на то, что *ВЕСНА,* несмотря на своё сходство с человеком, одновременно и *небесное создание:*

Надменно презираемая мной, Пусть критика пройдет в молчанье мимо, Не осквернив насмешкой – *серафима, Зовущегося на земле Весной.* (Северянин И. Увертюра к т. VIII).

Как и полагается небесному созданию, *ВЕСНА* имеет крылья:

Надо мною Опять звенят *весны крыла.* (Блок А. «Так. Буря этих лет прошла...»);

Своим законам лишь послушна, В условный час *слетает к вам Светла, блаженно-равнодушна, Как подобает божествам.* (Тютчев Ф. Весна).

В нашей выборке есть пример, в котором *ВЕСНА* видится в *образе лесного зверя – белки*:

Новые вырастут сосны На ладонях твоих полей. И, как белки, жёлтые весны Будут прыгать по сучьям дней. (Есенин С. Инония).

Лексема *ВЕСНА* используется поэтами и в качестве обращения, как имя *живого существа* (часто с заглавной буквы):

Весна, я с улицы, где тополь удивлен, Где даль пугается, где дом упасть боится... (Пастернак Б. Весна);

В каждом сердце возникает, - И томит, и увлекает Образ твой, *Весна!* (Бунин И. «Крупный дождь в лесу зелёном...»);

И голуби в нём (в храме – Н. П.), рея, ворковали, И с вышины, из каждого окна, Простор небес и воздух сладко звали К тебе, Любовь, к тебе, *Весна!* (Бунин И. Айя-София);

Потом глазок протрёт со сна (подснежник – Н. П.), Косясь на снег, лежащий рядом... Поторопись в пути, *весна*, Ему помочь немного надо! (Стюарт Е. Запоздалая весна);

Ручьись, *весна!* Летит к тебе, летит Июнь, твой принц, бессмертник неболикий! (Северянин И. Валерию Брюсову).

Далее рассмотрим образы *ВЕСНЫ* в *немецкой* художественной литературе и сразу отметим, что все названия времён года в немецком языке *мужского* рода (впрочем, за исключением так называемого специфически «сельскохозяйственного» варианта “*das Frühjahr*”).

Der FRÜHLING как некое антропоморфное существо в нашем материале способно только к речевой деятельности:

Ach! Es *singt* der *Frühling* meinen Sorgen Noch, wie einst, ein freundlich tröstend Lied. (Friedrich Hölderlin. An die Natur);

...Es steigt *ein Frühlingsgrüssen Verhallend zu uns* auf. (Joseph von Eichendorf. Das Flügelross);

Was soll des Freundes traulicher Handschlag mir, Was mir *des Frühlings freundlicher Morgengruss*, Was mir der Eiche Schatten? Was der Blühenden Rebe, der Linde Düfte? (Friedrich Hölderlin. [Zornige Sehnsucht]).

Один пример представляет *der FRÜHLING* как *СУБЪЕКТ* модального состояния:

Die Leute von Anatoli langweilten sich, denn die Wintertänze waren vorüber, und *der Frühling wollte und wollte nicht kommen*. (Edith Klatt. Adlers Dank).

Время года *der FRÜHLING* выражено неантропоморфными образами, представляющими собой некие природные явления (поток воздуха, обвал (падение) чего-н.):

Im Walde da liegt verfallen Der alten Helden Haus, Doch aus den Toren und Hallen *Bricht* jährlich *der Frühling aus*. (Joseph von Eichendorf. Trost);

Wie ein Überfall *stürzt sich der Frühling* herunter auf die Mesa... (Edith Klatt. Adlers Dank).

Der FRÜHLING используется поэтами и в качестве обращения, как имя живого существа:

Frühling, ja du bist's! Dich hab ich vernommen! (Eduard Mörike. Er ist's);

Wie im Morgenglanze Du rings mich anglühst, *Frühling*, Geliebter! (Johann Wolfgang Goethe. Ganimed);

Du, Liebe, hilf den süßen Zauber lösen, Womit Natur in meinem Innern wühlet! Und du, o *Frühling*, hilf die Liebe beugen! (Eduard Mörike. Zu viel).

В качестве обращения *der FRÜHLING* употребляется поэтами и в названиях стихотворений:

An den *Frühling*. (Friedrich Schiller. Название стихотворения).

Таким образом, в *русской* художественной литературе время года *БЕСНА* представлено следующими метафорическими образами:

- человекоподобного существа, имеющего, как правило, *женскую* суть;
- мифологическими образами ангела и божества (что, несомненно, указывает на то, что *БЕСНА*, несмотря на своё удивительное сходство с человеком, одновременно ещё и небесное создание).

В *немецкой* же художественной литературе аналогичное время года *der FRÜHLING* отмечено *антропоморфными* образами очень слабо, если не совсем скудно. Чаще это время года выражено *неантропоморфными* мужскими образами: образами мощных потоков тёплого воздуха, обрушивающихся на землю с наступлением весны.

Однако, всё же необходимо особо заметить, что в немецком языке внимание к этому времени года выражается ещё и в наличии трёх лексем для названия времени года *БЕСНА*. Именно для весны немцы имеют поэтическое название *der LENZ*, хотя и редко употребляемое. Именно для весны разграничиваются общенародный (*der FRÜHLING*) и упомянутый ранее специфически «сельскохозяйственный» варианты (*das FRÜHJAHR*).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В.В.* История слов. М.: Азъ, 1999. – 1142с.
2. *Рахилина Е.В., Плунгян В.А.* О лексико- семантической типологии // Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.) Глаголы движения в воде: лексическая типология / Под ред. Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина. – М.: Индрик, 2007. - С. 9-26.
3. *Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики: Учебное пособие для студентов, аспирантов и преподавателей лингвистических дисциплин в школах, лицеях, колледжах и вузах. – С.- Петербург, Научный центр проблем диалога, 1996. 760с.
4. *Копыленко М.М., Попова З.Д.* Очерки по общей фразеологии. Воронеж: издательство Воронежского университета, 1978. – 141с.
5. *Попова Н.С.* Национально-культурная специфика образов времён года (на материале русского и немецкого языков) – Москва: АНО ВПО «МГИ», 2008. - 64с.
6. *Попова Н.С.* Языковая репрезентация образов времён года (на материале русской и немецкой художественных литератур). - Saarbrücken (Germany): LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 92 с.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ ЧИСТЫЙ / ГРЯЗНЫЙ И ПРОЗРАЧНЫЙ / МУТНЫЙ В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ³⁰**0. Введение**

Данная работа представляет собой описание семантических полей качественных признаков ‘чистый’, ‘прозрачный’, ‘грязный’ и ‘мутный’ (далее – чистый / грязный и прозрачный / мутный) в мокшанском языке с опорой на типологические данные. В статье рассматриваются лексемы, принадлежащие к указанным полям в мокшанском языке. Материал был собран в ходе полевой работы с носителями мокшанского языка в селах Лесное Цибаево и Лесное Ардашево Темниковского р-на Республики Мордовия в 2015 г. Мокшанский язык относится к мордовским языкам (финно-угорская ветвь уральской языковой семьи) [11, с. 18]. В некоторых работах мордовские языки включаются в финно-волжскую группу, но в [11] однозначно об этом не сказано. Теоретической базой исследования служит фреймовый подход к лексической типологии, см. [12], [13].

В ходе работы были выявлены основные закономерности, наблюдаемые в организации изучаемых семантических полей в мокшанском языке, затем полученные результаты были сопоставлены с типологическими данными. Кроме того, лексемы, принадлежащие к исследуемым семантическим полям, рассматриваются в работе также и в диахроническом аспекте.

1. Типологическая перспектива

Семантические поля чистый / грязный и прозрачный / мутный недостаточно изучены в типологическом аспекте. Исключение составляют исследование [5], включающее в себя данные пяти языков (русского, английского, китайского, восточноармянского и греческого) и работа [8], выполненная на немецком материале.

Типологические данные [5] позволяют сделать некоторые важные обобщения, указывающие на смежность рассматриваемых полей. В частности, существуют когнитивно значимые объекты, для которых характерно, что наличие одного из признаков имплицитно подразумевает наличие другого (‘прозрачный’ ⇔ ‘чистый’ / ‘мутный’ ⇔ ‘грязный’). Это, например, такие среды, как вода и воздух. Как правило, если вода мутная, это значит, что она грязная, и, наоборот, прозрачная вода, скорее всего чистая – в ней нет ничего, что мешало бы разглядеть дно, а, следовательно, и визуально заметной грязи.

Кроме того, в некоторых языках существуют лексемы, объединяющие значения ‘чистый’ и ‘прозрачный’ / ‘грязный’ и ‘мутный’. Имеются и некоторые метафорические контексты, которые в одних языках обслуживаются лексемой с основным значением ‘чистый’, а в других – лексемой с основным значением ‘прозрачный’, ср. польск. *przejrzyste oczy* vs. русск. *чистые глаза*.

В [5] также выделяются параметры, структурирующие каждую из семантических зон.

Для чистого возможно следующее противопоставление: **отсутствие грязи** vs. **отсутствие примесей** (ср. англ. *clean* vs. *pure*, китайск. *gānjìng* vs. *chún*), однако параметр является релевантным не во всех языках выборки [5].

В зоне прозрачного в языках мира могут существовать лексемы, сочетающиеся с названиями веществ в зависимости от их **агрегатного состояния**. Это означает, для случаев, когда речь идет о жидком или газообразном веществе, используется одна лексема, а о твердом – другая (напр., англ. *clear* vs. *transparent*). Лексема *clear* используется для описания признака прозрачности жидких и газообразных объектов,

³⁰ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536

тогда как *transparent* прототипически используется в сочетании с именами твердых объектов.

Зона грязного содержит противопоставления по **степени проявления признака**. В некоторых языках для этой зоны выделяется два противопоставления (ср. англ. *unclean* vs. *dirty* vs. *filthy*), где лексема *dirty* покрывает центр поля (описывая среднюю степень загрязнения), *unclean* обозначает меньшую степень загрязнения, а прилагательное *filthy*, напротив, обозначает очень сильную [5].

Также существуют языки, различающие степень проявления признака в зоне мутного (**плохо пропускающий свет** vs. **непрозрачный**).

Далее перейдем к рассмотрению мокшанских данных.

2. Данные мокшанского языка

2.1. чистый

Данное семантическое поле покрывают лексемы *čistaj*, *aru*, *ur'adnaj*, *ur'adaf*, а также находящиеся на периферии прилагательные *akšə* 'белый' и *valdə* 'светлый, прозрачный' (см. 2.2.1.). Рассмотрим каждую лексему последовательно.

2.1.1. Лексема *čistaj*

Лексема *čistaj*, заимствованная из русского языка, является доминантной: она покрывает все поле и обозначает отсутствие загрязнения любого типа. Эта лексема сочетается с названиями объектов любого класса – прозрачных и непрозрачных поверхностей (стол, пол, зеркало, окно, книга, одежда, посуда, скатерть, ягоды/фрукты, садовые инструменты) см. (1), пространств (дом, лес), сред (воздух, вода), см. (2), частей тела (руки, лицо, волосы и т.д.); возможна в метонимическом контексте (перенос вида «часть-целое» на человека или животное; перенос на объект: если вода в реке чистая, то и река чистая), ср. (3)

(1) *morkš-s'*   *čistaj*,   *šta-f*
 стол-def.sg   чистый   мыть-ptcp.res
 'Стол чистый, вымытый'.

(2) *T'ε vec'*   *laka-ft-əz 'n'ə*,   *son*   *čistaj*.
 этот вода.def.sg   кипеть-caus-pst.3.s.pl.s/o-3pl.o[sg.s] он   чистый
 'Эту воду уже кипятили, она чистая'.

(3) *Loman'-c'*   *čistaj*   *i*   *ur'adnaj*.
 человек-def.sg   чистый   и   опрятный
 'Этот человек чистый и опрятный'.

Эта лексема также покрывает фрейм отсутствия чего-либо постороннего (необязательно грязи) на поверхности или в пространстве, (например, вещей в углу комнаты; посуды на столе; веснушек или прыщей на коже) ср. (4).

(4) *Vas'ε-n'*   *šama-c*   *čistaj*   *ajaš pəz'gən-ənzə*.
 Вася-gen   лицо-3sg.poss.sg   чистый   neg.ex веснушка-3sg.poss.pl
 'У Васи чистое лицо, без веснушек'.

(5) *Kočk-əm-də*   *mel'ə*   *pandə-n'ε-s'*   *ara-s'-∅*   *čistaj*.
 полоть-inf-abl   после.in   гора-dim-def.sg   статья-pst.3-sg   чистый
 'После прополки грядка стала чистой'.

Для лексемы *čistaj* нерелевантно противопоставление «отсутствие грязи vs. отсутствие примесей»: она может выражать оба значения, но только она может описывать **отсутствие примесей**, см. (6).

(6) *T'ε svitər-s'*   *koda-f*   *čistaj* /*aru /**ur'adnaj*   *pona-stə*.
 этот свитер-def.sg   делать-ptcp.res   чистый чистый чистый   шерсть-el
 'Этот свитер сделан из чистой шерсти'.

Лексема *čistaj* развивает ряд метафор, при этом не исключено, что многие из них калькированы из русского языка.

(7) *T'ε lomat'-t'*   *s'ed'ij-əc*   *čistaj*.
 этот человек-def.sg.gen   сердце-3sg.poss.sg   чистый
 'У этого человека **чистое** сердце'.

- (8) *T'ε lomat'-t' čistaj um-эс.*
 этот человек-def.sg.gen чистый ум-3sg.poss.sg
 'У этого человека **ЧИСТЫЙ** разум'.

Помимо метафоры и метонимии, в мокшанском языке в области чистого есть и более сложный механизм семантического сдвига (теоретические трактовки и данные русского языка см. здесь в [12]). Лексема *čistaj* отрывается от буквального значения и используется в качестве фокусной частицы со значением, близким к русским 'только', 'сплошь' в некоторых контекстах, ср. (9). Также происходит фонетическая редукция, и у *čistaj* в этой функции наблюдается вариант *čistə*.

- (9) *Korta-k čistaj mokš-экс!*
 говорить-imp.sg чистый мокша-trans
 'Говори только по-мокшански!'

2.1.2. Лексемы *ur'adnaj*, *ur'adaf*

Важным, однако, оказывается противопоставление «**исходная чистота vs. возникшая в результате некоторого воздействия**». Довольно употребимой для описания состояния чистоты и смежных фреймов в мокшанском является лексема *ur'adnaj* 'чистый, опрятный', а также результативное причастие *ur'adaf* (от глагола *ur'adams* 'убирать'), в еще большей степени сохраняющее семантику наличия внешнего воздействия, ср. (10)-(12). Однако круг контекстов, где допускается употребление *ur'adaf* в значении 'чистый', уже, чем у *ur'adnaj*. Результативное причастие используется только тогда, когда имеет место изменение положения объекта в пространстве или удаление чего-либо с поверхности объекта. То есть, носители разрешают *ur'adaf* при русских стимулах 'чистый, прибранный дом', 'чистый пол (только что подмели)' реже – в сочетании с *ved'* 'вода' (трактуя этот пример так, что на дне емкости с водой была грязь, а потом ее убрали) и *šama* 'лицо' (если у человека были прыщи, но он их вывел; ср. *šamac ur'adaf* 'его лицо чистое'). Эта лексема не сочетается с именами одушевленных объектов, ср. **loman' ur'adaf*, **ur'adaf loman'* (предполагаемое значение 'опрятный, чистоплотный человек').

- (10) *Morkš-t' lank-sə aš-ə]-t' ked'gə-n'a-t, son ul'-s'-Øur'adnaj*
 стол-def.sg.gen на-in neg-pqr-pl посуда-dim-pl он быть-pst.3-sg чистый
^{OK}*ur'ada-f*
 убрать-ptcp.res
 'На столе не было посуды, он был чистый'.

- (11) *Kədə šεr-n'ə-n' lac šta-m-s, s'in' ul'-ij'-t' čistaj-t'*,
 если волос-def.pl-gen хорошо мыть-inf-ill они быть-npst.3-pl чистый-pl
ur'adnaj-t' /**ur'ada-f-t*
 опрятный-pl убрать-ptcp.res-pl
 'Если волосы хорошо вымыть, то они станут чистыми'.

- (12) *Son šta-z'ə šama-nc i šama-c ara-s'-Ø ur'adnaj,*
 он мыть-pst.3sg.s.3sg.o лицо-3sg.poss.sg.gen и лицо-def.sg стать-pst.3-sg опрятный
čistaj.
 чистый
 'Он помыл лицо, и лицо стало чистым'.

В примере (12) *ur'adaf* также разрешается, однако с другой интерпретацией: это означает, что волосы не распущены, а собраны в прическу, см. (13). Иначе эта лексема интерпретируется и применительно к одежде: это будет означать, что речь идет не о чистой одежде, а о той, которая убрана в шкаф.

- (13) *#šer'-ənzə ur'ada-f-t*
 волос-3sg.poss.pl убрать-ptcp.res-pl
 'У нее волосы собраны в пучок'.

Значение **исходной чистоты**, в отличие от значения **чистоты как результата воздействия**, отдельно не маркировано и также покрывается лексемой *čistaj*. Помимо

употреблений, где семантика явного внешнего воздействия задана контекстом (вода после температурной обработки; дом после уборки; выстиранная одежда; чистое, вымытое лицо, волосы и т.д.), *ur'adnaj* (в отличие от *ur'adaf*) имеет значение 'чисто, аккуратно выглядящий' (чистая скатерть; лес, где нет мусора; лицо без веснушек или прыщей). Это прилагательное хорошо сочетается с одушевленными объектами, ср. *ur'adnaj loman'* 'опрятный / чистоплотный человек', см. (14).

- (14) *T'ε loman'-c' fs'igda čistaj-stə nar'aža-f, i son*
 этот человек- def.sg всегда чистый-el нарядиться-ptcp.res и он
ur'adnaj
 опрятный
 'Этот человек всегда одет в чистое, он опрятный'.

2.1.3. Лексема *aru*

В этой зоне существует также лексема *aru* 'чистый', имеющая ограниченную сочетаемость: прототипически она разрешается только с лексемами *ved'* 'вода', *kožf* 'воздух' и не может сочетаться с названиями других объектов (15)-(16), в т.ч. других жидкостей, ср. **aru lofcə* 'чистое молоко'. Очень редко носители разрешают сочетание *val'mes' aru* 'окно чистое', предпочитая этому конструкцию с русским заимствованием: *val'mes' čistaj*. Согласно [2, с. 66], лексема *aru* заимствована из татарского, где, по данным [7], она означает 'хороший, добрый, опрятный, порядочный, крепкий, чистый (о воде, выстиранных вещах и т.п.)'. Многие носители мокшанского подчеркивают литературность лексемы *aru*, предпочитая употреблять вместо нее *čistaj*.

- (15) *šama-c čistaj / *aru*
 лицо-3sg.poss.sg чистый чистый
 'Лицо (без веснушек, прыщей) чистое'.

- (16) *morkš-s' pek čistaj / *aru*
 стол-def.sg очень чистый чистый
 'Стол очень чистый'.

У этого прилагательного существует ряд метафор. В основном это метафоры, связанные с душой, сердцем (о хорошем человеке) и языком ('красивый, правильный'). Интересно, что в мокшанском языке значения 'душа' и 'дыхание' также тесно связаны: лексема *vajmə* (в некоторых диалектах *ojme*) полисемична и имеет значения 'дыхание, вдыхание' и 'жизнь, душа, дух' [16, с. 1436].

В (18) правильный, чистый язык эксплицитно сравнивается с воздухом.

- (17) *aru vajm-əc loman'*
 чистый душа-poss.3sg человек
 'Человек с чистой душой, доброжелательный'.

- (18) *Son korta-j pek aru / aru kožf-ən'.*
 он говорить-npst.3sg очень чистый чистый воздух-gen
mokšə-n' kel'-sə
 мокша-gen язык-in
 'Он говорит на очень правильном, красивом мокшанском языке'.

2.1.4 Лексема *akšə*

На периферии поля чистый находится лексема *akšə* 'белый', в некоторых контекстах передающая высокую степень чистоты объекта, возникшую в результате некоторого воздействия. Чаще, однако, в этом значении используются ее морфологические производные, см. (19). Сама лексема *akšə* допускается в таком контексте в некоторых идиолектах, см. (20).

- (19) a. *sen'ət vas-tn'ə akšə-l-gəc'-t'*
 синий белье-def.pl белый-vbz-incp.pst.3-pl
 'Синие вещи стали чистыми (после стирки)'.

b.	<i>sen'əm</i>	<i>vas-tn'ə</i>	<i>ola-s'-t' /</i>	<i>*akšə-l-gəc'-t'</i>
	синий	белье-def.pl	линять-pst.3-pl	белый-vbz-incp.pst.3-pl
	'Синие вещи выцвели, полиняли'.			
(20)	<i>Son</i>	<i>mus'k-əz'ən'</i>	<i>ravžə</i>	<i>panar-n'ə-n', i</i>
	он	стирать-pst.3sg.s.3sg.o	черный	рубашка-def.sg-gen и
	<i>s'in'</i>	<i>ara-s'-t'</i>	<i>čistaj't' /</i>	^{OK} <i>akšə-t.</i>
	они.obl	стать-pst.3-pl	чистый-pl	белый-pl
	'Она постирала черные рубашки, и они стали чистыми'			

2.2. прозрачный

2.2.1. Лексема *valdə*

Семантическая зона прозрачного представлена только лексемой *valdə*, покрывающей все поле. Этимологически *valdə* возводится к лексеме со значением 'светлый' [2, с. 2518], [4] и сохраняет это значение и в современном мокшанском языке (*men'el's' valdə* 'небо светлое', *valdə senger'e panar* 'светло-зеленая рубашка' и др.).

Из диахронических данных видно, что *valdə* было заимствовано в зону прозрачного из светлого (в последней зоне оно описывает либо объекты, имеющие функцию быть источником света, либо степень освещенности пространства). Повидимому, здесь имеет место метонимический перенос с объекта, служащего источником света, на ситуативно смежный ему объект, пропускающий этот свет. [6]

Параметр агрегатного состояния вещества, выделенный для зоны прозрачного в [5], в мокшанском нерелевантен (*valdə ved'* 'прозрачная вода', ^{OK}*valdə paket* 'прозрачный пакет', *valdə kožf* 'прозрачный, ясный воздух'). В значении 'прозрачный' *valdə* может сочетаться с названиями материалов (^{OK}*valdə kotf* 'прозрачная ткань', *valdə gl'an'c'ək* 'прозрачное стекло' и др.) или объектов, значительная часть которых образована этим материалом, см. (24).

Из-за возможности неоднозначной интерпретации многих примеров значения 'прозрачный' и 'светлый' довольно трудно развести. В примере (21) дан контекст, позволяющий однозначно сказать, что *valdə* в данном случае употреблена в значении 'прозрачный' и никак не может быть интерпретирована как 'светлый', поскольку признаки 'светлый' и 'темный' являются взаимоисключающими.

(21)	<i>Čej-s'</i>	<i>topədə,</i>	<i>no son</i>	<i>valdə.</i>
	чай-def.sg	темный	но он	прозрачный
	'В чае темная заварка, но он прозрачный'.			

Кроме того, открытым остается вопрос о статусе *valdə* в зоне чистого. В подавляющем большинстве контекстов *valdə* в этом значении запрещается, ср. (22)-(23), однако исключения составляют объекты, обладающие к тому же признаком прозрачности (например, окно, ср. (24)). В таких примерах носители интерпретируют *valdə* и как 'прозрачный', и как 'чистый' (последнее случается реже). Количество таких примеров очень невелико и ограничивается теми случаями, когда наличие одного признака имплицитно подразумевает наличие другого.

(22)	<i>Morkš-s'</i>	<i>pek</i>	<i>čistaj /</i>	<i>*valdə.</i>
	стол-def.sg	очень	чистый	прозрачный
	'Стол очень чистый'.			
(23)	<i>T'a-sə</i>	<i>kožf-s'</i>	<i>pek</i>	<i>aru / *valdə.</i>
	этот-in	воздух-def.sg	очень	чистый
	'Воздух тут очень чистый'.			
(24)	<i>Val'me-s'</i>	<i>valdə,</i>	<i>pačk-ənzə</i>	<i>s'embə-s' n'ej-əv-i-∅.</i>
	окно-def.sg	прозрачный	сквозь-3sg.poss.pl	все-def.sg
	'Окно прозрачное, через него все видно'.			

Эти факты указывают на смежность полей прозрачный, светлый и чистый, при этом степень смежности прозрачного с чистым, если исходить из сочетаемостных свойств *valdə* и других лексем поля, меньше, чем со светлым. Смежность светлого и

прозрачного проявляется в том, что лексема *valdā* совмещает в эти себе значения. На стыке чистого и прозрачного смежность проявляется в том, что наличие одного из признаков для некоторых объектов влечет другой.

Лексема *valdā* используется и в некоторых метафорических контекстах, однако не вполне понятно, исходят ли эти метафоры из поля прозрачного или из поля светлого.

(25) *mon'*   *s'ed'-əz'ə*   *valdā*
я.obl   сердце-1sg.poss.sg   прозрачный
'(букв.) У меня ?прозрачное / ?светлое / ?чистое сердце' comment. «без чувства вины»

(26) *T'ε*   *loman'-c'*   *valdā*   *s'ed'ij-əc*
этот   человек-def.sg   прозрачный   сердце-3sg.poss.sg
'(букв.) Человек с ?прозрачным / ?светлым / ?чистым сердцем' comment. «чистой души человек»

(27) *valdā*   *jožə*
'ясный, чистый   ум / сознание' (о рассудительном человеке)

2.3. грязный

К данному полю мы относим лексемы *urdazu*, *vad'an't'f*, а также конструкцию *af čistaj / af ur'adnaj* с отрицанием доминантного прилагательного из зоны чистого.

2.3.1. Лексема *urdazu*

В зоне грязного существует доминантная лексема – *urdazu*, способная сочетаться практически с любым типом объектов и обозначающая различные типы загрязнения. Она может употребляться для описания и полного, и частичного загрязнения; употребляется как в случаях, когда речь идет только о загрязнении поверхности (руки, стол, посуда, оконное стекло и др.), так и тогда, когда объект загрязнен целиком (вода; одежда, которую долго носили; невытые волосы). Эта лексема применима и в ситуации, когда грязь отчетливо видна, и тогда, когда загрязнение незначительное или незаметное), и, как в примере (29), описывать наличие не только грязи, но и мусора.

(28) *Vanəma-t'*   *kunda-s'-∅*   *urdaz-u*   *kecə*,   *i*
зеркало-def.sg.gen   трогать-pst.3-sg   грязь-attr   рука.in   и
vanəma-s'   *urdaz-u*.
зеркало-def.sg   грязь-attr
'Зеркало трогали грязными руками, и зеркало грязное'.

(29) *R'ečka-t'*   *ber'ak-s'*   *urdaz-u* –   *butilka-t*   *gor'a-f-t*.
речка-def.sg.gen   берег-def.sg   грязь-attr   бутылка-pl   бросать-ptcp.res-pl
'Берег речки грязный – там валяются бутылки'

Лексема *urdazu* морфологически производна: она образована от существительного *urdaz* 'грязь' при помощи атрибутивизатора *-u*. У носителей из старшего поколения система употреблений этой лексемы более четко ограничена: ситуации ее употребления ограничиваются теми, где наблюдается ощутимая степень загрязнения или есть связь с природной грязью (садовые инструменты, берег / лес после дождя и т.д.), ср. (30)-(31).

(30) *Vir'-sə*   *balotə*,   *s'anksə*   *tosə*   *urdaz-u*.
лес-in   болото   поэтому   там   грязь-attr
'В лесу болото, поэтому там грязно'.

(31) *Mar'l'u-t'*   *ez-də*   *pra-f*   *mar'-s'*   *moda-t'*
яблоня-def.sg.gen   в-abl   падать-ptcp.res   яблоко-def.sg   земля- def.sg.gen
lank-s,   *urdaz-u*.
на-ill   грязный-attr
'Яблоко упало с яблони на землю, оно грязное'.

Носители с такой системой запрещают также *urdazu* в (32) и аналогичных примерах, предпочитая использовать конструкцию с отрицанием всегда, когда речь идет не о грязи, как таковой. Примеры, подобные (32), такие носители комментируют следующим образом: «Посуда не может быть *urdazu*, ведь продукты были не грязные».

У лексемы *urdazu*, как и у *čistaj*, развивается метонимический перенос вида «часть-целое» на объект, например, *l'ejs' urdazu* 'речка грязная'. Однако в этом контексте возможна и конструкция с отрицанием (*af ur'adnaj*), см. (2.3.2.). Кроме того, *urdazu* хуже сочетается с именами одушевленных объектов: это прилагательное разрешается в контекстах, где словосочетание *urdazu loman'* (букв. 'грязный человек') имеет значение 'неаккуратно выглядящий человек', 'нечистоплотный человек ('мусорит кругом', и даже 'человек, который повалялся в грязи', и в некоторых аналогичных примерах с животными, но никогда не бывает в таких случаях первой реакцией, поскольку носители также предпочитают конструкцию с отрицанием (причем в подавляющем большинстве случаев это конструкция *af ur'adnaj*).

(32) *Inži-də mel'ə lad'-i-∅ af čistaj /*urdaz-u*
 гость-abl после.in оставаться-npst.3-sg neg чистый грязь-attr
posuda
 посуда

'После гостей осталось много грязной посуды'.

Большая часть носителей запрещает *urdazu* в метафорических контекстах, однако в некоторых идиолектах допускаются сочетания *urdazu loman'* 'клеветник', букв. 'грязный человек', *urdazu vaļt* 'обидные / нецензурные слова', букв. 'грязные слова'.

2.3.2. Конструкция *af čistaj / af ur'adnaj*

В зоне грязного используется конструкция, состоящая из отрицания *af* и прилагательного из зоны чистого, а именно, *af čistaj* и *af ur'adnaj*. Эта конструкция покрывает несколько типов фреймов, а именно, используется для описания менее значительного, менее заметного загрязнения.

(33) *Mar'l'u-t' ez-də s'ez'-f mar'-s', af čistaj*
 яблоня-def.sg.gen в-abl рвать-ptcp.res яблоко- def.sg neg чистый
 'С яблони сорвали яблоко, оно грязное (немытое)'.

Нередко эта конструкция употребляется в тех же значениях, что и русские прилагательные 'неряшливый', 'неопрятный', 'неаккуратный'.

(34) *Vas'εaf kel'ks-i-∅ ešel'a-ma-nc, af*
 Вася neg любить-npst.3sg.s-3sg.o мыться-nzr-3sg.poss.sg.gen neg
čistaj/ af ur'adnaj loman'.
 чистый neg опрятный человек
 'Вася не любит мыться, он неряшливый человек'.

Кроме того, она покрывает фрейм наличия чего-либо постороннего на поверхности, необязательно грязи.

(35) *uža-s' af čistaj*
 угол-def.sg neg чистый
 '<В углу свалено много вещей>, угол захламленный'.

Таким образом, в мокшанском языке существует противопоставление по **степени проявления признака** в поле грязный: признак меньшей степени загрязненности противопоставлен большей степени. В типологии мокшанским конструкциям *af čistaj* и *af ur'adnaj* соответствуют, например, англ. *unclean* и русск. *нечистый*. Однако мокшанские конструкции имеют более широкую дистрибуцию, чем русское *нечистый*, ср. русск. *нечистая книга / *книга нечистая, *нечистое окно, *яблоко нечистое, *нечистая посуда, где *нечистый* не может описывать загрязнение (тогда как мокшанское *af čistaj* встречается во всех этих контекстах). Лексемы, изначально описывающие меньшую степень загрязненности, в некоторых языках типологической выборки [5] отрываются от своего буквального значения и сдвигаются в метафорические контексты (преимущественно со значением моральной нечистоты) ср. русск. *нечистое животное*, *нечистая сила*, *нечистая сделка*. Таким образом, если в русском языке прилагательные *чистый* и *нечистый* устроены не симметрично, поскольку *нечистый* не является прямым отрицанием признака чистоты, а развивает другие значения, то в мокшанском языке, напротив, прилагательные из поля чистый в конструкции с отрицанием дают в результате именно отрицание этого признака.

Конструкции *af čistaj* и *af ur'adnaj* могут развивать и метафорические значения, см. (36).

- (36) a. *Loman'-t'* *af čistaj* *ked'-эс* / *jakaft'*
 человек-def.sg.gen neg чистый рука-3sg.poss.sg ходить-caus
af čistaj t'ef-t.
 neg чистый дело-pl
 'Этот человек нечист на руку'.
 b. *T'ε loman'-t'* *t'ev-ənzə* *af čistaŋ-t'*
 этот человек-def.sg.gen дело-3sg.poss.pl neg чистый-pl
 'У этого человека грязные делишки'.

Образованная по той же модели конструкция *af ur'adnaj* может использоваться, как и *af čistaj*, если речь идет о меньшей степени загрязнения, и имеет значение 'неаккуратный, неопрятный; имеющий неаккуратный вид', см. (37).

- (37) a. *af ur'adnaj loman'*
 неопрятный / неаккуратный человек'

- (38) b. *mar's' af ur'adnaj*
 'яблоко **помятое**', т.е., есть повреждения

2.3.3. Лексема *vad'ən't'f*

С помощью лексемы *vad'ən't'f* 'заляпанный, измазанный' выражается семантика частичного, несплошного загрязнения. Морфологически она производна и представляет собой результативное причастие от глагола *vad'ən'd'əms* 'мазать, пачкать'. Лексема *vad'ən't'f* сочетается с названиями поверхностей, а не сред и материалов (например, зеркало или оконное стекло; посуда – с жирными пятнами; одежда, скатерть – также с пятнами; пол, заляпанный краской; части тела – напр., лицо или руки после еды).

Таким образом, релевантным параметром для мокшанского оказывается характер загрязнения. Это противопоставление можно условно сформулировать как «**частичное vs. полное загрязнение**».

- (39) *Jomla star'-n'ε-t'* *šama-c* *vad'-ən't'f*
 маленький девушка-dim-def.sg.gen лицо-3sg.poss.sg мазать-ipfv-ptcp.res
jarc-əm-də mel'ə.
 есть-inf-abl после
 'У маленькой девочки лицо грязное после еды'.
 (40) *Panar-ti pra-f* *l'em-ən'* *put'k-s'* *i*
 платье-def.sg.dat падать-ptcp.res суп-gen капля-def.sg и
panar-s' vad'-ən't'f.
 платье-def.sg мазать-ipfv-ptcp.res
 'На платье капнули супом, и платье грязное'.
 (41) *Vas'-ən'd'i pov-s'-t'* *urdaz-u /* *ok vad'-ən't'*
 Вася-dat попасться-pst.3-pl грязь-attr мазать-ipfv-ptcp.res
-f, s'ormat-f kn'iga-t
 писать-ipfv-ptcp.res книга-pl
 'Васе достались грязные книги'

Кроме того, в сочетании с названиями таких частей тела, как лицо, глаза, губы и др. одним из возможных значений *vad'ən't'f* является 'накрашенный', причем такая характеристика не несет негативной оценки. В этом значении у *vad'ən't'f* развивается метонимический перенос по модели часть – целое: девушка, у которой накрашены глаза – накрашенная девушка.

Согласно словарю [16, с. 17], у *vad'ən't'f* в литературном мокшанском языке также есть значение 'опороченный', однако данные изучаемого идиома показывают, что метафор эта лексема не развивает (41).

- (42) *af čistaj / *vad'-ən't'f* *loman'*
 neg чистый мазать-ipfv-ptcp.res человек
 'Человек с запятнанной репутацией', досл. 'нечистый / запятнанный человек'.

2.4. мутный

2.4.1. Лексема *šor'af*

Зона мутного покрывается лексемой *šor'af*, которая также морфологически производна (является результативным причастием от глагола *šor'ams* ‘смешать, размешать’). Она сочетается с названиями сред (в основном это вода и другие жидкости, реже – воздух). В значении ‘мутный’ лексема *šor'af* не может сочетаться с названиями твердых объектов. У *šor'af* в этом значении ярко выражена семантика внешнего воздействия (такого, которое вело бы к перемешиванию среды с некоторыми мелкими частицами до однородного состояния). Таким образом, не все контексты мутного покрываются лексемой *šor'af*: эта лексема не употребляется для описания состояния, возникшего не в результате перемешивания с другой субстанцией (например, *šor'af ved' / ved' šor'af* ‘мутная вода’ про непрозрачную воду из крана или закипающую воду; что интересно, в этом контексте иногда разрешаются другие конструкции глагола *šora'ams*, при том, что собственно *šor'af* запрещается ср. ( ))

(43) a. ^{OK}*ved'* *šor'a-v-i-∅*

вода смешать-pass-npst.3-sg

Вода при кипении; букв. ‘смешалась’

b. ^{OK}*ved'* *šud'-i-∅* *šor'a-f-stə*

вода течь-pass-npst.3-sg смешать-ptcp.res-el

Про воду из крана; букв. ‘течет смешанная’

(44) *Vet'-t'* *kuvalmə-c* *tu-s'-t'* *traks-n'ə,* *i*

вода-def.sg.gen длина-ill идти-pst.3-pl корова-def.pl и

ved' *ara-s'-∅.* *mutnaj/* ^{OK}*šor'a-f*

вода статья-pst.3-sg мутный смешать-ptcp.res

‘В воде прошли коровы, и вода стала мутной’.

(45) *T'ε vet'-t'* *esə lamə žuvar-də,* *i* *mutnaj/* ^{OK}*šor'a-f.*

этот вода-def.sg.gen в.in много песок-abl и мутный смешать-ptcp.res

‘В воде много песка, он мутная’.

Помимо этого, *šor'af* описывает наличие примесей в веществе или материале (вне зависимости от того, является ли объект жидким, твердым или газообразным) и, таким образом, в этом значении противопоставляется лексеме *čistaj*, см. (45) – наряду с описанной выше лексемой *urdazu* и конструкциями *af čistaj* и *af ur'adnaj*. Такое «перекрестное» противопоставление лексемы с семантикой ‘чистый’, с одной стороны, лексемам из зоны грязного и, с другой стороны, лексемам из зоны мутного, также указывает на смежность изучаемых семантических полей.

(46) a. *T'ε svitər-s'* *koda-f* *šor'a-f* *s'ur'a-stə*

этот свитер-def.sg делать-ptcp.res смешать-ptcp.res материал-el

‘(Этот свитер не чисто шерстяной,) он сделан из разного материала’.

b. *T'ε svitər-s'* *koda-f* *čistaj* *pona-stə*

этот свитер-def.sg делать-ptcp.res чистый шерсть-el

‘Этот свитер сделан из чистой шерсти’.

(47) *T'ε vina-s'* *šor'a-f.*

этот вино-def.sg смешать-ptcp.res

‘Это вино разбавленное’.

Семантическая зона мутного явилась источником только одной метафоры. Выражение *son šor'af pr'ε* (букв.: он смешанная голова) означает ‘он дурачок’.

2.4.2. Лексема *mutnaj*

Лексема *mutnaj* активно заимствуется в мокшанский язык, но отсутствует в словарях. По всей видимости, носители пока осознают ее как русское слово.

В контекстах, где невозможно *šor'af* (из-за отсутствия внешнего воздействия релевантного типа) носители примерно с одинаковой частотой используют *mutnaj* и описательные конструкции, см. (47)-(48).

(48) *Kran-stə šud'-i mutnaj/* **šor'a-f* *ved'.*

кран-el течь-npst.3sg мутный смешать-ptcp.res вода

‘Из крана течет мутная вода’.

(49) <i>Val'mε-t'</i>	<i>pačk</i>	<i>af</i>	<i>n'eje-v-i</i>	/	<i>*val'mε-s'</i>
окно-def.sg.gen	сквозь	neg	видеть-pass-npst.3sg		окно-def.sg
<i>šor'a-f</i>					
смешать-ptcp.res					
'Сквозь окно ничего не видно'; стимул: 'окно мутное'					

3. Предварительные обобщения

3.1. Мокшанский материал

В мокшанском языке воспроизводятся закономерности (например, особый статус некоторых когнитивно значимых объектов; для мокшанского это выражается в наличии отдельной лексемы *aru* в зоне чистого для имен таких объектов, как вода и воздух) и противопоставления «**исходная чистота vs. возникшая в результате некоторого воздействия**» в области чистого, и противопоставление по **степени проявления признака** в области грязного), отмеченные в типологических исследованиях [5], [8]. В то же время, не все из выделенных предшественниками противопоставлений оказываются релевантными (например, противопоставление «**плохо пропускающий свет vs. непроницаемый**» для мутного и параметр **агрегатного состояния вещества** для прозрачного). Кроме того, мокшанский язык дает материал для того, чтобы говорить о некоторых не отмеченных ранее противопоставлениях. В области грязного это **характер загрязнения** (то есть, «**частичное vs. полное загрязнение**»). Внутри мутного – «**отсутствие vs. наличие внешнего воздействия**».

Мокшанский язык дает много данных, подтверждающих смежность изучаемых полей, о которой писали наши предшественники. Например, в пользу смежности изучаемых полей (чистый и прозрачный; грязный и мутный) говорит значимый для мокшанского признак «**содержащий примеси**». Хотя он выражается с помощью лексемы из зоны мутного, он противопоставлен признаку «**не содержащий примесей**», который выражается лексемой из зоны чистого. Как мы видим, в мокшанском языке прозрачный тесно связан не только с чистым, но и со светлым, причем с последним – в большей степени.

Диахронические данные свидетельствуют, что лексема *valdə* в прозрачном выражает не первичное значение, а демонстрирует развитие из зоны светлого. Более того, все рассмотренные лексемы являются либо относительно недавними заимствованиями из других языков (ср. *aru*, *čistaj*, *mutnaj*), либо примерами семантического развития из смежных семантических полей (ср. *valdə*). А в некоторых случаях лексемы рассматриваемых зон являются морфологически производными, как отыменными (ср. *urdazu*), так и отглагольными (ср. *šor'af*, *vad'an't'f*, *ur'adaf*).

Это позволяет сделать еще одно важное предположение, касающееся исходности и производности лексем в изучаемых полях.

3.2. Типология: диахронический аспект

3.2.1. Данные других уральских языков

Если мы обратимся к данным некоторых других уральских языков (материал был собран в ходе полевой работы с носителями языков ханты и коми в 2016 г. в с. Мужы и с. Овгорт), то увидим, что лексемы, принадлежащие к зонам чистого/грязного и прозрачного/мутного в большинстве своем также производны. Так, в коми 'чистый' – это морфологический каритив (*сӧс-тэм* = *сӧс* 'грязь' + *сар*), в хантыйском – явное заимствование из коми (*sistam*) [10, с. 264-265]. Лексема *гудыр* (коми 'мутный') возводится к общепермскому 'сумрак, мрак' [10, с. 82], а *нясьти / няйт* 'грязь, грязный' морфологически являются существительными. В то же время, прилагательное *сӧдь* 'прозрачный' в коми возводится к корню со значением 'чистый' на общепермском уровне [10, с. 262]. Тем самым, морфологическая или семантическая производность лексем зон чистого и прозрачного является некоторой тенденцией, намечающейся на обследованном материале, но не абсолютной универсалией.

В зоне грязного в хантыйском языке много отыменных производных (например, *хулəŋ*, *нохлəŋ*, *напрəŋ* от *хул* 'грязь', *нохлəл* 'слизь', *напрəр* 'мусор'), образованных с помощью

прибавления атрибутивного показателя *əŋ* к именам, обозначающим различные типы загрязнения. Кроме того, в хантыйском часть лексем заимствована из смежных семантических полей (ср. *nowi* ‘чистый’, исходное значение ‘белый’; *piti* ‘грязный’, исходное значение ‘черный’). В диалектах коми лексема *сьöd* ‘черный’ также развивает значение ‘грязный’ [9, с. 469].

3.2.2. Данные некоторых индоевропейских языков

Обратившись за типологическим фоном к некоторым индоевропейским языкам, мы видим, что большинство лексем, принадлежащих к изучаемым полям, также заимствовались или являются морфологически производными. Например, английское *clean* является восточногерманским заимствованием (ст-англ. *clæne* из **klainoz* ‘чистый, прозрачный’), *clear* заимствовано из старофранцузского и возводится к лексеме со значением ‘светлый’ [1]. Лексеммы из области прозрачного и мутного были в разное время заимствованы из латыни (*turbid* ‘мутный’ из лат. *turbidus* ‘грязный, сумбурный, запутанный’; *opaque* ‘непрозрачный’ из лат. *opacus* ‘неясный, темный, затененный’, заимствование относится к началу 15 в.; *transparent* ‘прозрачный’ из средневеков. лат. *transparentem*, которое является действительным причастием от *transparere* ‘пропускать свет’) [1], а *filthy* ‘грязный’ является отыменным.

В немецком языке область грязного представлена отыменными и отглагольными лексемами (ср. *schmutzig* ‘грязный’ от *schmutz* ‘грязь’ с помощью атрибутивизатора; *schmierig* ‘грязный, замазанный’ от *schmieren* ‘намазывать’; *unsauber, unreinlich* ‘неопрятный’, образованные от лексем *sauber, rein* из поля чистый с помощью отрицания), тогда как в области чистого довольно много лексем, реконструирующихся с тем же значением на довольно глубоком уровне (например, *lauter* ‘чистый, прозрачный’ из прагерм. **xridl=, *xridrō; *xrainia-* ‘чистый’; *rein* из прагерм. **xlūtra; schier* ‘чистый, без примеси’ из прагерм. **skīri-, *skeiri-, *skairia-* ‘прозрачный, светлый, яркий’). В то же время прилагательное *sauber* ‘чистый’ заимствовано из средневековой латыни, как заимствованы многие другие лексеммы наших полей в других языках [8].

Данные польского языка соответствуют общей тенденции. Большинство лексем в этой области являются производными, ср. *przezroczysty* ‘прозрачный’ – отыменная лексема, образованная состоящая из *przez-* ‘через’ и *wzrok* ‘взгляд’. Другая лексема, *przejrzysty* ‘прозрачный’, является отглагольной и образована от *przejrzeć* ‘увидеть’. Прилагательное *brudny* ‘грязный’ также является отыменным и образовано от существительного *brud* ‘грязь’. У лексеммы *czysty* ‘чистый’ довольно глубокие корни, она реконструируется во многих индоевропейских языках с различным значением [14]. В славянских языках корень *-чист-* этимологически родственен корню *-цед-* (ср. *цедить*) [14].

4. Выводы

Мокшанские данные доказывают когнитивную значимость ряда объектов, а именно воды и воздуха: во-первых, некоторые прилагательные рассмотренных зон своими сочетаемостными свойствами обособляют эти классы; во-вторых, именно для этих классов особенно сложно развести часто имплицитующие друг друга и смежные значения ‘чистый’ и ‘прозрачный’.

Кроме того, данные мокшанского языка в сопоставлении с данными некоторых других уральских языков показывают, что в целом для языков этой семьи характерно заимствование лексем в область чистого и прозрачного из других языков (в особенности в область чистого) и либо семантическая деривация из смежных семантических полей. В области грязного и мутного достаточно много морфологически производных лексем.

В рассмотренных в качестве внешнего типологического фона индоевропейских языках область грязного представлена в основном морфологически производными лексемами, зато в области чистого лексеммы в основном возводятся к прагерманским / праславянским корням.

Данный вопрос важен представляет потенциально большое поле исследований для типологии: в различных семантических полях исконность и производность лексем типологически оказывается разной (например, семантика лексем со значением ‘быстрый’ регулярно оказывается производной и заимствуется из других полей [3]), поэтому кажется актуальной задача дополнения лексической типологии этим аспектом устройства семантических полей.

5. Список глосс

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; abl — аблатив; attr — атрибутивизатор; caus — каузатив; car — каритив; dat — датив; def — определенность; dim — диминутив; ex — существование; el — элатив; gen — генитив; ill — иллатив; in — инессив; inscr — инцептив; inf — инфинитив; ipfv — имперфектив; neg — отрицание; npst — непрошедшее время; nzt — номинализатор; o — объект; obl — косвенная основа; pl — множественное число; poss — посессивный показатель; pst — прошедшее время; ptcp — причастие (ptcp.res — результативное причастие); pqr — второе прошедшее; s — субъект; sg — единственное число; vbz — «вербализатор».

Литература

1. Online Etymological Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://etymonline.com> (дата обращения: 10.03.2016)
2. *H. Paasonen*. Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XXIII, I-VI, 1990-1999
3. *V. Plungian, E. Rakhilina*. Time and speed: Where do speed adjectives come from? // Published online: 27 September 2013 / Springer Science+Business Media Dordrecht, 2013
4. StarLing. The Tower of Babel. An International Etymological Database Project [Электронный ресурс]. URL: <http://starling.rinet.ru/intrab.php?lan=en> (дата обращения: 10.03.2016)
5. *Архангельский Т. А., Тагабилева М. Г., Холкина Л. С.* КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ 'ЧИСТЫЙ', 'ГРЯЗНЫЙ', 'ПРОЗРАЧНЫЙ', 'МУТНЫЙ': к построению семантической типологии // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН, Т. VII. Ч. 3 / – СПб: Издательство Наука, 2011. С. – 257–260.
6. *Бибеева М. А.*, Экспедиционный отчет. Рукопись. 2015
7. *Ганиев Ф. А.*, Русско-татарский словарь, 1997 [Электронная версия в словарях АБВУ Lingvo] (дата обращения: 10.03.2016)
8. *Готлан Ю. А.* NICHT NUR SAUBER, SONDERN REIN // Вестник Томского государственного университета 387, 2014. С. 5–7
9. КСК 2014. Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка, в 2 т. / под ред. Л. М. Безносиковой. Т. 2. Сыктывкар, 2014.
10. КЭСЯ 1970. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. М.: «Наука», 1970
11. ОФУЯ 1974. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков) / отв. ред. к.ф.н. В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, Карой Редеи, М.: «Наука», 1974.
12. *Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Карпова О. С.* Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг / Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, О. С. Карпова // Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. – С. 398-455.
13. *Рахилина Е. В., Резникова Т. И.* О работе Московской лексико-типологической группы (стенограмма доклада) // Проблемы лексико-семантической типологии: сборник научных трудов / под ред. А. А. Кретьова – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2011. – С. 126-135.
14. ССКЗД Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Т. И. Жилина, М. А. Сахорова, В. А. Сорвачева. Сыктывкар: «Коми книжное издательство», 1961.
15. *Фасмер М.*, Этимологический словарь Фасмера. [Электронная версия: <http://vasmer.narod.ru>] (дата обращения: 10.03.2016)
16. *Щанкина В. И.*, Мокшень-рузонь валкс — Русско-мокшанский словарь. Саранск: «Мордовская книжная издательствась», 1993

ЛЕКСИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Расширение межъязыковых и межнациональных связей на различных социальных и технических уровнях является одной из характеристик современной эпохи. Развитие коммуникационных технологий и обмен информацией все острее ставит вопрос понимания друг друга носителями различных языков.

На сегодняшний день одной из наиболее интересных и перспективных прикладных задач лингвистики является поиск оптимальных моделей для межъязыковых преобразований, пригодных для использования в автоматизированных системах. Уже сейчас имеется большое количество лингвистических и технологических разработок и программных средств, облегчающих общение, а также чтение и понимание текстов для разноязычных пользователей. Сюда можно отнести машинные и онлайн словари, машинные переводчики и т.д. Несмотря на это поиски методик и моделей межъязыковых преобразований продолжают.

Одной из основных форм межъязыковых преобразований является перевод. Существует много определений данного понятия. Перевод определялся и как деятельность, которая заключается в вариативном перевыражении, перекодировании текста, порожденного на одном языке, в текст на другом языке, осуществляемая переводчиком, и как один из видов опосредованной коммуникации, в которой всегда имеются первичные тексты и вторичные тексты, создаваемые языковым посредником и т.д. [Раренко 2010:260].

На наш взгляд, все определения в отношении перевода текстов сводятся к простой парадигме: **Перевод** – это деятельность по интерпретации смысла текста на одном языке (исходном языке [ИЯ]) и созданию нового, эквивалентного текста на другом языке (переводящем языке [ПЯ]). Целью перевода является установление отношений эквивалентности между исходным и переводным текстом (для того, чтобы оба текста несли в себе одинаковый смысл). Эти ограничения включают контекст, правила грамматики исходного языка, традиции письма, его идиомы и т. п.

В этой связи стоит отметить, что уровень межъязыковых преобразований может быть различным для разных языковых пар. Глубина и сложность преобразовательного процесса зависит от степени межъязыковой дивергенции на фонетическом, морфологическом, лексическом и грамматическом (семантическом и синтаксическом) уровнях.

В рамках исследований по компьютерной лингвистике была разработана Шкала для уровней сложности межъязыкового преобразования (Табл.1).

Таблица 1 – Шкала для определения значения уровня сложности межъязыкового преобразования

Уровень	Описание уровня
Корректор	Отсутствие преобразования. Замена корней на корни, согласование частот словоупотреблений. Корректор текста между диалектами одного языка. Пример: коррекция текстов между дари и фарси.
Конвертер систем письма	Конверсия графических систем письма и/или между морфемное преобразование: аффикс ↔ аффикс, корень ↔ корень. Пример: конверсия текстов между таджикским и фарси.
Грамматический (Лексический)	Преобразование одноподобных языков с незначительными

	преобразователь	грамматическими различиями, согласование падежей, родов, союзов и аффиксов. Пример: киргизско-узбекский перевод
	Морфологический преобразователь	Морфоанализ и морфосинтез, незначительное количество синтаксических преобразований.
	Синтаксический преобразователь	Морфо- и синтаксические преобразования. Незначительное количество семантических преобразований (идеомы).
	Семантический преобразователь	Семантические преобразования, контекстный анализ, раскрытие омонимии, неоднозначностей, неологизмов.

Как отмечается, системы машинного перевода занимают диапазон со 2 по 5 уровень [Гращенко 2011: 92-106].

Таким образом, сложность лингвистических моделей и алгоритмов, необходимых для межъязыковых преобразований текстов, зависит именно от уровня исполнений необходимых перевыражений и перекодировок, укладывающихся в рамки парадигмы, изложенной в Таблице 1. И чем выше уровень, тем процесс преобразования становится сложнее и требует учета все большего количества лингвистических аспектов и факторов.

Одним из перспективных методов межъязыковых преобразований текстов для близкородственных и ареально близких языков, с нашей точки зрения, является, Трансформационный метод (ТМ). Если выразить уровень сложности преобразований ТМ через вышеприведенную шкалу, то он лежит в диапазоне от 0 до 3.

Основы трансформационного метода лежат в лингвистической теории о межъязыковых преобразованиях. Поскольку речь идет о межъязыковых преобразованиях текстов, то в качестве основной единицы трансформации необходимо рассматривать предложение. Основными компонентами структуры предложения являются грамматические категории (морфологические формы и синтаксическая модель) и лексическое наполнение. Исходя из этого, в лингвистической науке дифференцируются три парадигмы, характеризующие то, что подвергается изменению или преобразованию в предложении: «трансформация», «перифраза» и «деривация». Так, при трансформации изменяется грамматическая модель предложения при сохранении лексемного состава и смысла (значения), перифраза характеризуется изменением модели и лексического состава наполнения, при неизменности содержательной стороны высказывания, а деривация представляет собой изменение во всех аспектах предложения, включая его смысловое содержание. Схематично влияние на преобразование предложения каждой из трех парадигм можно отобразить следующим образом (Табл. 2. знак «+» обозначает наличие изменения, знак «-» - неизменность) [Гак 1998: 768].

Таблица 2 – Парадигмы межъязыковых преобразований предложения

	Парадигма	Грамматическая модель	Лексическое наполнение	Смысл
	Трансформация	+	-	-
	Перифраза	+	+	-
	Деривация	+	+	+

Предлагаемый в этой статье трансформационный метод лишь частично касается изменения грамматической модели предложения. С другой стороны, он выходит за рамки парадигмы трансформации и отчасти затрагивает перифразу. Рассматриваемые в рамках ТМ близкородственные и ареально близкие языки,

обладают определенной грамматической симметрией и имеют значительное, но не полное, сходство в лексическом плане. Следует отметить, что в рамках приведенных выше парадигм межъязыковых преобразований не рассматривается вопрос графического отображения текста. Этот фактор включен в состав ТМ. Таким образом, трансформационный метод лежит на границе трансформации и перифразы, частично расширяя и частично изменяя границы этих моделей.

Лексико-типологический фактор является одним из решающих в описываемом методе. От уровня лексической дивергенции между двумя языками зависит успех применения метода. Наиболее ярким примером роли лексической типологии в языках, по отношению к которым может быть применен ТМ, являются иранские языки Центральной Азии (ЦА).

Языковая картина региона Центральной Азии, если рассматривать ее с позиций иранской группы языков, является весьма интересной. В центре региона расположился массивный пласт персидско-таджикского языкового кластера (ПТЯК), представленный языками юго-западной подгруппы иранской группы языков: таджикским, дари и фарси (современным персидским) языками. Начиная с XVI-XVII вв. начинается процесс расхождения между фарси, таджикским и дари языками, составляющие некогда единый, так называемый, язык классической таджикско-персидской литературы. В силу социально-политических причин в ходе истории эти языки были разделены государственными границами, и даже в определенный период времени развивались изолированно друг от друга. Сегодня языки юго-западной подгруппы на территории ЦА являются официальными в трех странах: Афганистане, Иране и Таджикистане (рис.1) [Фомин 2014: 89-96].

Рисунок 1. Языковое положение персо-таджикского языкового кластера в Центральной Азии.

Несмотря на разделение, все языки, входящие в ПТЯК, сохранили грамматическую симметрию, однако имеют расхождение на уровне графического отображения на письме и лексическом уровне. Примером тому служит то факт, что письменность современного таджикского языка строится на основе кириллического алфавита, а языков фарси и дари на основе арабского, с добавлением ряда графем, отражающих специфические для этих языков звуки.

Сразу стоит отметить, что фонетический состав всех трех языков является идентичным. Разница происходит лишь в области произношения тех или иных звуков при устной речи. Однако это никак не влияет на письменные тексты.

Как отмечалось выше, решение вопросов конверсии графических систем письма, входят в состав ТМ. Применяя разносторонние подходы по отношению к ПТЯК, различными группами исследователей был разработан ряд автоматизированных систем по конверсии графики письменности с таджикского на персидский язык и обратно [Фомин 2011: 36-39]. Особое место среди которых занимает совместная разработка российских и таджикских ученых под названием «Таджикско-персидский конвертер графических систем письма» [Гращенко Л.А., Фомин А.Ю 2008: 20-26]. Таким образом, проблема трансформации таджикских текстов в тексты на языках дари и фарси, а также обратно, была решена.

Вопрос лексико-типологического соответствия рассматриваемых трех языков имеет ряд особенностей. Глоттохронологическое исследование дивергенции таджикского, дари и персидского языков, показало, что относительное время дивергенции этих трех языков составляет около 450 - 500 лет. А сравнение опытного списка слов базисной лексики, разработанного на основе 200 словного списка Сводеша, выявило различие в 35 лексических элементах между таджикским и персидским языками, и, соответственно, – 83% сохранившейся базовой лексики в обоих языках; различие в 32 лексических элементах между таджикским и дари языками (84 % общей базовой лексики) и различие в 28 лексических элементах между дари и персидским языками (86% сохранившейся базовой лексики) (табл.3) [Фомин 2011: 34].

Таблица 3 – Сходство элементов базисной лексики языков ПТЯК

Языки	Персидский язык	Таджикский язык	Язык дари
Персидский язык		83%	86%
Таджикский язык	83%		84%
Язык дари	86%	84%	

Данные полученные в ходе глоттохронологического исследования показывают определено интересные результаты для лексического состава близкородственных языков, которые заключаются в более чем 14% лексических расхождениях. Так, можно предположить, что на бытовом уровне носители этих языков не смогут корректно понять друг друга в 14-17% случаев (включая текстовые сообщения). Для понимания и устранения данного типа проблем в рамках трансформационного метода предусматривается лексическая нормализация текстов, основанная на типологическом анализе лексики, используемой в языковых парах.

Еще до выделения в XVI-XVII вв. из общего классического литературного персидско-таджикского языка языков дари, таджикского и современного персидского, на формирование его лексического состава было оказано большое внешнее и внутреннее влияние, воздействовав на общие черты лексической типологии будущих трех языков ПТЯК. После языкового разделения под влиянием политических и социально-экономических факторов этот процесс продолжился, все более усугубляя лексическую дивергенцию между языками. Тут мы склонны выделить несколько наиболее значимых факторов, которые, можно разделить на: ареальный, исторический и диалектный. Все три фактора тесно взаимосвязаны, и каждый из них несет в себе, как общие черты, так и имеет определенные особенности для каждого из этих языков.

Ареальный фактор более связан с географией распространения языка и с влиянием на него тех языков, с которыми он граничит и непосредственно ареально соприкасается. Этот фактор представляется наиболее ограниченным в пространстве,

поскольку границы распространения, употребления или влияния того или иного языка в географическом плане постоянно менялись в соответствии с историческим периодом. Также данный фактор не затрагивает глубинных пластов лексики. С другой стороны, ареальный фактор тесно связан с историческим. Однако остается несомненным влияние ареального фактора на языки ПТЯК. Так для *таджикского* языка это ряд тюркских языков (узбекский, киргизский), памирские языки, для языка дари: пушту, тюркские языки (узбекский и туркменский), балучи, пашаи, нуристанский и др., а для *современного персидского* языка это армянский, туркменский, курдский, азербайджанский и т.д. Ареальный фактор не всегда играет решающее значение при формировании лексической системы языка. В случае персидско-таджикского языкового кластера он также является неоднозначным. Например, процент лексических заимствований в таджикском языке, связанный с ареальным фактором, относительно низок. Он играет роль либо в приграничных районах современного Таджикистана, где имеет место соприкосновение носителей таджикского и узбекского или киргизского языков, либо во внутренних районах страны, где носители таджикского языка соприкасаются с носителями памирских языков. Однако больший процент заимствований из тех же тюркских языков в таджикском языке более связан с историческим фактором. В случае с языком *дари* ареальный и исторический факторы перемешиваются, особенно если речь идет о взаимном проникновении лексики таких языков как *пушту* и *дари*. Тут ареальный фактор может играть роль в том плане, что количество заимствований из *пушту* в лексике носителей языка *дари* увеличивается пропорционально с территориальным приближением соприкосновения носителей этого языка с носителями языка *пушту*: т.е. чем ближе к территории коренного распространения языка *пушту*, тем выше содержание заимствований из этого языка в речи носителей языка *дари*. То же самое происходит и в зонах соприкосновения *дари* с другими языками Афганистана.

Исторический фактор - один из наиболее мощных факторов из числа влияющих на лексический состав любого языка. В частности, в персидско-таджикском языковом кластере этот фактор повлиял на формирование общих основ современного персидского, таджикского и дари языков, сделав их наиболее пригодными для ТМ.

Суть данного фактора состоит в определении меры влияния на формирование лексики персидско-таджикского языкового кластера со стороны других языков в рамках их исторического взаимодействия.

Формирование лексической системы персидско-таджикского языка можно разделить на пять основных этапов. К первому этапу формирования можно отнести исторический период древности, со II тысячелетия до н.э., когда иранские языки выделяются из арийской общности, затем 6 – 2 вв. до н.э., и до раннего средневековья (6 в н.э.), когда продолжал развиваться древнеперсидский язык.

Следующим этапом можно назвать завоевания территории компактного проживания иранских народов Мавераннахра арабами (VII – VIII вв. н.э.) и появления на территории Центральной Азии ислама, в ходе которого персидский язык обогатился значительным количеством арабских заимствований. По некоторым данным в современных таджикском, дари и фарси языках арабские заимствования составляют от 35 до 50% лексики.

Третий этап (с XI по XIV века н.э.) – период массового переселения на территорию Центральной Азии тюркских племен и тюрко-монгольского завоевания, когда в персидский язык вошли тюркские заимствования [Гафуров 1989: 390; Раджабова 2007: 153].

Особо необходимо отметить четвертый этап с XVI в., когда начинается процесс расхождения между письменным языком (варианты названия: *farsi*, *farsi-yi dari*, классический персидский язык, классический таджикско-персидский язык) и разговорной речью.

Пятый этап ознаменован образованием государств Иран, Таджикистан и Афганистан и продолжении эволюции на их территории национальных вариаций общего персидского языка, которые стали называться дари, таджикский и фарси (персидский)

Внутри каждого из перечисленных этапов становления лексической системы ПТЯК, существуют подэтапы, которые дают более глубокое понимание формирования национальной лексики в каждом из рассматриваемых языков. В качестве примера можно назвать вхождение в конце XIX начале XX веков территории современного Таджикистана в состав сначала Российской империи, а затем СССР. В этот период таджикский язык обогатился большим количеством русско-интернациональных заимствований. Те же самые процессы наблюдались в языках дари и фарси, когда, опять-таки, под влиянием некоторых исторических событий, в лексический состав этих языков вошли и пребывают до сих пор заимствования из европейских языков (в частности английского, французского и т.д.).

Третьим фактором формирования лексического состава рассматриваемых языков является диалектный. Под этим фактором следует понимать особенности и частоту употребления тех или иных лексических единиц, обозначающих какой-либо предмет, его свойство или действие, распространенных в одном языке и отсутствующих, менее распространенных, либо имеющих другое значение в другом, близкородственным первому, языке. Например, в таджикском языке для передачи значения 'имя' используется слово *ном* (نام), в то время, как персидском и дари языках используется слово арабского происхождения *исм* (اسم), а лексема *ном* используется реже. В другом случае, семема 'птица' в таджикском языке обозначается словом *парранда*, тогда, как в персидском языке для этого используется лексема *мурғ* (مرغ), в таджикском языке обозначающее 'курицу'. Или семеме 'сердце' в таджикском языке соответствует лексема *дил* (دل), употребляющаяся в персидском языке в значении 'печень'. В значении же 'сердце' чаще употребляется арабское заимствование *қалб* (قلب). Еще ряд примеров: в значении 'нос' в персидском языке чаще употребляется слово *дамоғ* (دماغ), а в таджикском – *бинӣ*; в персидском 'красный' – *қирмизи* (قرمزی), в таджикском *сурх*. Таких примеров – множество. Именно подобные явления, по нашему мнению, и составляют понятие «диалектного фактора», который является, с одной стороны, связующим для всего персидско-таджикского языкового кластера, а с другой стороны, – указывает на особенности и различия, существующие внутри данного объединения языков.

В этот же фактор можно включить и вновь появляющиеся в языках слова, созданные на принципах и правилах уже сформировавшихся современных таджикского, персидского и дари языков, которые зачастую являются уникальными и присущими исключительно одной из этих трех языковых культур – отсутствующие или имеющие иное значение у соседней.

Таким образом, рассмотрев основу лексической типологии ПТЯК мы можем составить сравнительную таблицу типов лексики, входящей в состав каждого из трех языков (табл.4).

Таблица 4 – Лексическая типология языков персидско-таджикского языкового кластера.

	Языки		
	Персидский язык	Язык дари	Таджикский язык
Т и п ы л е к с к и	Лексика классического литературного персидско-таджикского языка	Лексика классического литературного персидско-таджикского языка	Лексика классического литературного персидско-таджикского языка
	Арабские заимствования	Арабские заимствования	Арабские заимствования
	Тюркские заимствования (входят заимствования, как и исторического, так и ареального факторов)	Тюркские заимствования (входят заимствования, как и исторического, так и ареального факторов)	Тюркские заимствования (входят заимствования, как и исторического, так и ареального факторов)
	Европейские заимствования (в основном, из англ. и франц. языков)	Европейские заимствования (в основном, из англ. и франц. языков)	Европейские заимствования (из русск. языка и через него – из других европейских языков)
	Заимствования из других языков (азербайджанский, курдский, армянский и т.д.)	Заимствования из других языков (пушту, хинди и т.д.)	Заимствования из других языков (хинди, памирские языки и т.д.)
	Диалектизмы и новые слова	Диалектизмы и новые слова	Диалектизмы и новые слова

Как видно из таблицы 4, у таджикского, персидского и дари языков существует много общих точек лексико-типологического соприкосновения, способствующих применению к ним трансформационного метода для межъязыкового преобразования текстов. В частности, по предварительным оценкам даже сходство в исконной классической лексике, арабских заимствованиях, заимствованиях из тюркских и ряда европейских языков покрывает до 80-82% общего лексического состава внутри данного языкового кластера. Создание средств коррекции или лексической нормализации в рамках ТМ сможет позволить устранить разночтения и недопонимания в текстах на таджикском, дари и персидском языках при их преобразовании с одного языка на другой.

Широта применения трансформационного метода не ограничивается вопросами конверсии графических систем письма и нормализацией лексического состава преобразуемых друг в друга текстов на близкородственных языках со сравнительно небольшой языковой дивергенцией. Данный метод может быть применен и к языкам имеющим более дальнюю родственную связь, чем таджикский, дари и персидские языки.

Особое место среди языков ареально и исторически близких друг к другу, а также оказавших друг на друга большое влияние в плане взаимопроникновения лексических единиц, занимает языковая пара *дари* и *пушту*. Язык *пушту* является, наряду с *дари* является государственным языком Афганистана. В Пакистане *пушту* –

это один из официальных рабочих языков в провинциальных и Национальных ассамблеях Белуджистана и Северо-Западной пограничной провинции. Для пуштунов Афганистана и Пакистана характерно наличие двуязычия. В Афганистане – пушту и дари, а в Пакистане – пушту и урду, пушту и балочи и др.

Большой интерес представляет длительное билингвистическое «сосуществование» между языком пушту, который, относится к юго-восточной подгруппе иранских языков и является родственным бактрийскому языку, и языком дари, относящемуся к юго-западной ветви иранской группы языков и представляющего собой потомка среднеперсидского языка. Хотя оба языка-предка, бактрийский и среднеперсидский, относятся к иранским языкам среднего периода, и по сути являются родственными в рамках одной семьи, точный уровень дивергенции между пушту и дари требует проведения дополнительных исследований.

Несмотря на некоторую разницу на фонетическом и грамматическом уровнях, лексический состав языка пушту во многом схож с языком дари. В составе пушту в большом количестве присутствуют арабские заимствования, заимствования из тюркских языков. К самым новым по времени заимствованиям в языке пушту, необходимо причислить заимствования из английского как непосредственные, так и через посредство ново-индийских языков. Большинство ученых связывает это явление той зависимостью от Англии, в которой Афганистан находился вплоть до второй половины XX века. Письменность обоих языков строится на основе арабской графики. Сравнение типов лексики в языках дари и пушту выглядит следующим образом (табл. 5).

Таблица 5 – Лексическая типология языков дари и пушту.

Язык дари	Язык пушту
Лексика языка дари/фарси (основа языка)	Лексика языка пушту (основа языка)
Арабские заимствования	Арабские заимствования
Европейские заимствования	Европейские заимствования
Тюркские заимствования	Тюркские заимствования
Заимствования из языка хинди	Заимствования из языка хинди
Заимствования из языка пушту	Заимствования из языка дари
Заимствования из других языков	Заимствования из других языков

В данном случае мы видим много точек лексического соприкосновения: арабские, тюркские заимствования, заимствования из европейских языков (зачастую из английского языка). Опыт показывает, что человек, владеющий персидским языком, в определенно сложившихся условиях, прочтя текст на пушту сможет воспроизвести его общий смысл, основываясь только на лексико-типологической симметрии, существующей между этими языками. В качестве примера можно привести двуязычный перевод 1-й статьи Всеобщей декларации прав человека ООН. Она звучит как: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства. На языке дари она выглядит следующим образом:

تمام افراد بشر آزاد زاده ميشوند و از لحاظ حيثيت و كرامت و حقوق
با هم برابراند. همگي داراي عقل و وجدان هستند و بايد با يكدیگر با
روحیه ای برادرانه رفتار کنند.

Tamām-e afrād-e bašar āzād zāde mīšūnad va az leḥāz-e ḥaišīyat-o karāmat-o ḥoqūq bā ham barābarānd. hamgī dārā-ye ‘aql-o vejdān hastand va bāyad bā yekdīgar bā rūḥīye ai barādarāne raftār konand.

Тот же текст на пушту выглядит так:

د بشر ټول افراد آزاد نړۍ ته راځي او د حيثيت او حقوقو له پلوه سره

برابردۍ - ټول د عقل او وجدان خاوندان دي او يوله بل سره د

ورورۍ په روحيې سره بايد چلند کړي -

Də bašar ʔol afrād āzād narəy tâ rāzī au də ɥaɣsiyat au ɥuqūqo lâ palwâ sarâ barābar dī. ʔol də ʔaɣl au wiɟdān ɥāwandān dī au yo lâ bal sarâ də warorəy pâ rūɥiye sarâ bāyad ɕaland kəɥī.

Анализ текста показал достаточно большое количество лексических совпадений (выделены желтым). Вопрос сходства лексического состава между языками *дари* и *пушту* изучен недостаточно. Однако, имеющийся уровень языковой симметрии в грамматике и лексики обоих языков позволяет говорить о возможности применения трансформационного метода для преобразования текстов с одного языка на другой. Перспектива данного метода такова, что преобразовав текст с языка *пушту* на язык *дари*, в дальнейшем мы сможем преобразовать его как на *персидский* язык, так и на *таджикский*.

Таким образом, вышеприведенные примеры показывают достаточно широкие возможности применения трансформационного метода для преобразования текстов на близкородственных и ареально близких языковых парах. Лексико-типологический фактор играет в данном процессе одну из ведущих ролей, поскольку составляет основу для понимания информации в тексте и минимизирует необходимость создания специальных словарных баз данных, в случае разработке модели или алгоритма для систем компьютерной трансформации текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Отд. языкознания; Отв. редактор канд. филол. наук Раренко М.Б. – М., 2010. – 260 с.
2. Фомин А.Ю. Проблемы языковой трансформации на примере языков иранской группы // Актуальные проблемы филологии. Материалы республиканской научно-практической конференции. – Душанбе, 2013. – с. 191-195.
3. Гращенко Л.А. Анализ состояния и перспектив развития систем машинного перевода для стран Центральной Азии и Кавказа. // Новые информационные технологии в автоматизированных системах: материалы четырнадцатого научно-практического семинара. - Моск. гос. ин-т электроники и математики. - М., 2011. – с 92 – 106.
4. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа «Язык русской культуры», 1998. – 768 с.
5. Фомин А.Ю. Перспективный вектор лексического развития иранских языков юго-западной подгруппы в Центральной Азии. Ареальный, исторический и диалектный факторы влияния // Сборник материалов круглого стола «Перспективы развития фундаментальных и прикладных лингвистических исследований в Республике Таджикистан. Автоматизация лингвистических исследований». – Душанбе: РТСУ, 2014. - с. 89-96.
6. Усманов З.Д., Гращенко Л.А., Фомин А.Ю. Информационные основы автоматизированной таджикско-персидской транслитерации // Известия АН РТ - №1(130) – 2008 г. – С. 20-26.
7. Гращенко Л. А., Фомин А. Ю. Опыт реализации средств таджикско-персидской конверсии графических систем письма // Доклады АН РТ. - №8. - 2008. – с. 20-26.

8. *Фомин А.Ю.* Глоттохронологическое исследование дивергенции таджикского, дари и персидского языков / А.Ю. Фомин. - Душанбе: Издательство РТСУ, 2011. - 34 с.
9. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки / Среди авторов В.А. Абаев, М.Н. Боголюбов. Ответственный редактор В.С.Расторгуева. - М.: Издательство «Наука», 1982. – 572 с.
10. Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки. / под ред. В.С. Расторгуевой. – М.: Индрик, 1999. – 343 с.
11. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml/
12. *Гафуров Б.Г.* Таджики. Книга вторая / Б.Г. Гафуров. – Душанбе: Издательство «Ирфон», 1989. – 390с.
13. *Раджабова Р.Р.* Сопоставительный анализ лексических единиц таджикского и узбекского языков (в условиях взаимодействия): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Раджабова Раъно Рахматовна. – Душанбе, 2007. – 153 с.
14. *Фомин А.Ю.* Роль структурной типологии в создании лингвистических алгоритмов в области конверсии графических систем письма / А.Ю. Фомин // Сборник материалов круглого стола «Перспективы развития фундаментальных и прикладных лингвистических исследований в Республике Таджикистан. Автоматизация лингвистических исследований». – Душанбе: РТСУ, 2011. - С. 36-39.